

АСЫЛ БОЛПОНОВА

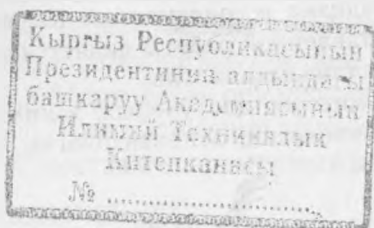
**ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КЛАНОВОЙ
СИСТЕМЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА
(XIX – XXI ВВ.)**

БИШКЕК - 2013

АСЫА БОЛПОНОВА

**ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КЛАНОВОЙ
СИСТЕМЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА
(XIX – XXI ВВ.)**

Бишкек – 2013

УДК 93/94
ББК 63/3(2Ки)
Б 79

Рекомендовано к изданию решением Ученого Совета Кыргызского экономического университета им. М. Рыскулбекова (протокол №11 от 28.06.2013).

Ответственный редактор: доктор исторических наук,
профессор З.К. Курманов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
А.Дж. Джуманалиев
доктор исторических наук, профессор
З.И. Галиева

Болпонова А.Б.

Б 79 История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX – XXI вв.). – Б.: Maxprint, – 2013. – 284 с.

ISBN 978-9967-27-119-7

В данном исследовании в хронологической последовательности прослеживаются этапы развития клановой системы в политических процессах кыргызского общества, а также ее дальнейшей трансформации. В результате анализа автор впервые в работе доказывает, что современная научная интерпретация «клана» расширилась. Особое внимание уделяется вопросам номадизма в современном Кыргызстане. Главным достоинством представленной работы является анализ политических процессов Кыргызстана начала XXIV.

Работа представляет научный интерес для ученых, занимающихся изучением истории, этнополитологии, этнопсихологии, антропологии.

Б 0503020911-13

ISBN 978-9967-27-119-7

УДК 93/94
ББК 63/3(2Ки)
© Болпонова А.Б., 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА 7	
1.1. Традиционное кыргызское общество в научной литературе досоветского и советского периодов.....	7
1.2. Постсоветские ученые о традиционном кыргызском обществе	21
1.3. Клань как объект исследования	45
1.4. Кочевое общество кыргызов и система родоплеменного деления кыргызов	64
ГЛАВА 2. РЕФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX – XX ВВ.....	93
2.1. Российско-имперские преобразования середины XIX – начала XX вв. Административно – территориальная политика царизма.....	93
2.2. Советизация традиционного уклада кыргызского общества	113
2.3. Период «двойных стандартов» и образование номенклатурного клана (1950 – 1990 гг.).....	135
ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННОЕ КЫРГЫЗСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	161
3.1. Формирование политико-семейного клана суверенного Кыргызстана	161
3.2. Мартовская революция 2005 г.: причины и итоги.....	189
3.3. Трансформация традиционного кыргызского общества в современный период.....	217
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	255

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних лет, в истории Кыргызстана, превратившегося в одно из самых нестабильных государств на постсоветском пространстве, происходят крупные политические катаклизмы – от демократического этноцентризма до кровавых межэтнических и внутриэтнических конфликтов. Важным источником политической нестабильности кыргызского общества в наши дни стали проблемы этнической идентификации, ренессанс трайбализма и клановости. Всеобъемлющий кризис в социально-экономической, политической и культурной жизни современного Кыргызстана также определил ошибочный взгляд и недооценку рыночных реформ, историко-культурной специфики кыргызского общества. Обращение к истокам родовой идентификации кыргызов и его научное исследование являются велением времени из-за усиления его роста и влияния на политические процессы в стране. Переступив порог XXI века, политическую жизнь Кыргызстана уже невозможно представить без этого феномена.

Научные исследования при анализе роли государства в процессе демократизации общества обычно фокусировались на классах, политических партиях, не осознавая значения неформальных отношений в ослаблении прочности режимов. Именно деятельность таких социальных групп, внутренне объединенных набором неформальных норм и правил, наиболее актуализировались с обретением суверенитета. Поэтому, сам феномен появления, существования и сохранения родовой идентичности до настоящего периода, и формирование на этой основе стереотипов, регламентирующих жизнь современного кыргызского общества, является главной побудительной причиной научного исследования.

Общеизвестны, отрицательные оценки феномена клановости, трайбализма в нашем обществе. Современные представления о них часто носят гиперболизированный характер, им отдают доминирующее положение, прежде всего, при рекрути-

ровании политической элиты страны. Однако нельзя исключать того, что «кыргызский трайбализм», проявляющий себя на уровне номенклатурно-институциональных структур, является следствием причин, изначально заложенных в принципы и функциональные особенности внутренней организации кыргызского этноса, заложенные еще в кочевой общине на ранней стадии ее формирования.

Актуальность темы исследования заключается также в комплексном изучении традиционной кочевой общины кыргызов на протяжении XIX – начале XXI вв. Особую роль в ней играли родственно-генетические отношения, как доминирующие по сравнению с экономическими отношениями. Традиционное общество кочевников выработало свой тип хозяйствования – кочевое скотоводство. Индивид зависел от коллектива родственников и воспринимал эту зависимость как естественное состояние. Таким же образом регламентировались и наследственные права члена общины. Родственные взаимоотношения образовывали основу общественного порядка кыргызского общества.

Постсоветские общества, в том числе и Кыргызстан, обладают территорией, занимающей шестую часть суши земного шара. Именно номадические цивилизации на протяжении сотен лет осваивали эти огромные территории. В процессе освоения выработались особые типы группового сознания и самосознания. Поэтому анализ этнических и национальных идентификаций номадов и постномадов советских и постсоветских территорий представляет большой научный интерес для мирового сообщества.

Разумеется, тысячелетиями испытанные, отшлифованные многовековым жизненным опытом народа формы социально-экономических связей, игравшие определяющую роль в производстве, культовых действиях, управлении, родоплеменные отношения с их идеологией не могли сойти со сцены за несколько десятков лет и даже в течение жизни двух-трех поколений. Но под влиянием внешних и внутренних факторов они трансформировались и модернизировались. Следовательно, актуальность постановки данной проблемы непосредственно связана со

значимостью изучения традиционного кыргызского общества. Проанализировав причины их возникновения, оценив роль родовой идентификации, мы можем дать ответы на современные вопросы. Без обстоятельного изучения традиционного кыргызского общества, идентификации и менталитета кыргызов может исчезнуть и весь феномен его существования.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА

1.1. Традиционное кыргызское общество в научной литературе досоветского и советского периодов

Традиционное кыргызское общество, вопросы номадизма и кочевой культуры, а также внутренняя архитектура родоплеменного объединения, его социальные слои еще мало изучены. Надо признать, что в досоветский период изучение данной проблемы носило больше эмпирический военно-стратегический и геополитический характер.

В советский период подобные вопросы считались закрытыми, находясь под идеологическим давлением коммунистического режима. Традиционная структура кыргызов изучалась в контексте исследования кочевого общества, начиная с исследования истории и этногенеза кыргызов, заканчивая хозяйственно-культурным типом кочевников. Позже, с развитием исторических школ и течений структуру кочевников стали изучать по социальным и моральным кодексам родства, родоплеменного единства, выделяя сложившуюся элиту традиционного общества. Поэтому, на данный момент, особенно важно, изучить, как эти кодексы исторически развивались и взаимодействовали между собой.

Проблема изучения кыргызского традиционного кланового общества неотъемлемо связана с изучением общественного устройства кочевников, их материальной и духовной культуры. Дореволюционными исследователями в научный оборот было введено немало фактических материалов по истории Кыргызстана нового времени. Во-первых, среднеазиатские нарративные рукописные сочинения кокандских, бухар-

ских и других восточных авторов; во-вторых, полевые этнографические материалы, памятники духовной и материальной культуры: письменные источники, народное изобразительное искусство, фольклор, народные предания, легенды, генеалогия кыргызов («санжыра»); в-третьих, русские документальные источники – информационные обзоры пограничных властей, чиновников Туркестанского генерал-губернаторства, различные исторические справки и экскурсии официальных докладных записок, переписка с кыргызскими родоправителями. Часть этих документов опубликована в дореволюционных, советских и современных изданиях¹.

Изучение архитектуры кыргызского общества нельзя представить в отрыве от общей этнической истории народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Первые письменные источники, которые скрупулезно предоставили информацию о кочевых племенах в древности и средневековье на территории Центральной Азии были арабские, персидские, китайские сочинения: «Шаджарат ал-атрак» («Родословная тюрков») XV в., Сейф ад-Дина Ахсикенти (XV – XVI вв.), персидские источники XV – XVII вв; Мухамбет Хайдер «Тарих-и Рашиди» XVI в.; «История северной династии Вей», «Си Юй Чжи» («Описание Западного края») втор. пол. XVIII в. В совокупности в них приводятся легенды, генеалогии происхождения кыргызов в тесной этнической взаимосвязи с племенами, населявшими территорию Южной Сибири и Центральной Азии. А также в них содержатся весьма важные сведения о социально-экономических, военно-стратегических событиях кочевых цивилизаций. Характерно, что в китайских источниках изложение генеалогий, собрание летописей и документов составлялось со слов тюркских посланников. Значительная часть этих источников переведена и введена в научный обо-

¹ Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи (1784 – 1827 гг.). – Фрунзе, 1970; Кыргызстан - Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат. – в 2-х кн. – Б., 2000.

рот советскими востоковедами XX в. В.В. Бартольд, А.А. Семеновым, П.П. Ивановым. Переводы китайских источников содержатся в работах И. Бичурина, А.Н. Бернштама¹. Наиболее важные из китайских источников этого времени охватывают период XVI – начало XX вв. истории Кыргызстана. Конечно, все они требуют особенно критического подхода.

Письменная запись генеалогии (санжыры) кыргызов была изложена в рукописи восточного автора XVI в. «Маджму ат-Таварих» («Тарых жыйнагы») Сейф-ад-дином Аксикенти².

В дореволюционный период основные источники были изложены на русском, венгерском, немецком и английском языках. Полномасштабное изучение этногенетической истории кыргызов, в особенности, структуры социальной организации, было начато русскими учеными-исследователями, востоковедами, краеведами, путешественниками, а также офицерами Военного ведомства в XVIII – XIX вв. Большой интерес для истории кыргызского кочевого общества представляют записи военных дипломатов и ученых-путешественников XVIII – середины XIX вв. Основной причиной развития и стимулирования работ по сбору информации, научного анализа жизни народов, населявших Туркестан, в том числе и кыргызов, стало вхождение Кыргызстана в состав России. Это диктовалось экономическими и геополитическими интересами метрополии к колониям. Несмотря на то, что они отличались разрозненностью и ма-

¹ Бичурин Н.Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – В 3-х т. – М.-Л.: АН СССР им. Миклухо-Маклая, 1950–1953; Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии // Советская этнография. – 1934. – № 6. – С. 86–115; Бернштам А.Н. Источники по истории киргизов XVIII в. // Вопросы истории. – 1946. – № 11–12. – С. 126–131; Бернштам А.Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // Советская этнография – 1955 – №2 – С.16–26; Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / Сост. К. Ташбаева, Л. Ведутова. – Бишкек: «Айбек», 1998. – Т. II.

² Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, анын уулу Нурмухаммед. Тарыхтардын жыйнагы («Мажму атут-таварих»)/ Котор. М. Досболов, О. Сооров. – Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996.

лочисленностью предоставленной информации, для своего времени их исследования были наиболее прогрессивными.

Среди ученых, которые в XVIII – XIX вв. занимались исследованием истории и этнографии кыргызов, проблемами традиционного кыргызского общества, можно назвать П.И. Рычкова, Б.Н. Татищева, И.Г. Андреева, П.П. Семенова-Тяньшанского, Н.А. Северцева, М.И. Венюкова, Г.С. Загряжского, Н.И. Гродекова, Н. Я. Бичурина (Иакинф), А.И. Левшина, Ч.Ч. Валиханова, В.В. Радлова, Н.А. Аристов, А. Соколова, Ф.В. Пояркова, П.П. Румянцева, Н.Ф. Ситняковского¹.

В 1894 г. при Императорском русском географическом обществе был учрежден Туркестанский отдел. Преимущественно он занимался изучением географии, этнографии и статистики Туркестанского генерал-губернаторства. Геополитические, военно-стратегические вопросы (сведения о границах, картография) по исследованию Туркестана рассматривались Комиссией по изучению племенного состава населения России (КИПС) при Министерстве иностранных дел России.

Целый ряд интересных наблюдений о системе родоплеменного деления кыргызов в конце XIX – начале XX вв., об этимологии кыргызских племен освещается в исследовании казахского востоковеда Ч.Ч. Валиханова. Он предоставил российской общественности образ кыргызов, как цельной этнической общности и сопоставил историю кыргызов XV-XVI вв. с данны-

¹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – 1896. – Вып. III-IV. – С. 277-456; Аристов Н.А. К этнической истории кыргызов // Кыргыз: источники, история, этнография. / Сост. О. Караев, К. Жусупов. – Бишкек, 1996; Аристов Н. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001; Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. – Иркутск, 1929; Загряжский Г.С. Кара-киргизы // Туркестанские ведомости. – 1874. – № 45.

ми кыргызского эпоса «Манас»¹. В его сочинениях содержится историческая информация о верховной власти кыргызского общества того периода. Однако, записанные Ч.Ч. Валихановым «Исторические предания о батырах XVIII в.», т.е. легенды кыргызского и казахского народов требуют критического подхода.

В работах М.И. Венюкова, Г.С. Загряжского приводятся легенды о происхождении кыргызов, указываются на племенной и родовой состав кара-кыргызов, первые родоправители, а также представлены сведения о родовом быте коренного населения².

Среди научных изысканий общественного устройства кыргызского народа дореволюционного периода заслуживает внимания ценное исследование русского востоковеда Н. Аристова, который интересовался вопросами геополитики, этнической структуры и происхождения тюркских народов³. Стержневой темой его научной деятельности становится история кыргызов – от древнейших усуней до конца XIX века. Он предложил собственную гипотезу этногенеза кыргызского народа (о соотношении тянь-шаньских и енисейских кыргызов), дал свое толкование многим историческим фактам, ввел в научный оборот новые исторические материалы, историческую периодизацию, принятую кыргызской историографией. На основании родословных сказаний и сведений были описаны существующие родовые деления, родовые тамги. По его просьбе в 1885 г. была составлена биография войскового старшины рода сарыбагыш Шабдана Джантаева.

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. I – IV. – Алма-Ата, 1961 – 1968; Валиханов Ч.Ч. О кыргызах // Кыргыз: источники, история, этнография / Сост. О. Караев, К. Жусупов. – Бишкек, 1996. – С. 345-361.

² Загряжский Г.С. Кара-киргизы // Туркестанские ведомости. – 1871. – №41–45.

³ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – 1896. – Вып. III-IV. – С. 277-456; Аристов Н. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001

Военный губернатор Сыр-Дарьинской области, Н.И. Гродеков рассмотрел вопросы кочевой общины кыргызов конца XIX в., предоставив ценные сведения о структуре социальной организации, хозяйственно-культурном типе и родовом имуществе кыргызов¹. Действительный автор данной книги был А.Н. Вышнегородский, проводивший исследование в Аулиеатинском уезде по поручению губернатора Н.И. Гродекова.

К сожалению, этнографические материалы конца XIX – начала XX вв. в большинстве своем имели поверхностный характер, шло количественное накопление эмпирического материала по всем сторонам жизни и быта кочевников. Основная часть материалов освещала вопросы родоплеменного деления кыргызов, отдельные стороны социальных отношений, давала фрагментарные сведения о материальной культуре. В свете современных требований эти работы не могли служить прочной основой для серьезного и глубокого изучения. Исследование проблем кочевого общества и кочевников было идеологизировано, рассматривали исключительно под ракурсом «родового общества». Такая точка зрения не имела серьезных противников в русской историографии вплоть до 30-х гг. XX в.

История среднеазиатских государств начала XX в. неразрывно связана с изучением и внедрением марксистско-ленинской концепции построения государства. Формы родоплеменной организации у народов Средней Азии стали предметом теоретического изучения в марксистско-ленинской литературе. Опираясь на прочно установленную систему взглядов, была представлена принципиально новая постановка вопроса о классовом содержании общественных отношений и социальных институтов, сходных с родовыми отношениями в Средней Азии.

Родовое общество кочевников в трудах марксистов рассматривалось, как особенность общественного строя в странах

¹ Гродеков Н.И. Кыргызы и кара-кыргызы Сырдарьинской области. Юридический быт. – Т. 1. – Ташкент, 1889.

Азии докапиталистической эпохи – «азиатский способ производства»¹. Дальнейшее развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на «азиатский способ производства» связано с развитием науки о первобытном обществе, в особенности с открытиями Л. Моргана².

Многолинейный подход к всемирной истории, альтернативные подходы к изучению номадизма наиболее последовательно отстаивают Л.С. Васильев, А.В. Коротаев и Н.Н. Крадин³. Правда, при этом они выходят за рамки собственно марксистской теории.

Несмотря на новую постановку вопроса о классовом содержании общественной жизни, социальных институтов, внешне сходных с родовыми, марксистско-ленинская литература главное внимание акцентировала на классовой структуре, классовой борьбе и формах эксплуатации кочевников. В тени остались сущность патриархально-родовых явлений и формы родоплеменной организации кочевых племен Средней Азии.

В конце 1920-х гг. XX в. в научном обиходе продолжала поддерживаться «родовая теория» кочевников. Из советских исследователей, изучавших родовое общество в ракурсе истории кочевничества и номадизма в XX в., можно выделить Ф.А. Фиельструпа, А.П. Чулошникова, В.Н. Дублицкого, Г.Е. Грум-Гржимайло, П.И. Кушнера, П. Погорельского, С.П. Толстова, А.Н. Бернштама, В. Батракова, В.Ф. Шахматова, Л.П. Потапова, К.И. Петрова, В.В. Бартольда, С.М. Абрамзона, С.Е. Толыбекова, Г.Е. Маркова⁴.

¹ Маркс К. К критике политической экономии (1859) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.– 2-е изд. – М, 1961. – Т. 13. – С. 1-167.

² Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф.– Соч. – 2-е изд. – М, 1961. – Т. 21. – С.119-120.

³ Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. – Москва, 2000.

⁴ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924; Кушнер (Кнышев) Б.Б. Горная Киргизия (социалистическая разведка). – М., 1929; Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. – М., 1930; Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обще-

В советское время КИПС была переименована в Комиссию по изучению населения СССР и сопредельных стран при Академии наук. В комиссии работали четыре отдела: Европейский, Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский. В 1924 – 1925 гг. русский этнограф Ф.А. Фиельструп был командирован Комиссией в Кыргызскую Автономную область (КАО) с целью составления картографии. Он собрал обширный материал по этнографии кыргызов, обследовав ряд районов Тянь-Шаня и Ферганской долины. В 1927 г. он нанес данные переписи 1926 г. на карту бывшей Джетысуйской губернии.

Русский исследователь А.П. Чулошников в своем труде поддерживает «родовую теорию» древней казак-кыргызской общины, которая начала складываться в период кочевых взаимоотношений, и просуществовала вплоть до принятия русско-

ствах. // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. – М.-Л., 1934; Он же. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. – 1938. – № 1. – С.72-82; Бернштам А.Н. К вопросу о происхождении кыргызского народа // Советская этнография – 1955 – №2 – С.16–26; Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / Сост. К. Ташбаева, Л. Ведутова. – Бишкек, 1998. – Т. II; Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР. – 1964; Петров К.И. Этногенез кыргызов и их движение на Тянь-Шань в XIII – XVвв // Известия АН КиргССР. – Общ. наук. – Т.II. – Вып. 3. (История). – Фрунзе, 1960; Он же. Очерк происхождения кыргызского народа. – Фрунзе, 1963.; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1.– С.167–433; Он же. Кыргыз: Исторический очерк // Соч. в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1.– С.471–543; Очерк истории Семиречья // Соч. в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1.– С.21-106; Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана / Составление, доп. О.Караева. – Бишкек, 1996; Абрамзон С.М. Современное манапство в Киргизии // Советская этнография. – 1931. – № 3-4. – С. 43-59; Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. – Москва, 1951. – С.132-156; Он же. Кыргыз и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. (Политико-экономический анализ). – Алма-Ата, 1971; Марков Г.Е. Кочевники Азии. – Москва, 1976.

го подданства в середине XIX в.¹. Автор считает, что постепенно в целях самозащиты и безопасного сосуществования, роды объединились в крупные политические организации.

Непосредственно кыргызскую кочевую общину в 20-х гг. XX в. наиболее полно изучил профессор П. Кушнер. Ученый пришел к заключению, что до XIII в. у кыргызов преобладали «родовые отношения», которые исчезли с возникновением сословия феодалов – манапов².

После 30-х годов XX в. в советской исторической науке «родовая теория» стала уступать место концепции феодальных отношений у кочевников Центральной Азии. Ученые П. Кушнер, Б.Я. Владимирцев, С.П. Толстов считали, что у кочевников господствовали феодальные отношения, но при этом они расходились в оценке их зрелости³. П. Батраков и В. Погорельский оценили состояние кыргызского общества до присоединения к России как «разложение феодализма»⁴.

В 40-е годы XX в. В.Я. Батраков и М.П. Вяткин ввели в науку понятие «патриархальные отношения», которым пытались заменить понятие «кочевого феодализма», как разновидности феодального общественного строя у кочевых народов. По сути, это была попытка сблизить модели кочевого феодализма с феодализмом оседлых народов. В целом, анализ традиционного общества кыргызов проходил в рамках советской идеологии.

Огромный комплекс работ по изучению этнографии, социальной структуры кыргызов был проделан в 1953 – 1955 гг. На основе полевых исследований Киргизской комплексной ар-

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924.

² Кушнер (Кнышев) П. Горная Киргизия (социалистическая разведка). – Москва, 1929.

³ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934; Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. – М., 1938. – № 1. – С.72-82.

⁴ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. – М., 1930.

хеолого-этнографической экспедиции были составлены 22 отдельные таблицы-структуры родовых подразделений, расселения родо-племенных групп кыргызов до революции 1917 г. Исследование затронуло вопросы об основных этнических компонентах, из которых сложилась кыргызская народность, в особенности в позднем периоде этнической истории – XVIII – XIX вв.¹ Также оно содержит стенограммы докладов и выступлений участников научных сессий в г. Ташкенте (1954 г.), г. Москве (1956 г.). Среди участников сессий надо отметить значительный вклад в изучение родословной кыргызов таких ученых, как А.Н. Бернштам, В. Бартольда, Ю. Виннюкова, С. Абрамзона. Согласно А.Н. Бернштаму этническая история кыргызского народа была тесно связана с территорией Восточного Туркестана (современная Синьцзянь-Уйгурская автономная область КНР), поскольку совпадают названия некоторых кыргызских племен с названиями топонимики области².

Научные экспедиции В. Бартольда в Среднюю Азию в 1891 г., 1893–1894 гг., позволили ему исследовать родоплеменное деление кыргызов, состав высшей власти традиционного кыргызского общества того периода, объяснить происхождение термина «манап»³. Благодаря своим исследованиям В.В. Бартольд занимает достойное место в мировой ориенталистике, советской школе востоковедения.

¹ Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции. – Москва, 1956–1959. – Т.1–3.

² Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии // Советская этнография. – 1934. – № 6. – С. 86–115; Он же. Источники по истории киргизов XVIII в. // Вопросы истории. – 1946. – № 11–12. – С.126–131; Он же. К вопросу о происхождении киргизского народа // Советская этнография – 1955 – №2 – С.16–26.

³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1. – С.167–433; Он же. Киргизы: Исторический очерк // Соч. в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1. – С.471–543; Очерк истории Семиречья // Соч. в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1. – С.21–106; Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.

Профессор С.М. Абрамзон выделил несколько рядов этнических групп, наименования которых отражают важнейшие этапы этнической истории кыргызского народа¹. Согласно мнению исследователя, семейно-родственная группа являлась составной частью «земельно-водной и пастбищно-кочевой аильной (аульной) общины у кыргызов, носило имя общего предка в 3–4-ом, реже в 2–5-м коленах называлось «бир ата-нын балдары» («дети одного отца»)². Ядро общины составляли семьи близких родственников. На период присоединения Кыргызстана к Российской империи традиционное общество кыргызов, по мнению ученого, находилось в переходном состоянии. Под влиянием идеологии коммунистического режима С.М. Абрамзон разделил кыргызское общество на общественные классы.

Важный сравнительный анализ кыргызской кочевой общины на фоне казахской общины был сделан в труде исследователя В.Ф. Шахматова³. Он считает, что родовая община у кочевников, путем сложения мелких хозяйственных групп в третьем поколении, эволюционировала. Исследователь отмечает разницу между пастбищно-кочевой общиной и аилом-поселением: аил знал границы своих кочевий, община же состояла из нескольких небольших хозяйственных аилов, которые использовали пастбища.

После долгих дискуссий в исторической науке установился общий взгляд, что кочевничеству соответствует «специфическая система социально-экономических отношений и общинно-племенная организация». В ходе дискуссий при изуче-

¹Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. – Москва: Издательство АН СССР. – 1951. – С.132-156; Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т.3. – Фрунзе, 1959.

²Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990.

³Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Издательство АН КазССР. – 1964.

нии традиционного общества возник вопрос о прогрессивности кочевничества. Отбрасывая обсуждение самой целесообразности такой постановки вопроса, следует сказать, что переход человеческих обществ к кочевничеству прогрессивным явлением считали исследователи 50-60-х гг. XX в. – Т.А. Жданко, М.П. Грязнов, Л.С. Зиманов, Л.П. Потапов, К.И. Петров и др.¹

На протяжении 50-70-х гг. XX в. в историографии началось комплексное изучение кочевого типа хозяйства. При этом следует оговориться, что кыргызская кочевая община как самостоятельный объект исследования в отрыве от всей хозяйственно-экономической жизни доиндустриального общества, отдельно не изучалась. Она под разными названиями фигурировала в работах многих ученых, занимавшихся исследованием кыргызов. В 1970-е гг. С.Е. Толыбеков, Г.Е. Марков сравнивая два вида хозяйства кочевников, подчеркнули преимущества земледелия².

В целом, в историографии советского периода по изучению номадизма выделяются несколько общих тем: формы собственности, власть, общественная структура и организация. Не вызывает сомнений, что анализ кочевого типа хозяйства общины, на наш взгляд, как один из ее стержневых основ, является важной составной частью изучения традиционного общества кыргызов.

Из кыргызских ученых, которые непосредственно занимались исследованием общественной организации кыргызов, государственного строительства, экономических реформ советской власти, можно отметить Б.Д. Джамгерчинова, С.И. Иль-

¹ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX в. – начале XX века. – М.-Л., 1950; Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения института этнографии. – Вып. 24. – М., 1955. – С.19-29.

² Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). – Алма-Ата, «Наука» АН КазССР, 1971; Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М., 1976.

ясова, А.Х. Хасанова, К. Усенбаева, К. Нурбекова, И. Нуракова, Дж. Бактыгулова, В.М. Плоских. При изучении социальной структуры кыргызского общества они опирались на вопросы, связанные с народными преданиями, как генеалогическими, так и историческими¹.

Историк Б.Д. Джемгерчинов выделил группу кыргызских племен, которые были пришлыми в кыргызских родовых отделениях. Он обозначил поэтапность расселения кыргызских родов при их миграции на современную территорию Кыргызстана, что отразилось на наименовании кыргызских племен и родов, дал краткую характеристику генеалогии кыргызов – «санжыры»².

Исследователь кыргызского общества К. Усенбаев выделил присутствие в наименовании колен подродового деления кыргызов имен мифических прородителей³.

¹ Джемгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.) // Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР. – Вып. 1. – Фрунзе, 1944. – С.111-130; Джемгерчинов Б. Из генеалогии киргизов // Белек. Сборник статей, посвященные С.Е.Малову. – Фрунзе, 1946; Ильясов С.И. Перехитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации // Труды ИЯЛИ КиргФАН СССР. – Вып. 1. – 1945. – С. 131-146; Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX в. – начале XX века. – Фрунзе, 196; Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50–70 гг. XX в. – Ф.: Киргизучпедиздат, 1961; Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – Фрунзе, 1961; Усенбаев К.У. Ормон хан. – Бишкек, 1999; Нурбеков К. Возникновение киргизской советской национальной государственности. – Фрунзе: Кыргызстан, 1964; Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой айыльной (аульной) общине у кыргызов // Тезисы докладов годичной научной сессии. – Фрунзе, 1969; Бактыгулов Дж. Из истории перехода кыргызского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. – Ф., 1971; Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе, 1977.

² Джемгерчинов Б. Из генеалогии киргизов // Белек. Сборник статей, посвященные С.Е.Малову. – Фрунзе, 1946.

³ Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – Фрунзе, 1961.

Кыргызский этнограф И. Нураков считал, что социальную и хозяйственную жизнь общины определила общинная форма ведения скотоводческого хозяйства.¹

Таким образом, исследования советского периода на начальном этапе страдают однобокостью, акцентом на выявление классовой структуры кыргызского общества. Эмпирические труды ограничивались исследованием общественного устройства кыргызов, выявлением областей расселения кыргызских племен, изучением материальной и духовной культуры, обычного права, религиозных взглядов населения. Не было крупных исследований, за редким исключением, подчеркивающих позитивную роль верховной власти традиционного кочевого общества в процессе консолидации кыргызских племен и родов. Это объясняется следующим. Во-первых, в тот период проблема родового деления кыргызского общества еще не была достаточно изучена (как правило, это российские ученые). Во-вторых, концепция «о наличии у кыргызов классов, эксплуатации и классовой борьбы» привела к известному пробелу, поскольку ученые-этнографы отошли от исследования вопросов самоорганизации и управления родового строя, вплоть до отрицания его существования. Они концентрировали внимание, в основном, на проблемах этногенеза, общих описаниях быта, традиций, материальной культуры, семейно-брачных отношений. К тому же исследования советского периода страдают своей однобокостью, поскольку длительный период находились под идеологическим влиянием. Отечественным исследователям запрещалось изучать те вопросы истории Кыргызстана, которые могли бы подорвать устои и принципы существующего социализма. Конструктивные изменения в историографии Кыргызстана произошли в постсоветский период, которые были диаметрально противоположны советскому мышлению.

¹ Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой аильной (аульной) общине у кыргызов // Тезисы докладов годичной научной сессии. – Фрунзе, 1969.

1.2. Постсоветские ученые о традиционном кыргызском обществе

Процесс перестройки и демократических преобразований, крупных общественно-политических, экономических изменений в стране, развал СССР, крушение Коммунистической партии, подъем национального сознания, усилившийся процесс суверенитета бывших советских республик повлияли на исследователей. Освободили их от идеологизации исторических событий, позволив свободно выражать собственную точку зрения по истории, общественным отношениям и культурному наследию кыргызского народа. В первой половине 1990-х годов вплоть до начала XXI в., начались исследования, целью которых стали новое историческое осмысление проблем истории, экономики и культуры Кыргызстана с древнейших времен до наших дней¹. Нетрадиционный подход к таким проблемам

¹ Кененсариев Т.К. О некоторых методологических аспектах исследования истории Кыргызстана второй половины XIX – начала XX вв. // Известия АН Республики Кыргызстан. – 1991. – №2. – С. 35-40; Кыргызы и Кыргызстан: опыт исторического осмысления. – Бишкек: Илим, 1994; История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1995. Выбор Центральной Азии в цивилизационном пространстве. – Бишкек: Илим, 1996; Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997; Койчуев Т. Постсоветская Центральная Азия: Состояние. Поиск пути, возможности. – Алматы, 1994; Малабаев Дж. История государственности Кыргызстана. – Бишкек, 1997; Бешембиев Э.Д., Болджурова И.С., Джунушалиев Дж. Введение в историю кыргызской государственности. – Бишкек, 2004; Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920 – 1930-е годы). – 2-е изд. испр. – Б., 2005; Кыргызская государственность: История и современность: Сб. мат. науч.-практ. конф. посв. 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек, 2005; Подкуйко Ю.В. Основные проблемы истории кыргызов: Учеб. пособ. – Бишкек, 2005; Политические процессы в Кыргызстане: итоги и перспективы: Мат. межд. конф., 2005; Кыргызстан - Россия. История взаимоотношений в составе им-

истории Кыргызстана, как происхождение кыргызского народа, история колониального периода в составе Российской империи, этапы становления кыргызской государственности в советский период, позволили переосмыслить исторический путь, пройденный кыргызским народом, на основе нового методологического подхода. В кыргызской историографии появились новые векторные направления по изучению истории.

Распад СССР и образование суверенных государств в конце 80-х гг. – начале 90-х. XX в. углубили научное изучение вопросов наций, суверенитета и государственного строительства. Этот период историографии характеризуется новыми подходами в изучении традиционного общества народов Центральной Азии. Сказались мировые политические изменения, процессы усиления глобализации, а также формирование и образование новых независимых государств.

Новыми и специфическими подходами к традиционной структуре кочевников, отличается социобиологическое исследование этнических общностей крупного специалиста по номадическим цивилизациям Л.Н. Гумилева. В своих работах автор предлагает изучать этносы как природные, максимально адаптированные к географическим ландшафтам явления¹. Выработанная Л.Н. Гумилевым система пассионариев представляет большую методологическую ценность при изучении различных уровней этнической идентичности номадов. Именно внутренняя сложность родоплеменных идентичностей, существовавших у номадов, позволила последним поддерживать этническую общность на протяжении веков.

Хотелось бы отметить работы российских и украинских исследователей, таких как С.И. Вайнштейн, Н. Крадин, А. Хазанов, В. Иванов, Н. Петров, которые специализировались на изучении проблем номадизма в Центральной Азии с древнейших времен. Их исследования основываются на западных принципах

перии и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и материалов в 2-х книгах. – Бишкек, 2007.

¹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990.

пах методологии. Отличительной особенностью их работ является то, что причинами дуализма в государственном управлении кочевых племен Центральной Азии они называют природные инстинкты самосохранения, которые определили специфику и феномен его существования¹.

Обнажились многие вопросы изучения истории номуадизма, а вместе с ним и традиционного общества кыргызов, всплыли вопросы родовой, региональной, этнической, национальной идентификации, менталитета. Было опубликовано большое количество научных работ, монографий, авторефератов научных диссертаций, статей в периодических изданиях.

Провозглашение суверенитета бывшими союзными республиками, которые находились в поисках своей идентичности, дало возможность более детально подойти к изучению своих «корней», т.е. традиционной структуры кочевого общества². Фундаментальные исследования в этой области в странах СНГ начались повсеместно. Они заложили основу, определили направление, представили новую методологию для углубленного изучения кочевой, номуадической культуры, что привело к созданию новых школ и институтов, изучающих кочевое общество. На наш взгляд, наиболее цельную и системную форму вопросов кочевничества и этнополитической структуры номуадов приобрели в начале XXI в.³.

¹ Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991; Крадин Н.Н. Политическая антропология. Учебное пособие. – М.: «Ладомир», 2001; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002; Крадин Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альманах «Восток». – 2005. – №11/12(35/36). – ноябрь – декабрь. – С. 314-335; Иванов В. Дуальные структуры в обществах. 06.09.05. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/09/06/ivanov/> (дата обращения: 20.04.2012)

² Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М., 1991; Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). – М., 1992.

³ Фурман Д. Несостоявшаяся революция. Политическая борьба в Азербайджане (1988–1993 гг.) // Дружба народов. – 1994. – № 4. – С. 148-169; Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002; Крадин Н. Кочевники, мир-империи и социальная эво-

К концу XX столетия в связи с образованием СНГ сформировались национальные этнологические «школы». В вопросах изучения номадизма, на наш взгляд, впереди идут представители казахской школы. Среди них надо отметить таких исследователей, как Ж.Б. Абылхожина, Ж. Мурзалина, Н. Масанова, Н. Амрекулова, В. Ханина, В. Хлюпина, А. Кодар, И. Ерофееву, Т.Б. Умбеталиеву, Н. Нурову, К. Тукешеву¹. Спектр изучения вопросов казахских исследователей довольно широк: от традиционного уклада, традиций и культуры кочевников, до про-

люция // Альманах «Восток». – 2005. – №11/12(35/36). – ноябрь – декабрь. – С.314-335.

¹ Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.) – Алма-Ата, 1991; Ерофеева И. Титул и власть: к проблеме типологии института ханской власти в Казахстане в XVIII – начале XIX вв. // Казахстан и мировое сообщество. – Алматы, 1996. – № 4. – С.37-46; Нуров К.И. Правовая и экономическая модернизация традиционной структуры Казахстана (XIX - XX вв.). – Алматы: Гылым, 1995; Мурзалин Ж. Корпоративность как политическая традиция в Казахстане // Мысль. – 1998. – № 8. – С. 24-25; Нарбекова Б. К исследованию проблемы «трайбализма» в казахском обществе // Современный мир: исследования молодых. Материалы летних университетов Фонда Сорос – Казахстан. – Алматы: Каржы – Каражат, 1999. – С. 166-174; Умбеталиева Т.Б. Развитие представительной власти Казахстана в условиях унитарного государства: дисс. ...канд. полит. наук. – Алматы, 1999; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. – Алматы, 1995; Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе. – Алматы, 1997. Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3 (9). – С. 131-145; Амрекулов Н. Тюркское возрождение. – Алматы, 2006; Хлюпин В. Казахские жузы: «демократический» трайбализм XXI в. 22.04.02. URL: <http://eurasia.org.ru/book/sbornik23.html> (дата обращения: 02.06.12.); Кодар А. Истоки Степного Знания (опыт философии казахской истории) // Тамыр. Альманах. – 2000. – №1. – С.34–44; Абылхожин Ж.Б. Сталинизм и номадизм: к вопросу о силовой политике седентаризации в Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сбор. мат. межд. науч. конф. - Алматы, 2007; Тукешева Н. М. Эволюция представлений о верховной власти в обществах тюркского периода (VI – XII вв.): Автор. ...канд. ист. наук. – Уральск, 2007.

блем формирования политических режимов, государственных институтов и социальных классов.

Хотелось бы отметить, что весомый вклад в изучение кочевой цивилизации сделал основоположник института номузма при НАН Казахстана Н. Масанов. В своих исследованиях он привел объяснение и аргументацию социальной мобилизации и консолидации кочевого общества, предоставил алгоритм научно-исследовательской практики, методологию исследования кочевой цивилизации. Согласно его мнению, кочевой образ жизни, с его спецификой хозяйственно-культурного типа, явился способом адаптации человека к природно-климатическим условиям региона¹. Генеалогический счет родства (чаще всего патрилинейная филиация) представляет собой специфическую форму социальной организации, «несущую конструкцию» всего кочевого общества. Социальная организация представляла собой сложную систему разнообразных социальных объединений индивидов, возникающих на базе широкой общности экономических и в неэкономических интересов, всего спектра человеческих взаимоотношений. Отношения генеалогического родства играли чрезвычайно важную роль в позиционировании индивидов и регламентации их взаимоотношений в ситуационно возникающих обстоятельствах. Согласно его мнению, посредством социальной организации обеспечивались все социальные функции человеческого общества, а основу кочевого общества и генеалогического родства составляли экономические отношения.

Среди научных исследований традиционного общества кочевников, клана и трайбализма в странах СНГ, отметим работы туркменского этнолога Ш. Кадырова, узбекского политолога Ф. Толипова и тувинской исследовательницы Ч. Ламажаа².

¹ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы, 1995; Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе. – Алматы, 1997.

² Кадыров Ш. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе // Вестник Евразии». – М. 2001. – №2. – С.5-32; Кадыров

Ч. Ламажаа смело указывает на складывание семейного клана в политической власти страны в период правления первого Президента Тувы Ш.Д. Ооржак¹. Члены «малой» и «большой» семьи первого лица, занимавшие ключевые государственные посты в республике, стали главными фигурантами властной пирамиды.

Кыргызская историография постсоветского периода пополнилась значительным количеством литературы, содержащей современный подход к проблеме традиционного кочевого общества. Были вновь подвержены изучению и тщательному анализу теории и гипотезы этноформирования кыргызов, этнической и национальной идентичности, традиционного уклада и культуры, проблемы общественного устройства. Исследования затронули все области социальных наук: историю, философию, социальную антропологию, политологию, геополитику.

Особое внимание привлекает научный подход к изучению кыргызского родословия – «санжыра». Надо отметить работы кыргызских исследователей в этой области истории С.

Ш. Институт президентства в клановом постколониальном обществе // Люди и мифы: Сборник статей «Вестника Евразии». – М., 2003. – С. 337-364; Он же. Этнос и политика, этнические истоки, эволюция и перспективы Туркменской государственности // Восток. Афроазиатские общества: История и современность. – 2003. – №10(31). – С. 110-124; Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07.); Толипов Ф. Центральная Азия как пространство, полития, народ и судьба // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С. 119-127; Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 30-41.

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): Автореф... д-ра филос. наук. – Москва, 2011; Ламажаа Ч.К. «Клан»: понятие в социальных науках // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С.121-131.

Аттокурова, Т. Асанова¹. Ученый С. Аттокуров исследовал кыргызские родословные, опираясь при этом на исторические факты и документы. Представленные в его работе таблицы родословий и генеалогий имеют определенную ценность при изучении крупных кыргызских племен. Исследования молодого ученого Т. Асанова представляют большой интерес для научного мира нач. XXI в., поскольку в них представлены новые подробности генеалогии кыргызов.

О возросшей степени актуальности «санжыра» говорят статистические данные библиографии Национальной библиотеки КР за 1989 г. – март 1993 г. В СМИ было опубликовано около 300 статей по данной проблеме. В этот период вышла работа К. Жусупова «Кыргыздар» (главный редактор журнала «Ала-Тоо»)². В кыргызской энциклопедии, а также в средствах массовой информации была опубликована этимология термина «санжыра»³.

Были переведены и изданы работы исследователей и собирателей кыргызской генеалогии О. Сыдыкова, А. Байтура, К. Жусупова, Б. Солтоноева⁴. В кыргызской историографии дол-

¹ Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек, 1995; Асанов Т.И. Политическая конфедерация и структура власти северных кыргызов в XVIII веке. // "Жизнь, отданная народу": Мат. респ. науч.-практ. конференций 25-26 декабря. – Бишкек, 2002; Асанов Т.И. Этнополитическая структура кыргызов в XV-XVI вв. // Диалог цивилизаций на великом шелковом пути: Мат. межд. науч. конф. 26-27 сентября 2001 г. – Б., 2002; Асанов Т. Политическая структура кыргызов в XV-XVI вв. URL: http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=267&Itemid=56 (дата обращения: 27.04.12.)

² Жусупов К. Кыргыздар. – В 2-х тт. – Бишкек, 1993.

³ Кыргызская советская энциклопедия. – Фрунзе, 1980; Аттокуров С. Санжыра жана санжырачылар // Кыргыз маданияты. – 1989. – 21 декабря; Эркетанов О. Чала молдо «дин бузат» // Кыргыз маданияты. – 1991. – 18 июль.

⁴ Сыдыков О. Тарых кыргыз Шадмания: Кыргыз санжырасы. – Фрунзе, 1990; Байтур А. Кыргыз тарыхынын лекциялары. – 1-2 китеп. – Бишкек, 1992; Койчиев А. Осмонаалы Сыдык уулу жана анын "тарыхтары". – Б., 1992; Жусупов К. Кыргыздар. – В 2-х тт. – Бишкек, 1993; Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы: Тарыхый очерктер. – Б.: Учкун, 1993. – Т.1–2; Кыргыздар: Санжыра, тарых, мурас, салт. – Бишкек, 1991. – Т. 1–2.

гое время их научные и научно-популярные публикации оставались большей частью недоступными для ученых Кыргызстана и республик Средней Азии. Данные издания, в совокупности, содержат значительный объем знаний по социально-экономической и политической истории народов Кыргызстана рассматриваемого времени.

Работы А. Мокеева, А. Ибраимова, Н. Кулматова рассматривают кыргызский трайбализм, его специфику¹. Исследования А. Мокеева опираются на китайские и арабские источники. В своем труде автор проводит этнолингвистическое сравнение названий кыргызских племен, где отразилось влияние тюркских и монгольских племен. В заключении, автор выделяет факторы, которые на его взгляд способствуют объединению и консолидации кыргызской народа: социальная организация, религия ислам и эпос «Манас», дуальная этнополитическая организация кыргызов была унаследована у тюрков в XVI в.

Особый интерес представляет естественно-научный подход кыргызского генетика А. Ибраимова к этническим вопросам. Теоретик предлагает для научного обсуждения сохраненную «генетическую» память кыргызов (племена, роды), как биологический потенциал традиционного устоя кочевого общества. Кыргызский ученый утверждает, что «генофонд» этноса вобрал в себя огромное количества родов и племен, представляющих сильно различающиеся расовые и этнические группы.

Н. Кулматов в своей книге «Уруучулук (трайбализм)» пытается дать философское толкование сущности и истоков кыргызского трайбализма². Также как А. Ибраимов, он отмечает присутствие генетического наследия в трайбализме и пытается

¹ Мокеев А. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызов на Тянь-Шане в XVI – XVIII вв // Известия АН Республики Кыргызстан. – Общественные науки. – 1991. – №4. – С. 43-54; Ибраимов А.И. Кыргызы и их генофонд. – Бишкек, 1992; Кулматов Н. Уруучулук (трайбализм). – Бишкек: Илим, 1994.

² Кулматов Н. Уруучулук (трайбализм). – Бишкек: Илим, 1994.

ся выработать научно обоснованные пути преодоления трайбализма.

Подлинное раскрепощение исторической мысли в Кыргызстане XX – XXI вв. началось когда советская историческая наука накопила определенный опыт переосмысления новых исторических проблем, которые оказались вне поля зрения ученых в годы хрущевской "оттепели". Это время характеризуется появлением в печати большого количества трудов и выступлений историков, журналистов, филологов, писателей, политиков, публицистов и других, где поднимаются еще не изученные или малоисследованные пласты советской истории. Хотелось выделить особую роль работ крупных историков Кыргызстана Дж. Джунушалиева, В. Плоских, З. Курманова. Написанные в духе нового исторического мышления в годы перестройки, работы посвящены традиционному обществу кыргызов, этнополитической конфедерации, политической структуре, политической элите¹. В своих трудах исследователи пытаются выявить причины актуализации трайбализма, регионализма, nepотизма и кумовства в постсоветском кыргызском обществе.

Отдельного внимания заслуживает работа Дж. Джунушалиева и В. Плоских². Главной стержневой темой представлен-

¹ Джунушалиев Дж. Уроки прошлого. Взгляд через призму особенностей сознания // Пропагандист и агитатор Киргизстана. – 1989. – №21. – С.3-7; №22. – С.12-15; №23. – С.18-21; Джунушалиев Дж. Истоки «белых пятен» истории // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – №5. – С.60-66; Джунушалиев Д. Политика коренизации: опыт и проблемы // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – №1. – С.69-78; Курманов З.К. Всекиргизские съезды Советов: подготовка, состав, работа (1925-1927 гг.): дис. ...канд. ист. наук. – Бишкек, 1991; Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Бишкек: Илим, 1997; Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.146-155; Абдрахманов Ю. Избранные труды. – Б., 2001.

² Койчуев Т., Плоских В., Джунушалиев Дж. Трайбализм: истоки и состояние // Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социально целостности. – Бишкек: Илим, 1999. – С.64-97; Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и

ных работ выступило изучение сущности и принципов традиционного общественного устройства кыргызов – родоплеменные отношения. Авторы подробно рассматривают особенности самоорганизации кыргызского общества на основах трайбализма. Исследователи пришли к выводу, что узкоплеменные интересы и потребности народа во многих своих моментах противоречат общенациональным и общенародным. Отличительной особенностью статьи явилось наличие выводов и рекомендаций, как правило редко встречающийся в научной литературе по данной проблеме в начале XX в.

В контексте формирования политической элиты, значительный прорыв был сделан в таком новом направлении, как политическая портретистика, освещающая деятельность политических государственных деятелей, высшего сословия кыргызского общества. Произошло переосмысление их роли и значения в исторических событиях Кыргызстана. Большое внимание здесь было уделено факторам формирования политической элиты Кыргызстана на протяжении становления кыргызской государственности в 20-30-х гг. XX в. В этих работах были реабилитированы имена репрессированных государственных чиновников и культурных деятелей Кыргызстана. Посредством политических портретов государственных деятелей, авторы смогли умело раскрыть и передать устои, культуру, традиции кыргызского общества советского периода. Их труды дают ценные сведения о процессе трансформации кыргызского традиционного общества под давлением коммунистического режима, процессе формирования политической элиты и интеллигенции 20-30-х гг. XX в. Значимость работ повышается за счет используемых архивных материалов¹.

проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.146-155.

¹ Курманов З. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992; Курманов З.К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа. (1917-1927 гг.): дис. ...д-ра ист.наук. – Бишкек, 1997; Курманов З., Сыдыков Э.

В этой же области плодотворно работают такие кыргызские историки, как А. Джумагулов, Д. Сапаралиев, политологи Э. Мамытова, Э. Ногойбаева¹.

В исследованиях 90-х годов XX в. А. Джумагулова дана объективная оценка кыргызскому высшему сословию, северным родоправителям XIX в. – манапам. А. Джумагулов выделяет консолидирующую роль Ормон-хана среди кыргызов. Манап представлен, как наиболее важное связующее звено в традиционном кыргызском обществе. На основе архивных документов А. Джумагулов приходит к заключению, что происхождение слова "манап" берет начало с арабского языческого идола Манаф, произносимого в кыргызской транскрипции Манап, в последующем приобретшего значение предводителя племен.

В кыргызской историографии появились работы, которые переоценивали присоединение Кыргызстана к России, что привело к трансформации всего социального организма традиционного общества кыргызов, его экономического и политического строя во второй половине XIX – начале XX вв. В них освещаются внешнеполитические и международные отношения кыргызов во второй половине XVII в. – 70-х годах XIX вв., а также роль кыргызских феодалов в политической жизни Кокандского ханства. Среди работ, прямо и косвенно повлиявших

Сыдыков А. Личность и история. – Бишкек: Шам, 2002; Исхак Раззаков: Документы, страницы жизни / Сост.: С. Джумабаев, А. Бедельбаев, Дж. Джунушалиев. – Бишкек: КНУ, 2005; Нам нельзя терять время!» Исхак Раззаков: Документы, страницы жизни / Сост.: С. Джумабаев, А. Бедельбаев, Дж. Джунушалиев. – Бишкек: КНУ, 2005.

¹ Джумагулов А. О термине «манап» // Известия АН Республики Кыргызстан. – Общественные науки. – 1991. – №4. – С.61-68; Мамытова Э. Особенности формирования «новых элит» в Центральной Азии (на примере Кыргызстана и Казахстана) // История и культура Центральной Азии и Казахстана: Исследования молодых. – Алматы: «Аль-Фараби», 1998; Сапаралиев Д.Б. Баатыр, востребованный эпохой // Шабдан баатыр. Эпоха и личность: Документы и материалы – Бишкек: Шам, 1999; Абдрахманов Ю. Избранные труды. – Б., 2001; Ногойбаева Э. Кыргызстан: формирование и взаимодействие политических элит // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №1 (49). – С. 118-127.

на результаты данного исследования, особо следует выделить труды Г. Кронгардта, Т. Кененсариева, Е. Хелимского, которые также занимались изучением проблем, получивших отражение в нашей диссертационной работе¹. Работы Г. Кронгардта, К. Усенбаева, Т. Кененсариева способствовали новому решению таких спорных вопросов, как проблемы присоединения Кыргызстана к России; роль кыргызских биев и родоправителей в сложный период выбора политического курса развития Кыргызстана в середине XIX в.

Среди исследователей традиционного кыргызского общества надо назвать А. Асанканова, Б. Караева, Ч. Исраиловой-Харьехузен, Р. Ачылову, О. Каратаева и др., которые рассматривали родоплеменное деление кыргызов в контексте традиционного кочевого общества, проблемы регионов Кыргызстана в разрезе «Север - Юг».²

¹Кронгардт Г.К. Классовый состав переселенческого населения Киргизии в конце XIX в. (По данным массовых опубликованных источников) // Известия АН Кирг. ССР. – Общ. науки. – 1988. – № 2. – С.50-56; Кененсариев Т.К. Переселенческий вопрос в политике царского правительства второй половины XIX – начала XX вв. (На материалах Киргизии) // Известия АН Кирг. ССР. – Общ. науки. – 1989. – № 1. – С. 50-55; Кененсариев Т.К. К вопросу о политике царизма в отношении кочевников дореволюционного Киргизстана // Известия АН Кирг. ССР. – Общ. науки. – 1990. – № 3. – С.32-39; Хелимский Е.И. Вопросы социально-экономического развития крестьян-переселенцев Средней Азии в конце XIX – нач. XX в. в дореволюционной историографии (на материалах Семиреченской области) // Известия АН Республики Кыргызстан. - Общ. науки. – 1992. – №1. – С. 20-31.

²Асанканов А. Цивилизация кочевников: не мифы, а реальность URL: http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=111&Itemid=38 (дата обращения: 27.04.12.); Исраилова-Харьехузен Ч. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во втор. пол. XIX – нач. XX вв. и система их родства. – Бишкек: «Илим», 1999; Ачылова Р. Регионализм и политика // Стабильность в Киргизстане и региональные проблемы. – Бишкек, 1999; Каратаев О. К. Этнокультурные связи кыргызов (по материалам родоплеменных тамг, этнонимов, топонимов, этнографических данных): Автореф... д-ра. истор. наук. – Бишкек, 2003; Саякбаев Ж. Древние кыргызы и их истоки. – Бишкек, 2003; Акеров Т. Древний Кыргызстан и великая степь (по следам древнекыргызской цивилизации). – Б., 2005.

Среди кыргызских исследователей нач. XX вв., труды которых опирались на сведения западных исследователей традиционного общества кыргызов можем отметить Ч. Турдалиеву, С. Кожемякина, Дж. Аширалиева.

Исследователь Ч. Турдалиева приводит обширные сведения о кыргызском родоплеменном союзе, культуре, быте, этнополитической истории кыргызов на основе эмпирических исследований Ч.Ч. Валиханова, и западных путешественников второй половины XIX – начала XX в. Э. Сайкса, Л. Макартни, Ю. Скайлера, Э. Данмора и др.¹

Кыргызский политолог С. Кожемякин утверждает, что в связи с мировой глобализацией, в современный период политическое развитие Кыргызстана, представляет из себя классическую модель вестернизации². В итоге это привело к социально-экономическому, политическому, культурному коллапсу в стране: потеря гражданской идентичности, обновлению tribalизма, порождению клановости в государственном управлении, усугублению социального расслоения общества, всеобщей маргинализации населения. Вестернизация продолжается с периода оформления суверенитета Кыргызстана. Поэтому ученый предлагает, учитывая культурные ценности, унаследованные общим историческим развитием, ориентироваться на альтернативный путь модернизации - самобытного развития общества в целом. В данном случае автор предлагает вектор развития направить на евразийское пространство.

Дж. Аширалиев в своей монографии рассматривает широкий спектр вопросов, связанных с историей, философской антропологией, религией кыргызов; дает характеристику ду-

¹ Турдалиева Ч. Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина – XIX – начало XX вв.). – Бишкек, 2008; Турдалиева Ч. Родоплеменное деление кыргызов по материалам Ч.Ч. Валиханова 30.03.11// Акиpress. Аналитика. URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-history/1687-20060330060304921.html> (дата обращения: 12.07.11)

² Кожемякин С. В. Особенности модернизации традиционных обществ в условиях глобализации: Автореф... канд. полит. наук. – Б., 2009.

ховно-нравственным и этическим принципам кочевых цивилизаций Востока; предлагает в качестве консолидирующего стержня государственной национальной идеологии Кыргызстана, для объединения и сплоченности страны – эпос «Манас»¹. Достаточно скептически хотелось бы отнестись к суждениям автора о генеалогических корнях кыргызов. На фоне обширного исторического материала, на наш взгляд, не совсем компетентно отражены сравнительные факты генеалогии кыргызов. Приведенные лингвистические сравнения о происхождении названий кыргызских исторических мест, деятелей культуры, военных и религиозных предводителей не имеют документального подтверждения.

В работах историков Д. Ожукеевой, Ч. Чотоевой, философов А. Джусупбекова, А. Бейшембаевой затрагиваются вопросы трансформации национального самосознания, этнической идентичности, менталитета кыргызов в условиях модернизации².

Проблеме роста национального самосознания кыргызов во второй половине 80-х – начале 90-х годов XX в. посвятил монографию А. Асанканов³. В ней автор сделал попытку проследить проявление резкого повышения национального само-

¹ Аширалиев Дж.А. Проблемы исследования номадической культуры. – Бишкек, 2010.

² Асанканов А. Кыргыз: рост национального самосознания. – Бишкек, 1997; Токтогонов С. Из истории прошлого Кыргызстана. – Ош, 1995; Ожукеева Д.А. Этнонациональная политика современного Кыргызского государства: Автореф... докт. полит. наук. – Москва, 2003; Бейшембаева А. Менталитет кыргызского народа в условиях модернизации: дисс. ...канд. филос. наук. – Бишкек, 2005; Чотоева Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Бишкек, 2005; История и идентичность: Кыргызская Республика. (Авт. колл. А.К. Абылгазиева, В.Б. Богатырев, З.К. Курманов, Г.Л. Горборукова). – Бишкек, 2007.; Мокеев А. Этапы этнической истории кыргызского народа во второй половине IX первой половине XVIII вв.: Автореф... д-ра истор. наук – Бишкек, 2010.

³ Асанканов А. Кыргыз: рост национального самосознания. – Бишкек, 1997.

сознания кыргызов в сферах их общественной жизни, используя этносоциологические материалы.

Представляет большой интерес работа молодого исследователя Ч. Исраиловой-Харьехузен. Проводится анализ традиционного общества кыргызов и ее составных функциональных частей в период русской колонизации в исследуемый период.

Заслуживает отдельного внимания работы философа А. Джусупбекова, политолога Х. Незихоглу¹, в которых даны характеристики кыргызской идентичности.

А. Джусупбеков тщательно и глубоко исследует структуру этнической идентичности кочевников, посвятив каждому из ее основных уровней – родоплеменному (клановому), этнорегиональному (этнолокальному) и общезыренческому (этнонациональному) отдельную главу. Он также выделяет и рассматривает специфику функционирования уровней этнической идентичности бывших кочевников в современных условиях. Особо выделяются семь типов этнической идентичности: нормальная, этноцентричная, этнодоминирующая, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм в форме космополитизма, амбивалентный тип этнической идентичности. Показаны особенности проявления этих типов у современных посткочевников.

Х. Незихоглу исследовал особенности и роль национальной идентификации на постсоветском пространстве.

Немаловажное значение на формирование этнической социальной организации кыргызов оказало коллективное, корпоративное самосознание народа – менталитет. В данном случае нас интересует эмоциональное, инстинктивное и им-

¹Джусупбеков А. К. Этническая идентичность кочевников. – Бишкек: Илим, 2009; Джусупбеков А. К. Основные уровни этнической идентичности кочевников: социально-философский анализ: Автореф. ...д-ра филос. наук. – Бишкек, 2010; Незихоглу Х. Место и роль национальной идентификации постсоветской Кыргызской республики в политических процессах: Автор... канд. полит. наук. – Бишкек, 2012.

плицитное восприятие мира кочевниками. Первым историю ментальности систематически стал изучать один из основателей школы «Анналов» Л. Февр. Однако наиболее полное изучение и осмысление этого термина продолжили антропологи.

В отечественной историографии изучение менталитета приобретает актуальность в 90-е годы XX в. Причина объясняется «социальным стрессом», которое испытывало наше общество в последнее десятилетие XX в. Именно общественная ситуация обусловила интерес к проблемам менталитета, трактовка и интерпретация которых имели неоднозначный, дискуссионный характер. Отечественные историки отождествляли менталитет с групповым сознанием, исторической памятью, социальной психологией, поведенческими мотивами, мировоззрением и т.д.

В этой области, помимо американских и западных исследователей, достаточно активно публикуются среди стран СНГ российские и украинские исследователи. В частности, понимание менталитета, как методологической категории исторического исследования, имело место в работах российских историков А.Я. Гуревича и Ю.Л. Бессмертного¹. Последний определял менталитет как совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы, в которой выражено их понимание мира в целом. А.Я. Гуревич определял менталитет, как первую проблему исторического исследования, которая влияет на решение задач возрождения духовной жизни страны.

Значимость изучения менталитета кыргызов усиливается под воздействием современных социально-экономических, политических и демократических преобразований в стране. Современная кыргызская историческая наука видит свою за-

¹ Бессмертный Ю.Л. Кризис «Анналов»? // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993; Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993. – С.20.

дачу в том, чтобы выявить роль и место менталитета, механизмы его воздействия на поведение отдельных личностей и социальных групп в процессе развития хронологических и локальных цивилизаций.

Философ А. Исмаилов пытается обосновать этногенетическое родство и социально-экономическую ориентацию тюркских народов¹. Одним из первых он начал говорить о конструировании общетюркской этнической идентичности. Он отмечает, что тюркским народам необходимо объединяться, принять опыт славянских народов, и что это не национализм, не пантюркизм, а стремление приобщаться к закономерностям и тенденциям XXI века.

Аналізу современных концепций этничности большое внимание уделила в своей работе Ч. Чотаева². Отличительной чертой ее подхода является использование новых исследовательских методов и терминологии, разработанных западными специалистами в области этнонациональной проблематики.

Большой интерес для изучения менталитета кыргызов представляет исследование отечественного ученого А. Айтбаева³. Объектом исследования монографии исследователя являются ментальные функции (сфера чувств, тип мышления, нормы поведения), особенности менталитета кыргызов в дореволюционный и советский периоды; формирование массового менталитета, адекватного рыночной экономике; сравнение евразийского, западноевропейского и кыргызского менталитетов.

Естественно, на взгляды кыргызских историков большое влияние оказали работы известных исследователей этнопсихологии, национального строительства в полиэтничных госу-

¹ Исмаилов А.И. Философия духа кыргызского народа. – Бишкек, 2002. – С. 63–64.

² Чотаева Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Бишкек, 2005.

³ Айтбаев А.А. Менталитет кыргызского народа: теория и практика. – Бишкек, 2006.

дарствах, западных и российских исследователей Г. Люббе, Э. Эриксона, А. Гуревича, Д. Валеева, Дж. Комароффа, Л.М. Дробижевой¹. В данном случае, этнический фактор повлиял на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, на социальное поведение как отдельного индивида, так и группы, общности. По утверждению специалистов этноменталитет проявляется в образе той или иной страны и населяющего его народа, в национальном характере, национальной идее. Поэтому в начале XXI в. данная проблема продолжает быть актуальной². В контексте дальнейшего развития процесса традиционного кочевого общества изучалось в работах российских этнологов Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, которые приводят сравнительную характеристику, генезис форм государственных образований степных и кочевых обществ³.

¹Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу. // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993; Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. – Уфа, 1994; Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М., 1994; Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994; Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 108–113; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М, 1996.

² Ремнев А. Азиатские окраины Российской империи: география политическая и ментальная / Курс лекций. 27.12.08. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/11/27/remnev/> (дата обращения: 15.01.12.); Попович М. Проблема ментальности / Полит.ру. Курс лекций. 14.04.10. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/14/mentality/> (дата обращения: 08.12.11.).

³Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 71–84; Тишков В.А. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 9–34; Тишков В.А. Этнология и политика. – М., 2001.

Нельзя не отметить огромного позитивного влияния на результаты данного диссертационного исследования работ известных российских и зарубежных историков и философов А. Тойнби, Н.А. Бердяева¹. Теория А. Тойнби об образовании и существовании кочевого общества построена на характеристике кочевых и оседлых цивилизаций, которые сосуществовали и взаимопроникали одновременно. Принцип их существования подвержен вызовам, т.е. неким постоянным стрессам общества извне, от природно-климатических вплоть до иноземных вторжений, что в последующем определяется реакцией, т. е. ответом. В данном случае, социальное развитие кочевников, образование кочевого и оседлого хозяйственно-культурных типов послужило ответной реакцией на природно-климатический вызов².

Конец XX – XXI вв. в связи с геополитическими изменениями в мире, окончанием холодной войны, развалом СССР, изменились приоритеты в международной политике и дипломатии. Актуальными стали вопросы, обсуждения, гипотезы о пути дальнейшего мирового цивилизационного сосуществования. По-новому стали актуализироваться проблемы внешней политики, кризиса старых цивилизаций и образование новых. Появились концепции этнокультурного разделения цивилизаций, где не менее важное стратегическое положение заняли бывшие страны СНГ, а именно Центральноазиатские государства. История традиционного общества стала изучаться в новых современных ракурсах, в контексте национального суверенитета, этнонациональной идентичности и менталитета. Работы зарубежных исследователей С. Хантингтона, З. Бжезинского, Ф. Фукуямы были изданы с большим опозданием, поэтому в 2000-х гг. они были переизданы³. Оппонентом пред-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1991; Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.

² Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991.

³ Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. – М., 2004; Хантингтон С. Столкновение цивили-

ставленных западных концепций выступил российский политолог И. Панарин¹.

Большое влияние на диссертационное исследование оказали работы бывших советских дессидентов, которые полностью отрицали и осуждали все установки коммунистического режима. Круг научных интересов исследователей как М. Восленского, Х. Арендта, М. Джилиаса затрагивали вопросы интеллигенции, элитобразования и советской номенклатуры². В начале XXI в. данная тематика также остается наиболее актуальной³.

Таким образом, рассмотренные работы, объединенные по своему тематическому существу, привели к принципиально важным выводам относительно истории кыргызского народа, его роли в этнополитической структуре Средней Азии. Многие научные исследования вышеназванных работ в будущем повлияли на дальнейшее изучение исторического развития суверенного Кыргызстана.

Начало XXI столетия ознаменовалось не менее важными изменениями в политической, социально-экономической, культурной сфере развития Кыргызстана. Согласны, что разви-

заций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: «Издательство АСТ», 2003; Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Перевод О.Ю. Уральской. – Москва, 1998; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. – Москва, 2004.

¹ Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. – М.: Издательство "Поколение", 2006.

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991; Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 24—31; Джилиас М. Лицо тоталитаризма. / Перев. с сербохорват. – М., 1992.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина. – М.: Праксис, 2002; Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – №11. – С.123-133; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции // Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 г. – М., 2006.

тие страны в этот период было неотъемлемо связано с процессами мирового масштаба.

Усилившийся процесс глобализации, в особенности повсеместное развитие техногенных цивилизаций, привели к всеобщему изменению, отчасти адаптации политической, общественно-политической мысли и культуры народа, появлению демократических народных движений, доминированию ценностей западных культур над восточными. В результате, частично, на фоне столкновения западного демократического влияния и местного восточного деспотического режима, был спровоцирован «взаимоисключающий синтез» двух культур. Впоследствии на Востоке в целях самосохранения, выработались и появились собственные пути государственного и культурного строительства. Существование каждой определялось степенью адаптации и трансформации собственной культуры к интегрирующему миру. В данном случае, во-первых, надо включить увеличившийся огромный процесс миграции населения. В большинстве случаев, социально-экономическая нестабильность государства провоцирует миграционные потоки. Во-вторых, западная демократизация и суверенизация стран СНГ привели к высокой степени национальной идентификации, а вместе с тем и возрождению ее негативных сторон: этнического культивирования архаичных традиций, трайбализма и землячества, клановости и nepoтизма, патриархально-клиентельных отношений, возведению в ранг государственной политики родства и кумовства, этнорегиональной идентичности. Постепенно, государственная политика Центрально-Азиатских государств, стала неотъемлемо связана с интересами крупных кланов и семейств. В-третьих, увеличилась степень активности и политизированности народных масс. В данном случае речь идет о сети повсеместных протестных движений, что не менее актуально на Востоке. Процесс ее консолидации и корпоративного объединения несогласных с политикой государства, на наш взгляд, результат государственных, социально-экономических и идеологических кризисов. Не исключая

ем, что на протестные движения масс, помимо внутренних конфликтов, повлияли и геополитические интересы развитых стран. В – четвертых, как противовес народным массам, выросла обособленность и закрытость элиты, что в итоге привело к созданию крупной высокоорганизованной, финансовообеспеченной прослойки, достаточно доступной ко всем ветвям государственной власти – клановой системы. Из представленной литературы начала XXI в. проблема настоящего исследования рассматривалась в ракурсе культуры кочевых народов, эволюции государственных форм управления и предлагались альтернативные пути цивилизационного развития. К тому же, тема трайбализма актуализировалась в период государственных выборов республиканского или регионального масштаба.

Начиная с XXI в., в связи с политическими событиями (революции и протестные движения масс в странах СНГ и Ближнем Востоке) появились научные исследования по выявлению объективных причин и предпосылок, которые, в первую очередь, были связаны с устройством традиционного общества, трайбализмом, с присутствием семейственности, регионализма, nepoтизма и клиентельных отношений в государственных структурах. В трудах исследователей Г. Павловского, А. Князева, Д. Фурмана, П. Залецки, поднимаются вопросы о существующей клановости в кыргызском обществе, о причинах народных революций 2005 – 2010 гг.¹

Огромное количество научных публикаций о генезисе протестного движения в Кыргызстане содержится в периодических журналах, в особенности в «Центральной Азии и Кавказе»².

¹ Павловский Г. Киргизский переворот. Март – апрель 2005. – Москва, 2005; Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Бишкек, 2007; Фурман Д.И., Шерматова С.А. Киргизские циклы. – М., 2010; Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии (на польск. яз.). – Варшава, 2011.

² Лузянин С. «Цветные революции» в Центральноазиатской проекции: Кыргызстан - Узбекистан - Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5

Исходя из историографического материала, мы можем констатировать установление устойчивых тенденций в научном изучении истории модернизации традиционной структуры Кыргызстана. Так, в целом, всеми исследователями признается регрессивность, историческая отсталость традиционного Кыргызстана и соответственно, прогрессивность, историческая оправданность его преобразования. При этом особо выделяются культурные и экологические достоинства традиционной структуры Кыргызстана и однозначно подвергаются резкой критике преобразования царской России и Советского Союза в части недостаточной оценки этих достоинств. Но в целом все преобразования традиционной структуры в XIX – XX вв. стали называться трансформацией и модернизацией. Если ис-

(41). – С. 7-20; Мацаберидзе М. «Революция роз» и страны Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С. 7-16; Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С.7-16; Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С.21-30; Жильцов С. «Революционные волны» на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №6(42). – С. 7-13.; Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4 (46). – С. 16-26.; Омаров Н. Эволюция политической системы в Кыргызстане в 90-е годы XX – нач. XXI века: итоги и перспективы демократического строительства. // Политический класс. – 2005. – №6. – С. 26-38. Коровин В. Сетевые войны: сражения эпохи (пост)современности // Политический класс. – 2009. – № 2(50). – С.69-84. Торогельдиева Б. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1(61). – С. 145-153; Мамытова Э. Проблемы становления политической оппозиции в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №4(10). – С. 49-53; Лаумулин М. К событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.25-44; Чернявский С. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. –Т.13. – Вып.2. – С. 44-53; Торогельдиева Б. К вопросу о политическом поведении кыргызского народа на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.7-24.

ходить из устоявшегося в искусствоведении термина «модернизм», то это значит «осовременивание», обновление общества, пусть и трагическое.

Сегодня в мире около сорока миллионов кочевников. Кланово-племенная идентичность кочевого народа одна из приоритетных факторов идентификации. Изучение современных тенденций развития человеческого общества убедительно свидетельствует о том, что политическая организация последнего эволюционирует, главным образом, в данном направлении. Государственные институты выполняют лишь действительно общественно необходимые функции. Элементом гражданского общества принадлежит, безусловно, большая часть властных полномочий. В качестве основы политической системы этого типа выступают суверенитет личности и связанный с ним приоритет личных прав и свобод, их взаимоотношения. Исходя из этого, в отношении политического устройства кочевого кыргызского общества со своей традиционной структурой общения также стало прогрессивным, как и в прошлом аграрные и индустриальное общества.

Характеризуя постсоветские исследования этнической и национальной идентичности, клановых отношений необходимо выделить следующее.

Во-первых, результаты этносоциологических, этнопсихологических, этнологических, этнополитических исследований, опираются на западные методики эмпирического анализа проблем становления кочевого общества, этнической и национальной идентичности. Активно используются признанные зарубежные методологии, в частности, конструктивизм. «Азиатский способ производства» становится одной из ведущих западных концепций этнической и национальной идентичности.

Во-вторых, созрела исходная эмпирическая база теоретических исследований, научного подхода к проблемам традиционного кочевого общества отечественных исследователей различных областей наук.

1.3. Клань как объект исследования

Постсоветские трансформации, процесс глобализации, а также внутренние конфликты в Кыргызстане последнего десятилетия обнажили вопросы, требующие незамедлительного решения. Наиболее актуализировались проблемы, которые до сих пор латентно существуют в нашем обществе. Они проникли во все сферы деятельности индивида, вплоть до государственной структуры. Социальные феномены «клан», «трайбализм» испытывают период возрождения.

Надо упомянуть, что данные социальные феномены употребляются зачастую с негативным и деструктивным характером. С другой стороны, клань, трайбы, племя – это необходимые социальные формы организации ранних форм государственности. Поэтому отечественные исследователи общества занимаются скрупулезным изучением и исследованием данных проблем.

Попытаемся, объяснить насколько правильно используется понятие клан, можно ли говорить о кланах и клановости в Кыргызстане. Почему именно сегодня актуализировалось данное понятие. Необходимо обратиться к классической интерпретации понятий.

Достаточно обширно представлено определение «клана». Существуют определения с историческим, политологическим, философским социологическим направленностями. Изучение истории возникновения клана, клановости тесно связано с такими историческими понятиями как родовая община, трайбализм, непотизм, кумовство, «азиатский способ производства», номенклатура советского периода; с политическими определениями «элита», потестонарно-клиентельские отношения; с философским понятием «идентичность», социологическим «социальная структура общества» и т.д.

В узком смысле, в переводе с галльского «клан» означает «семья», а в более широком смысле - дети, потомство (гэльск.

clann — отпрыск, потомство)¹. Первоначально, как наименование «рода» (реже «племя»), получило большое распространение у носителей кельтской культуры и языков: ирландцев, шотландцев, валлийцев (уэльсцев). Углубленное изучение вопроса узкими специалистами, занимающиеся проблемами родства, показывают, что изначально не было единого мнения, какая точно родственная группа может называться кланом. В период разложения родовых отношений данный термин стал означать группу близких родственников, происходящие от одного предка-родоначальника. К имени добавляется приставка «мас» (сын) у шотландцев и «о» (внук) у ирландцев.

В зарубежной антропологии XIX в., под кланом понимали как родоплеменное образование, характерное для традиционных обществ отдаленных частей Азии, Африки, островов Тихого океана в первой половине XX века. Определяющим для обозначения характера связи между членами клана являются родственные, территориальные отношения. Значительное влияние на интерпретацию клана оказал американский этнограф Л. Морган, который обозначал данный термин, как родственное объединение, восходящее свое происхождение к мужскому предку (патрилинейная группа). Идея Л. Моргана легла в основу одного из базовых марксистских трудов Ф. Энгельса².

Клан может состоять из линиджей (от англ. «lineage, linia» - линия, ряд). Это формы родственных объединений, которые могут проследить действительные генеалогические связи родства. Наиболее часто встречающийся аспект термина «tribe» (племя). Родовые общества подвержены процессам расщепле-

¹ Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1976 (Дата обращения 15 мая 2013 г.); Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://gallicismes.academic.ru/18604/> (Дата обращения 15 мая 2013 г.); Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/52357 (Дата обращения 15 мая 2013 г.)

² Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — М, 1961. — Т. 21. — С.23-178..

ния на мелкие, а также слияния в крупные сообщества. Это происходит по генеалогическим принципам, в зависимости от климатических колебаний и внешнеполитической обстановки. Наиболее мелкие группы базируются на принципе общего происхождения. Известный английский этнолог Э. Эванс-Причард в своем описании политического строя англо-египетского Судана понимал линидж, как генеалогическое родство, сегментирование клана¹. Этнолог описывал систему линиджей, как функциональный способ для контроля и посредничества в социальных конфликтах, поскольку в таком обществе отсутствовала верховная власть.

В современный период в зарубежной и российской социологии определение классического «клана» (например, социологические определения Э. Гидденса, Ж. Тощенко, филолога С. Ожегова) выпало не менее важное звено ее характеристики – кровнородственная группа, члены которой возводят свое происхождение к общему предку². Кланов формируются на принципах родства, протекционизма, землячества, замкнутого ближайшего окружения, допускаются профессиональные интересы. Как мы видим, определение клана расширилось, не ограничивается кровными прямыми связями. В клановые сообщества можно отнести людей с общей племенной, традиционной, культурной, региональной идентичностью, а также взаимных интересов, обязательств. Речь идет о современных неклассических кланах, о клановых объединениях, которые в большинстве случаев и наблюдают исследователи.

¹ Эванс-Причард Э. Нуэры. описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука". – 1985. – С. 169 – 170, 173.

² Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 324; Тощенко Ж. Т. Элита? Кланов? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – №11. – С.131; Ожегов С. Толковый словарь. [Электронный ресурс] URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/83466> (Дата обращения 15 мая 2013 г.)

С процессом глобализации, выделился термин «политический клан», где его содержательную основу составила политическая, региональная, экономико-финансовая «элита»¹. Ядро политического клана представляют группа ближайших родственников, соплеменников, земляков, единомышленников, единоверцев, связанных этикой патриархальных отношений. Ведущим звеном политических кланов является сравнительно узкая группа представителей политической элиты национального и регионального уровня. Это группа тесно сплочена системой непосредственно личностных (дружеских, родственных, этнических, земляческих) или опосредованно-личностных (деловых, профессиональных, административных и т.д.) взаимоотношений. Конечно, семейно-родовые и племенные отношения представляют более крепкие связи.

Чешский ученый С. Горак, предложил четыре типа клановых структур, как некую типологизацию внутриклановых взаимоотношений². Для этого ученый оперировал двумя основными терминами – традиционные кланы (племена) и политические (современные) кланы. Естественно, что современные элиты поддерживают традиционные взаимоотношения.

1) Семейный или политико-семейный тип, ведущим звеном которого является сравнительно узкая группа представителей политической элиты национального и регионального уровня. Эта группа тесно сплочена системой непосредственно личностных (дружественных, этнических, земляческих) или превращено-личностных (деловых, профессиональных, имущественных, административных и т.д.) взаимоотношений. Влияние каждого из этих факторов в конкретных клановых

¹ Ольшевский Д.В. Политико-психологический словарь. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 196.

² Горак С. Трансформация идентичности среднеазиатских элит. Традиция и современность // Доклад круглого стола «Проблемы трансформации идентичности общества и личности на постсоветском пространстве». – Пермь, 4-5 июля 2005. URL: <http://slavomirhorak.euweb.cz/bibliography-ru.htm> (дата обращения: 15.05.13)

структурах может быть различным, но во всех случаях семейно-родовые и племенные отношения имеют фундаментальную ценность. В современный период наиболее актуализировался, в особенности в странах Центральной Азии. Семейный тип клановой структуры, согласно исследованию чешского ученого, наиболее четко проявляется у кыргызов, казахов и узбеков.

2) Региональный тип, является ближайший к традиционной форме общества «родоплеменная группа». Идентифицируется с определенным регионом страны. Учреждение советских «национальных» государств в 1920 – 30-х гг. является тому подтверждением. Идентификация местных элит с другими типами кланов (партийными, семейными) ослабляет региональную принадлежность. Но, несмотря на снижения роли традиционных племен, этот фактор имеет свое влияние в современной политике. В 90-х гг. XX в. борьба региональных и племенных кланов привела к вооруженному столкновению в Таджикистане.

3) Партийный тип. Систему политических партий в Средней Азии пока трудно сравнивать с Западной Европой, Россией. Они представляют тип элиты, которая создалась в узком кругу людей без другой идентификации (городские интеллектуалы) или наоборот представители партий копируют другие элитные структуры. Часто партийный тип кланов совмещается с региональной элитой (многие из лидеров кыргызских партий и протопартий), семейной элитой (дети бывших кыргызских президентов А. Акаева и К. Бакиева, казахского президента Н. Назарбаева), экономическими, социальными или религиозными группировками (Саид Абдулло Нури в Таджикистане).

4) Экономическо-социальный тип. Эта часть элиты была в советское время одной из самых богатых, но одновременно одной из самых «малограмотных» слоев населения. Эта характеристика имеет свой смысл и в нынешних реалиях. Элита данного типа воспользовалась постсоветским хаосом в экономике страны для накопления огромных средств, приняла характер мафиозных структур. Взаимосвязь с политикой, финан-

совые средства дали им возможность влиять не только на процесс принятия решений, но и на управление сменой политической элиты (семьи).

К другим типам клана и элит можно отнести творческую и культурную интеллигенцию. Послевоенное советское время влияние этой группы было достаточно сильным в виду их протектирования в обществе и в партии. Однако в период суверенитета влияние данной группы интеллигенции упало. В современный период, представители культурной интеллигенции (за некоторыми исключениями) стали больше выразителями элит проецированной национальной идеологии, чем группой, влияющей на политику или экономику государства.

Согласно мнению Л.С. Васильева, на Востоке возник институт так называемого конического клана – феномен власти-собственности. В данном случае высшая власть передается по наследству по старшей линии и является квинтэссенцией всех неевропейских обществ в истории. Феномен власти-собственности представляет собой достаточно имманентную специфическую сущность, с ограниченной и контролируемой частной собственностью.

Наиболее яркими примерами конического клана, взаимоотношения внутри которого основывались на институтах власти-собственности, были три цивилизации Востока: китайско-дальневосточная конфуцианская, мусульманская (возникла в VII в. и структурно гораздо более жесткая), индубуддийская, с ее отчетливой ориентацией на приоритет внефеноменального существования. Конфуцианский Дальний Восток с его исключительной способностью к усвоению полезных новаций дал наилучший результат, что хорошо видно на примере Японии. Китай отстал, из-за стойкости консервативной административной структуры и приверженностью к «самодостаточной» традиции. Наиболее сильное сопротивление оказывали страны ислама. Только длительный процесс вынужденной адаптации к новым формам жизни позволил колонизаторам добиться в некоторых из этих стран (Турция, Египет,

Пакистан) позитивных результатов. Но остальная часть мира ислама, особенно арабские страны и Иран, не принимала европейских стандартов, причем многие из этих стран занимают такую позицию и сегодня¹.

В Центральной Азии, по оценкам социологов на 2005 г., размеры кланов варьируются от 2 тыс. до 200 тыс. индивидов: в сельских районах, их возглавляют старейшины, в городских – богатая прослойка и старейшины, поэтому индивиду трудно выйти из него. Согласно мнению американских исследователей, в Центральной Азии система кланов применяется к Таджикистану и Узбекистану, а племенные отношения для Казахстана (жузы), Кыргызстана и Туркменистана².

Вместе с социальным феноменом «клан» тесно связаны «трайбализм» и «идентичность».

Под "трайбом" понимается малая группа людей, объединенных родовой или территориальной общностью происхождения. Само слово «tribe» (англ. «племя») в современный период ассоциируется с угрозой политической стабильности. Серьезные аналитики часто путают понятия этничность и «tribe», утверждая при этом, что «трайбализм» есть высшее проявление этнического конфликта. На наш взгляд, ошибочно само предположение, что трайбализм играет исключительно конфликтную роль в политической жизни государства. В современном мире, где родоплеменное самосознание существует в разнообразных формах, нет никакого основания приравнивать его склонности к конфликту или патерналистскому типу государственности. Обсуждение вопросов трайбализма и родоплеменных отношений в современной политике не должно вызывать негативных представлений не впи-

¹ Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос. – 2000. – С. 100 – 107.

² Коллинз К. Логика клановой политики в Центральной Азии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9.: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. – М., 2005. – №3. – С. 36.

сывающихся в современный мир. Во многих случаях родоплеменные подразделения являются одним из центральных акторов современной политики.

Трайбализм выделяют политический, социальный и историко-культурный. Политический трайбализм представляет собой проникновение организованных групп, сформированных по родоплеменному признаку, в систему государственной власти, и оказывающие влияние, как на государственную, так и на региональную политику. Для политического трайбализма характерно то, что эти группы практически не связаны ответственными обязательствами перед государством. Как известно, в кочевом обществе кыргызов система властного доминирования базировалась на принципе генеалогического родства, происходившего из традиционных представлений номадов о праве первородства и старшинства. Система генеалогического родства, выполнявшая идеологическую функцию в кочевом обществе, служила основным инструментом регулирования социальных отношений. При этом важную роль в социально-правовом ранжировании кочевого населения играли исторически сложившиеся понятия "старших" и "младших" племен. Исходя из данных критериев, структура политической организации кыргызов строилась в виде генеалогической иерархии родов и племен. Сильные (старшие) роды и племена выступали здесь в качестве ядра кыргызских военных объединений. Вокруг них интегрировались менее сильные (младшие) племена и рода, и на этой основе складывались государственные образования. Из генеалогического критерия социальных статусов различных постестарно-политических групп кыргызов проистекала и система статусного ранжирования разного рода субъектов властных отношений. Поэтому степень влияния и иерархия родов и племен на процесс принятия решений во властных структурах зависели от наследия институтов прошлого и политических калькуляций настоящего.

Историко-культурный трайбализм - это сохранение принципов действия институтов прошлого, созданных на основе родового деления на современном этапе.

Социальный трайбализм - это тип участия определенных групп на основе генеалогических связей для оказания социальной поддержки членам рода через существующие институты взаимопомощи. Род становится важнейшим социальным фактором, основанным на чувствах родственной связанности, представляет собой некую корпорацию, внутри которой происходит тесное и регулярное общение на основе установленных ритуалов. В его основе лежит баланс рода и нации. Таким образом, кыргыз всегда интегрирован в малую родовую общину.

Данное структурирование позволяет выявить не только степень влияния каждого из них на процессы, происходящие в общественной жизни, но и определить доминирующий.

Для большинства же слоев общества внутритрайбовые связи стали способом выживания и адаптации к современным условиям. Наряду с этим, практика трайбализма заключается в предоставлении привилегий выходцам из одной этнической группы (при подборе кадров в государственном аппарате) и соответственно дискриминации остальных. Исследователи утверждают, что важнейшую роль в борьбе с системой родоплеменных отношений сыграли монотеистические религии – иудаизм, христианство, ислам¹. С нашей точки зрения, суть трайбализма заключается в переплетении родоплеменной структурированности общества с функционированием государственного аппарата. Политический трайбализм в современном кыргызском обществе превалирует.

Все большее распространение в западной, российской литературе приобретает один из ключевых терминов трайбализма – идентичность («identity»). Постмодернистский пе-

¹Умбеталиева Т. Трайбализм в Казахстане. Родоплеменная дифференциация – основа политической системы. 03.01.2003. URL: [http:// www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120) (дата обращения: 18.01.08)

реворот в общественных науках ярко продемонстрировал, что в любом человеке есть множество взаимоисключающих самосознаний, выражение которых зависит от контекста. Согласно С. Хантингтону слово «identity» подразумевает некое единообразие, связывающее индивидов в одну группу. Объединительным звеном может выступить общая культура, территория, политические, экономические и социальные интересы. При этом он определяет, что границы разграничений идентичностей условные, взаимосвязанные, постоянно меняющиеся. Таким образом, идентичность по С. Хантингтону это социальное явление, которое во многом зависит от группового поведения и самосознания¹.

Проблемы этнической идентичности изучались и советскими исследователями. В советский период, сложились две школы идентификации, с точки зрения их определения и подходов к исследуемым проблемам. Основное (официальное) направление было представлено трудами Ю.В. Бромлей и его последователей.² Согласно их мнению, все человечество делилось на этносы, которые рассматривались, как 1) социальное явление; 2) «система признаков». В качестве основы идентификации у этноса выступили «системы признаков» (территория, язык, общая культура и психика). Такое понимание этноса сильно облегчало появление такой этнической общности, как «советский народ».

Наиболее популярная (и оппозиционная официальной) теория Л.Н. Гумилева предлагает в качестве критерия для определения этноса и степени идентификации - стереотип поведения, который представляет собой «форму адаптации человека в биоценозе ландшафта»³.

¹ Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности // Пер. с англ. А.Башкирова. – М.: ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 50-59.

² Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР в поисках новых подходов. – М, 1988; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М, 1981.

³ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социс. – 1992. – №1. – С.53.

Несколько особняком стоит проблема идентификации в кочевых обществах. Казахский исследователь Н. Масанов предлагает вычленить для Центральной Азии два полюса идентичностей, на одном из которых кочевники (казахи, кыргызы, туркмены), а на втором – оседло-земледельческое население (таджики, сарты и др.), а между ними располагается большое количество пограничных групп. В формировании этнической общности главную роль играет адаптация к природным условиям, и идентичность возникает на стадии равновесия между средой и социумом. Поэтому не исключено, что такая черта кочевого общества, как родоплеменная идентичность, была порождена «особенностями передачи информации и собственности в кочевой среде»¹.

Кыргызский исследователь А.К. Джусупбеков разделяет групповую этническую идентичность на три основных уровня: родоплеменную (клановую), этнорегиональную (этнолокальную) и общетническую (этнонациональную). Такой подход наиболее корректен применительно к анализу структуры этнической идентичности кочевников и посткочевников, классическими представителями которых являются кыргызы². Согласно мнению кыргызского философа феномен региональной идентичности включает в себя ряд элементов и характеристик, позволяющих ей быть более высокой ступенью этнической идентичности, нежели родоплеменная³.

Интерпретация термина «региональная идентичность» в научном мире варьируется. Согласно определению, региональный уровень – это сознание региональной, территориальной, локальной общности происхождения или проживания, осознание территориальных связей, возникающих на основе совме-

¹ Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе. – Алматы, 1997. – С. 37.

² Джусупбеков А. К. Этническая идентичность кочевников. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 243.

³ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность кочевников. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 135.

стного проживания членов первичных, вторичных социальных групп любого диапазона от общины до государства¹. Кроме региональной, территориальной, соседской идентичности рассматривается термин «локальная идентичность». По мнению С. Савоскула, под локальной (местной) идентичностью следует понимать «то или иное самоотождествление людей с тем локальным (городским или сельским) сообществом, в рамках которого в настоящее время происходит их основная жизнедеятельность»². Территориальные идентичности взаимосвязаны с гражданской и этнической идентичностью, являясь одними из их подуровней. По мнению М. Крылова, региональная идентичность отождествляется с понятием «малая родина», что является системной совокупностью культурных отношений³.

Казахская исследовательница Т. Умбеталиева называет региональную идентичность "корпоративностью", характерной традиционной чертой восточной ментальности. При этом она подчеркивает, что в силу происходящих политических процессов в странах Центральной Азии эти "корпорации" трансформируются в группы интересов, «целью которых являются скрытое воздействие на органы власти, что столь характерно для родовых отношений»⁴.

По мнению российского исследователя Г. Коржова региональная идентичность является проявлением традиционного общества с патриархальными отношениями вертикаль-

¹ Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – Москва, 1986. – С. 178.

² Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян: на примере Переславля-Залеского // Этнографическое обозрение. – 2005. – №3. – С. 58-60.

³ Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – №3. – С. 13-20.

⁴ Умбеталиева Т. Трайбализм в Казахстане. Родоплеменная дифференциация – основа политической системы. 03.01.2003. URL: [http:// www.centrasia.ru /newsA.php?st=1041591120](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120) (дата обращения: 18.01.08)

ной системой господства»¹. Следует согласиться с позицией автора в оценке происхождения регионализма. Однако есть специфика регионализма традиционно оседлых этносов и постномадов. С. Савоскул считает, что в региональной идентичности внешне доминирует топонимика, где уместен термин «местный патриотизм», «сила» идентичности².

Согласно точке зрения российского исследователя Н. Петрова, «регионализм» – это чувство территориальной (региональной) принадлежности³. В данном случае часто идет подмена понятий "регионализм и региональный сепаратизм". Конечно, регионализм представляет явление неизбежное и позитивное.

Как мы видим, степень идентичности наиболее вариативна. Она определяется уровнем духовной связи человека с конкретной территорией. Региональная идентичность образовывается по принципу социального, но не кровного родства, отражаемого в генеалогии предков.

Как мы видим клан, трайбализм, идентичность – это четкие социальные группы и взаимоотношения, внутренне объединенные набором неформальных норм и правил, характерные для современного периода.

Согласно американским исследованиям выдвигаются четыре предположения относительно клановой динамики: 1) Кланов могут существовать в сильных государствах, особенно если они являются организациями пассивного сопротивления государству. Государство подвергает их репрессиям, но не уничтожает; 2) в случае внешней угрозы кланы заключают не-

¹ Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – №4. – С. 41.

² Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян // Этнографическое обозрение. – 2005. – №2. – С. 58.

³ Петров Н. О регионализме и географическом кретинизме. 13.02.06. URL: <http://polit.ru/article/2006/02/13/petrov/> (дата обращения: 20.04.2012)

формальные соглашения («договоры»), что укрепляет стабильность режима, особенно в переходных государствах, но не порождает демократические перемены; 3) договоры и последующие модели перехода – идеологические ориентации лидеров. Формально же новые политические институты имеют весьма ограниченное, кратковременное воздействие на политические траектории; 4) политические режимы все более вбирают в себя неформальную клановую политику. В условиях репрессий они могут выжить при условии, что государство запрещает, но не расчленяет их; когда клановая идентичность становится базой сопротивления режиму; государство сохраняет им доступ к ресурсам выживания. Напротив, признание государством кланов (или их кооптация), скорее всего, принизит или трансформирует их. Клановые приобретают растущее политическое значение в слабых государствах (переходных, постколониальных), страдающих от упадка экономики и слабости государственных институтов. Наконец, клановые договоры благоприятствуют только прочности режимов, а не их демократизации.

Скрытый характер клановых отношений общества объясняется тем, что представительная система правления не дает возможностей для раскрытия дальнейшего маневра на политической арене. Постоянная борьба между соперничающими группами за возможность монопольно определять правила игры вынуждают максимально изолировать борьбу за власть от внешнего наблюдения и воздействия, перевести ее на неофициальный уровень, не оставив места для внешнего контроля. Их неформальность затрудняет государству осуществлять контроль над ними. В подобных рода структурах действует сложная система внутреннего распределения власти, формирования повестки дня, регулирование властных отношений. Эти структуры закрыты не только для внешнего контроля, но и мониторинга, основываются на ясных и очевидных кровнородственных связях, языковой и географической общности, общем происхождении. Замкнутость и полная бесконтроль-

ность клановой системы порождает разветвленную, закрытую для посторонних систему отношений покровительства, в которой поддержка распространяется лишь на узкие группы друзей и близких.

Важнейшее свойство клановой структуры – ее способность постоянно создаваться и воссоздаваться. При этом ресурсы и влияние сосредотачиваются и перераспределяются внутри племенных и клановых элит, которые от имени соответствующих кланов предъявляют политические и социальные требования к центральной власти.

На Востоке в основе клановых отношений выступает группа, в которой обычно представлены наиболее влиятельные и сильные племена, преобладают традиционно почитаемые старейшины. Окончательные суждения и решения, выносимые аксакалами, пользуются большим авторитетом, имеют немалый вес в местной и субрегиональной политике. Не приходится удивляться, что большинство местных и региональных высших чиновников, а также представителей бизнес-элиты тесно связаны со своими племенами и кланами. Для любого, кто стремиться занять политический пост, наличие или отсутствие поддержки клана и родственников равносильно успеху или неудаче¹. Представители того или иного клана, занимающие важные позиции в местной или региональной власти, используют свой статус, чтобы повысить роль и влияние своей родственной группы. Местничество наглядно проявляется в том, что все финансово рентабельные должности заняты близкими родственниками, а денежные – сосредотачиваются в руках доверенных приближенных элите. Соответственно неудачи и поражения последнего оказывают губительными для положения его или ее клановой группы в общем «микробалансе сил». Клановая элита использует родственные связи для достижения своих целей в политической или экономиче-

¹ Байматов Б. Специфические местные аспекты «гражданского общества» в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4(46). – С. 25.

ской системе, рядовые члены нуждаются в ее помощи, чтобы получить работу, доступ к образованию – поэтому, вне клана трудно выжить.

Отношения членов политического клана с его лидером (как правило, политиком или чиновником высокого ранга) строятся на абсолютной персональной лояльности патрону и, в соответствии с традиционными нормами, на взаимном обмене услугами. Лидер вправе рассчитывать на максимальное использование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления положения патрона во властных структурах. Патрон, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения (политические, административные и профессиональные назначения), доступ к источникам материальных и социальных благ (социальные привилегии, жилье, деньги, престижное образование, поездки за рубеж, а в новейшее время – также гарантированные кредиты, лицензии, государственные контракты, освобождение от налогов, гарантии личной безопасности и «прикрытие» законных и незаконных видов деятельности). В итоге, образуются широкие «патронажно-клиентельные сети», которые превращают политические кланы в значительно развернутые структуры регионально-трайбалистского типа и придают им стабильность. Ядром этих структур становятся отмеченные выше этнорегиональные группировки элит, связанные общностью происхождения и имеющие в своих областях полную монополию на власть. Неформальные политические структуры включены в более широкие межклановые объединения (макрокланы), к примеру, Север и Юг Кыргызстана.

В постсоветском пространстве, но и во всем мировом обществе в целом, наблюдается методологическая сложность изучения «клана». Трудность заключается в скрытности, замкнутости данной системы в обществе. Скрытый характер клановых отношений общества заключается в том, что представительная система правления сама использует клановые связи, нет возможностей для ее раскрытия на политической

арене. Максимальная изолированность кланов от внешних наблюдателей, не дает возможности раскрыть механизм отбора представителей властной элиты. Их латентность и скрытость затрудняют государству осуществлять контроль над ними. Эти структуры закрыты и для мониторинга, основываются на очевидных кровнородственных связях, общем происхождении, географической общности. Замкнутость и полная бесконтрольность клановой системы порождает разветвленную, закрытую для посторонних, систему отношений покровительства, в которой поддержка распространяется лишь на узкие группы друзей и близких.

Надо отметить, что исследования данной проблемы достаточно хорошо изучены в Казахстане, Туркмении и республике Тыва¹. Представленные работы утверждают, что в современный период клановые связи наиболее выражены во властных структурах государств. Поэтому сейчас, предпочтение надо отдать методам включенного наблюдения за обществами в целом.

В итоге, можно сделать вывод. Опираясь на труды ученых, исследование обозначенной проблемы, истоки и сущность клана в обществе, показывает о проблеме современности. Среди определений «клана» можно разграничить следующее: ва-

¹ Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. – Москва, 1999. – №1 – С. 46-61; Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3 (9); Хлюпин В., Грозин А. "Кочевые элиты" постсоветской Азии // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 4. – С.7-12; Кадыров Ш. Институт президентства в клановом постколониальном обществе // Люди и мифы: Сборник статей «Вестника Евразии». Сост. С.А. Панарин. – М., 2003. – С. 337-364. Кадыров Ш. Этнос и политика, этнические истоки, эволюция и перспективы Туркменской государственности // Восток. Афроазиатские общества: История и современность. – 2003. – №10(31). – С. 110-124; Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): Автореф... д-ра филос. наук. – Москва, 2011; Ламажаа Ч. К. «Клан»: понятие в социальных науках // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С.121-131.

риативность определений, говорит об отсутствии до сих пор четкого определения клана. С одной стороны, сущность определения «клана» сводится к традиционному: «род», «племя», «семья», «биологическое и социальное родство», «объединение родственников, с общей территорией проживания, общей формой собственности на средства производства». Общим объединительным звеном в данных определениях выступают родственные связи, отношения между членами рода, допускается отсутствие генеалогической связи. С другой стороны, понятия и сущность клана в современный период, могут включать в себя социальные группы с определенной характеристикой (политические, финансово-экономические, региональные, этнические, профессиональные). На наш взгляд, наиболее подходящее определение клана дала тувинская исследовательница Ч. Ламажаа. Согласно ее заключению, в современный период клан – это объединение, основанное на системе непосредственно личностных (дружеских, родственных, этнических, земляческих) или опосредованных (деловых, профессиональных, административных и т.д.) взаимоотношений, имеющие общую хозяйственную основу для функционирования¹.

Традиционная структура кыргызского общества является многосоставным и многосложным явлением. Однако можно отметить, что фундамент кыргызского общества составил род, обладающий уникальной способностью максимального внутривидового объединения кыргызов, а также их сегментации. Его закрытость для проникновения оседло-земледельческих структур создала постоянную потребность в сохранении самобытности, целостности и самостоятельности этнического образования. Особенности клановых отношений кыргызов являются примат коллективистского, группового, общинного начала над индивидуальными, личностными проявлениями и интересами. В основе принципа объединения кыргызских ро-

¹ Ламажаа Ч. К. «Клан»: понятие в социальных науках // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С.121-131.

дов лежала не только генетическая и историческая память народа, но и общность территориально-хозяйственных и общественно-политических интересов.

В современный период в Кыргызстане всплеск политических событий связан с активизацией политических кланов, которые обусловили смену политических элит. Именно клановые интересы, по приведенным определениям, на наш взгляд, наиболее близко и самым лучшим образом отражают политическую власть в Кыргызстане. Экономическое пространство поделено между разными кланами, кастами, кланами. Они сформировались достаточно стремительно, опираясь на складывавшиеся еще в советские времена родственные связи, личную преданность, приятельские отношения, что позволило разделить сферы экономического и политического влияния.

Ярким примером сращивания клана с государственной властью послужили революционные события в 2005 г., 2010 г. в Кыргызстане. Культивирование в государственно-властных отношениях клана на протяжении всего суверенитета страны стала играть ключевую роль в государственном управлении Кыргызстана. Клановая преданность, привязанность олигархическим интересам стали некой константой нашего общества. Интегрированная вокруг кланов крупная номенклатурная политическая, финансовая элита, составляли главные опоры семей президентов. Усиление клана привело к внутренним конфликтам: разрушению клана изнутри. Борьба за передел собственности и сфер влияния способствовали разъединительной политике внутренних влиятельных кланов, что естественно это отразилось и на народной массе.

Необходимым средством борьбы с клановостью в кыргызском обществе должны выступить высокая нравственная степень ответственности и политическая воля элит.

1.4. Кочевое общество кыргызов и система родоплеменного деления кыргызов

Одним из актуальных вопросов современного периода выступают вопросы цивилизационного развития обществ Запада и Востока. Процесс всеобщей мировой глобализации вновь поставил мировое сообщество перед выбором о прогрессивности данных обществ, о вкладе их в мировую историю в целом. На наш взгляд, в данный период наиболее привлекательным для мирового сообщества, новым полюсом сосредоточения выступило восточное общество, а вместе с тем и страны Центральной Азии. Развитие XXI в. характеризуется крупным цивилизационным изменением в странах Востока: социально-политическими, культурными событиями, место вклада и сосредоточения мирового денежного капитала, термин «азиатское чудо» говорит о совокупности крупного цивилизационного развития со специфическим традиционным укладом жизни данного государства. К сожалению, современное развитие азиатских цивилизаций разношерстны: от крупных военных столкновений в северных арабских странах африканского континента до высокоразвитых техногенных стран Кореи, Китая и Японии.

Кочевая цивилизация, или номадизм, сыграла огромную роль в достижении мирового прогресса. Во-первых, кочевой образ жизни стал единственным звеном ретрансляции новых веяний и достижений культуры, науки, техники других цивилизаций. Культура кочевников отличалась высокой степенью восприимчивости, гибкости, мобильности к новшествам других цивилизаций, выявив в себе некий «адаптированный» вариант культуры. Во-вторых, на протяжении длительного исторического периода у кочевников выработалась высокая степень идентичности с обществом, социумом, социальной организацией. Корпоративное мышление способствовало сохранению кочевой цивилизации, культуры, традиций и обычаев на

протяжении веков. Здесь сказалась и духовная близость, материальная привязанность кочевников к природе.

Первые сведения о кочевниках мы находим в текстах шумерийских таблиц, египетских, эламских, урартийских, персидских источниках.

Возникновению кочевничества, как одного из содержательных основ прогресса человеческой цивилизации, способствовало крупное разделение труда. Во-первых, деятельность кочевников-номадов была обусловлена природным сосуществованием: направлена на добывание основных средств к существованию. В данном случае, культурный тип хозяйства выступил следствием адаптации кочевников к окружающему миру, как максимально приемлемый и в то же время прогрессивный для того периода. С течением времени, с дальнейшим совершенствованием типа хозяйства, развитием подвижного экстенсивного скотоводства возникла необходимость в новых дополнительных усовершенствованиях в технике и способе деятельности. Кочевой образ жизни, в первую очередь, экстенсивное скотоводство, послужило выделению данной цивилизации.

Во-вторых, кочевой тип хозяйства был обусловлен природно-ландшафтными и экологическими изменениями. Продолжительная засуха, повышенная влажность климата, освоение человеком новых территорий и ее видоизменение привело к частичному изменению деятельности оседлых племен – появлению экстенсивного пастбищного скотоводства. Переход к кочевому скотоводству происходил постепенно. В зависимости от природно-климатического, географического ландшафта складывались различные формы скотоводства с определенными видами разводимого скота, их максимальным количеством. Постепенно, с естественным сокращением области передвижения кочевых племен, стало практиковаться использование одних и тех же пастбищ по сезонам различными родами и племенами поочередно. Условного соглашения использования

кочевок между родами и племенами не существовало. Однако это было первичной формой родового землепользования¹.

В-третьих, согласно утверждению исследователей кочевого общества XX в. переход на кочевой тип хозяйства был обусловлен перенаселением и вынужденной миграцией племен². Согласно мнению Г. Маркова, кочевой тип хозяйства, первоначально начался на рубеже бронзового и железного эпох. Рассматриваемый период был назван в литературе периодом «ранних кочевников»³. К тому же военизированный образ жизни кочевников вынуждал постоянно сталкиваться и бороться с другими кочевыми племенами. Объектом раздора, зачастую, выступали земля и пастбища. Кочевники расширяли свои владения за счет захвата ближайших соседних территорий. Ярким примером служит массовая миграция кочевых племен Центральной Азии с востока на запад в IV – III вв. до н.э.⁴.

Таким образом, с первого века нашей эры намечаются две линии в развитии общественных отношений Кыргызстана – оседло-земледельческий тип хозяйства и кочевой. Средствами производства в данном случае выступили, соответственно, земля и скот. Форма собственности была родовой.

До сих пор в научных кругах оспаривается вопрос о прогрессивности кочевых и оседло-земледельческих культур в государствах мирового сообщества. Согласно исследованиям советского периода, высшей стадией развития кочевничества считали оседлость. Напомним о мероприятиях советской власти в 20-30-е гг. XX в., когда насильственно кочевое население

¹ Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Издательство АН КазССР. – 1964. – С. 19 – 23.

² Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Издательство АН КазССР. – 1964. – С. 22; Марков Г.Е. Кочевники Азии (Структура хозяйства и общественной организации). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 278; Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – С. 288.

³ Марков Г.Е. Указ. раб. – С. 278 – 280.

⁴ Марк К. и Энгельс Ф. Вынужденная эмиграция. Соч. – Т. 9. – С. 278.

принуждали переходить к оседлости. Программа большевиков предусматривала переход к оседлости посредством национальных, экономических, социально-культурных программ. Все это привело к тому, что стержневое устройство традиционного кыргызского общества было подорвано. Однако огромное влияние на развитие кочевых и оседлых культур оказывали природно-географические условия и степень адаптации проживающих на данной территории племен. Поэтому прогрессивность развития племен должна расцениваться степенью максимальной адаптации к изменяющимся природно-климатическим, экологическим условиям в ареале проживания того или иного племени или союза племен. Исследовательский интерес к прогрессивности двух культур вызывает и духовная, социальная культура: менталитет, коллективное мышление, физические и интеллектуальные качества, высокая степень идентичности к макро и микро социуму, структура социальных организаций.

Анализ прогрессивности двух видов культур, на наш взгляд, нужно рассматривать с точки зрения мотивированности деятельности индивида того или иного общества. В данном случае существуют две противоположные точки зрения – экономические, и природно-экологические интересы. Экономические интересы, что не исключено для нашего современного техногенного общества, исходят из того, что главной направленностью деятельности человека выступает удовлетворение материальных потребностей. Природно-экологические интересы для доиндустриального, традиционного общества выступили в удовлетворении биологических и социальных потребностей.

Многие исследователи по-разному отвечают на вопрос о прогрессивности данных типов хозяйства. Представители советского периода, такие как В. Шахматов, Г. Марков, С. Толыбеков выступают сторонниками прогрессивности оседлой куль-

туры¹. Согласно их утверждениям, земледельческий тип хозяйства воспринимается как более рациональный, экономический путь материального благополучия. Он отличается высокой продуктивностью, склонно к использованию новых и новаторских технологий в процессе производства. Прогрессивность земледельческого типа хозяйства заключалась в экономическом и продуктивно-эффективном освоении природы. Экологическое природное окружение за счет ее прагматичного освоения тоже не нарушалось. Однако ряд современных ученых утверждают обратное².

Выделим ряд отличительных качеств данных типов хозяйств, согласно представленной схеме кыргызского историка Ю. Подкуйко³.

1. Специфика кочевого скотоводства предопределяла постоянную миграцию кочевников в поисках лучших пастбищ и новых мест пребывания. В результате форма закрепления территорий пастбищ за отдельными родами и племенами в виде частной собственности (что являлось показателем прогрессивности) отсутствовала.

2. Специфика кочевого скотоводства предопределяла более продолжительный и менее производительный процесс производства. Кочевнику в умеренном климате было достаточно трудно получить прибыль, как показатель материального дохода и экономической эффективности хозяйства. К примеру, С. Толыбеков упоминает, что кочевник в год от мелкого скота получал один приплод, тогда как в условиях оседлого интенсивного животноводства овцы дают три приплода в два

¹ Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата, 1964. – С. 26; Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М., 1976. – С.285; Толыбеков С. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). – Алма-Ата, 1971. – С.600–602.

² Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевников. – Алматы, 1995. – С. 238.

³ Подкуйко Ю.В. Основные проблемы истории кыргызов: Учеб. пособие – Бишкек, 2005. – С. 30.

года. На выращивание ягнят кочевник затрачивал около 25-30 мес., тогда как при оседлом интенсивном овцеводстве этот срок сокращался в 4-5 раз. В земледелии же период производства яровых культур не превышает 6 месяцев¹.

3. Деятельность кочевников определила их психологические, интеллектуальные качества. Номады обладали более мощным жизненным потенциалом, физической и нравственной выносливостью, чем земледельцы. Экстремальные природно-географические условия проживания, дефицит водных источников в летний период сезона, низкая температура в зимние месяцы, перепады температуры в горных условиях вынудили кочевников быть адаптированными, стойкими, жизнеспособными к природным изменениям. Кочевники научились гибко реагировать на хаотичность природной среды, овладели навыками генетического улучшения скота, проявляли глубокие знания в области фенологии и этологии животных. Английский исследователь А. Тойнби подчеркивал, что именно физический труд кочевников (доместикация животных) выступил формой адаптации к вызовам природы². Поэтому энергичность, мобильность, пассионарность, интуиция, самообладание были основными характерными качествами кочевников. Согласно мнению Н. Масанова наименование «кочевник» здесь выступает, как род деятельности или профессия³. С другой стороны, специфика кочевого типа хозяйства замедлила развитие общественного разделения труда. Труд человека в данном случае был беспрерывно задействован, отсутствовал промежуток свободного времени между периодом производства. Наличие свободного времени дало бы возможность заниматься

¹ Толыбеков С. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). – Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. – С.600 – 602.

² Тойнби А. Постигание истории /пер. с англ. Огурцов А.П. – М.: Прогресс, 1991. – С. 184.

³ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы, 1995. – С. 238.

ремеслом, как при земледелии. Человеческая деятельность в условиях кочевого скотоводства становилась менее разнообразной, однотипной по своему содержанию. Кочевое скотоводство задерживало процесс разделения умственного и физического труда. Образ жизни кочевника не предполагал развития науки и искусства, творчества, как категории прогресса.

4. Структура кочевого общества определила коллективное мышление. Кочевое скотоводческое хозяйство основывалось на родоплеменной структуре общества, представляло из себя четкую организацию, генеалогическое сообщество родственных линий. У кочевников было сильно развито чувство племенной, родовой, региональной идентичности. Правила взаимоотношений внутри племен, родов, крупных союзов были четко расписаны и соблюдались. Им было свойственно коллективное мышление на подсознательном уровне. Внутриродовые и племенные отношения кочевников требовали повышенного внимания к индивиду. В то же время, данные индивиды отличались силой, мощью, гордостью за принадлежность к представленному роду, повышенным чувством коллективизма и ответственности. Культивировалась взаимопомощь и взаимоподдержка, сохранялась преемственность поколений и жизненного опыта. Отсюда у кочевников генеалогический принцип родства выступает, как высокое чувство собственной идентификации. В отличие от них, земледельческие племена навыков постоянного сотрудничества не имели. Однако в то же время консервативность родоплеменного устройства, что не является уже степенью прогресса, заключалась в замкнутости и ограниченности культурного взаимодействия с другими племенами. Социальные лифты в данной структуре менее проявлялись.

5. Военизированный образ жизни. Кочевой уклад жизни, нападки соседних племен предполагали состояние перманентной войны. Это было одно из условий природного естественного отбора. Как отмечал Э. Хантингтон, постоянные военные набеги составляли часть обыденного уклада жизни кочевни-

ков, соблюдение морально-этических принципов и норм данного общества¹. К тому же надо отметить, что у кочевников были тесно переплетены существующая десятичная система и родоплеменная генеалогическая организация. Это давало возможность оперативно реагировать на военизированные выпады окружающих противников. Российский исследователь Н. Крадин характеризует военизированный образ общественной жизни кочевников, как политические механизмы данного общества². При этом он подчеркивает, что важную роль у кочевников играл институт соправительства, который был весьма самобытен и приспособлен к номадическим порядкам³. Подобные институты существовали и у земледельческих общин, например, институт двух царей у спартанцев. В кочевых же условиях, как отмечает Н. Крадин, дуальная система это – классическая модель управления, так как дает возможность быстро и своевременно реагировать на возникающие проблемы.

6. Кочевники выступили и ретрансляторами других культур. Находясь на территории сопредельных государств, они имели возможность перенимать чужие традиции и культуру: постигать военное искусство, государственное устройство и управление, осваивать дипломатию, торгово-экономические отношения. Близость природы способствовала созданию адаптивной специфической культуры. Согласно подсчетам А. Хазанова, более 50% государств на территории Евразии в истории мировой цивилизации были созданы завоеваниями кочевников⁴. Как отмечал известный востоковед В. Бартольд, кочевники, военными походами создавали новые государства и ретранслировали новые институты и типы власти. Сопротивление кочевникам привело к оформлению в Рос-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Пер. с англ. Т.Велимеева, Ю.Новикова. – М.: «Издательство АСТ». – 2003. – С. 356.

² Крадин Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альманах "Восток". – 2005. - №11/12(35/36). – ноябрь – декабрь. – С.315.

³ Феномен кочевничества в истории Евразии. – С.167.

⁴ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002. – С. 272.

сии идеи крупного централизованного государства взамен феодальной раздробленности¹. Согласно исследованиям Н. Крадина, первые стремена, изобретенные в Корее в III – IV вв. н.э., благодаря кочевникам стали энергично осваиваться и использоваться другими наездниками². В средние века стремена стали одним из стратегических факторов усиления военной мощи кочевников. Как подчеркивает Н. Крадин, способности ретрансляции кочевников явились фундаментальным вкладом в историю Евразии.

7. Использование экологических продуктов питания способствовало сохранению хорошей физической формы кочевников. Согласно утверждениям Э. Хантингтона и А. Хазанова именно использование животноводческой продукции, богатой белками способствовало выработке энергии, пополнению и разнообразию пищевого рациона, выработке подвижного динамичного характера, улучшению качества жизни населения³. Кроме того использовались витамины и минералы, которые были переработаны животными из растений.

Н. Масанов отвергал установленный постулат советской эпохи, что «высшей стадией кочевничества является оседлость». Напротив, он утверждал, что кочевые племена не могли осесть и заниматься земледелием в силу природно-климатических условий окружающего ареала. Он считал кочевой скотоводческий тип хозяйства неконкурентноспособным по сравнению с оседло-земледельческой культурой по принципиальному аспекту, который определил темпы и уровень

¹ Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана /Составление, доп. О.Караева.- Б.: Шам, 1996. - - С. 305.

² Крадин Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альманах «Восток». – 2005. – №11/12(35/36). – ноябрь – декабрь. – С.315.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Пер. с англ. Т.Велимеева, Ю.Новикова. – М.: «Издательство АСТ». – 2003. – С. 356.; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002. – С. 272.

развития этих народов¹. У кочевников утилизация ресурсов среды обитания производится с помощью скота, т.е. использование природных ресурсов осуществляется с помощью скота. Скот здесь выступает биологическим средством, поэтому потенциал человеческого влияния на совершенствование данного средства производства очень ограниченный. Оседло-земледельческие народы утилизацию ресурсов среды обитания осуществляли с помощью небиологических средств (соха, плуг, трактор). Небиологические средства подвержены процессу непрерывного совершенствования и бесконечного развития. Как мы видим потенциал совершенствования биологических средств у кочевников был очень ограничен. Как соглашается Н. Масанов, кочевники не были конкурентоспособными в этом противостоянии цивилизаций.

В исторической науке стереотип о преобладающем влиянии оседлого населения по сравнению с кочевниками был представлен с позиций оседло-земледельческих обществ. Однако это касается только XX столетия. На протяжении продолжительного времени, а особенно до великих географических открытий, оседло-земледельческие общества почти никак не влияли на кочевников. Кочевое общество вело натуральное хозяйство, было независимо в сфере производства. Если говорить о сферах потребления и обмена, то оседло-земледельческое население было заинтересовано в контактах с кочевниками также, как сами кочевники были заинтересованы в получении производимой оседло-земледельческими обществами продукции. Но основная масса кочевников жила в глубинных районах, без необходимости не вступали в контакт с оседлым населением. Поэтому, как утверждает Н. Масанов, реальное влияние оседло-земледельческих обществ было свиде-

¹ Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество// Вестник Евразии. – Москва, 1999. – №1 – С. 46-47.

но до минимума и никакой важной роли в жизни кочевников они не играли¹.

При обсуждении вопроса прогрессивности культур необходимо остановиться на частной собственности на средства производства. На наш взгляд, данный вопрос является определяющим не только в вопросе о прогрессивности двух культур, но и в мировом масштабе.

Экономической основой родового объединения всегда была общность основных источников существования. В первые десятилетия XX столетия собственность у кыргызов фактически была общеродовой. Это относилось как к земле, так и к скоту, составлявшему основу хозяйства кочевника. Без такой общности только на основе кровного родства родовой строй не смог бы сохраниться на многие века. Из свидетельств источников раннего периода, можно утверждать, что к началу XX века собственность у местного населения была формально частной, а фактически общеродовой. В первую очередь это относилось к земле. Наличие коллективной собственности на землю подтверждается тем, что и богатые, и бедные слои населения вместе кочевали, обосновывались на новых стоянках. Земля, принадлежавшая одному роду, делилась на внутриродовые колена и айлы, но не переходили от отца к сыну в качестве наследства. Однако у каждой семьи было определенное, ей принадлежавшее место, где обосновывались после каждой перекочевки. Деление и использование земли происходило по решению авторитетов айла.

В известной степени общеродовым был и скот, составлявший основу хозяйственной деятельности и благополучия кочевника-скотовода. По мнению А. Чулошникова патриархальному периоду мы обязаны зарождением двух новых идей, без которых цивилизационное общество не могло бы существовать в нынешнем его виде: это идеи о прибыли и капитале,

¹Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности нomaдного общества. – Алматы, 1995. – С. 238.

первые появившиеся, с приручением животных¹. Согласно его мнению, под влиянием климатических условий и накопленного определенного опыта и навыка по ведению скотоводства, появилась дифференциация внутри общества: создалась первая наследственная богатая аристократия, которая и стала во главе общественного производства.

Число семей в роду зависело от возможностей пастбища прокормить и обеспечить себя всеми необходимыми условиями выживания. В зависимости от этих факторов роды распадались и формировались. Структура и мобильность кочевников диктовалась характером хозяйственной деятельности в условиях полукочевого скотоводства. В средневековый и новый период, когда деятельность кочевых племен регламентировалось военными событиями, основное имущество состояло из скота. Скот выступал разменным движимым имуществом и средством накопительства рода. Его можно было угнать с собой при нападении неприятеля и захватить при военных походах. Ответственность за защиту родичей, а также их имущества считалось главной заботой мужчин².

Для различения принадлежности скота при такой скудности использовались тамга (тавро) и эн (метка). На территории Евразии тамги известны с I тысячелетия до н.э. Первые тамги показывали родовую принадлежность. Подавляющую часть знаков определял родоплеменной тотем, перед которым преклонялись (к примеру, сеть кыргызских орнаментов на войлочных изделиях состоит из геометрических, космогонических, зооморфных, «соляных» рисунков, изображающих знаки тамги). Родоплеменные тамги сохранились с древности у тюрко-монгольских, угро-финских и ираноязычных народов, а в отдельных ареалах издревле пользуются ими постоянно. Использование древних родоплеменных символов и знаков, от-

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924. – С. 197 – 198.

² Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997. – С. 79.

ражающих собственность и независимость, в государственных, межплеменных, хозяйственных и других целях имело повсеместное распространение у тюркоязычных народов. Часть тела животного, где выжигалась тамга, у различных родов различалась. По мнению А. Чулошникова, тамга была единой для всего рода, выжигавшаяся на левой стороне лошади, с которой садился всадник¹. По описанию Н. Гродекова у казахских коленев торайгыр тамгу выжигали на голове, куккуз – на боку, каз и кедел – на плече, каракыпчак на животе². Древность тамги, например, подтверждается тем обстоятельством, что многие современные названия родов, а еще чаще колен происходят от названий начертаний тамги. Тамги кыргызских племен по силуэту разделялись на орок тамга (серповидная), ай тамга (луновидная), клыч тамга (саблевидная), камчи тамга (скрещенная), кыйшык тамга (кривая). Согласно данным исследователя О. Каратаева, кыргызским племенам соответствовали такие тамги: кош тамга (мунгуш), джагалмай тамга (мунгуш), ача тамга (джору), кайчы тамга (джору), кош бычак (багыш), джогору тамга (кытай), томен тамга (басыз), кылыч тамга (басыз, саяк), керки тамга (басыз), жаа тамга (азык), ай тамга (доолес, саруу, солто), джогору чекти (багыш), томен чекти (саяк), учок (басыз), уч ок тамга (канды) и др³. Следует обратить внимание, что ни на какое другое движимое имущество, как рогатый скот, баранов, верблюдов, на кибитку тамга не ставилась. Кыргызы ставили тамгу вместо начертания имени на могилах, а также вместо подписи на официальных бумагах⁴. Тамга была знаком родовой принадлежности. При имущественном разделении

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924. – С. 201.

² Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сырьдарьинской области. – Т.1. – Юрид. быт. – Ташкент, 1889. – С.3 – 4.

³ Каратаев О. К. Этнокультурные связи кыргызов (по материалам родоплеменных тамг, этнонимов, топонимов, этнографических данных). Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. – Бишкек, 2003. – С.12.

⁴ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сырьдарьинской области. – Т.1. – Юрид. Быт. – Ташкент, 1889. – С.3–4.

внутри рода по семьям, тамга служила верным признаком принадлежности имущества тому или иному роду. Судя по начертаниям, изображенным на тамге кочевника (копье, меч, стрела или боевой лук), есть основание утверждать, что все эти генеалогические знаки выражали или род оружия, которым были вооружены те или иные родовые группы, или же род занятий. Сами кочевники употребляли в обиходе между собой слово «таңба». При разговоре с русскими употребляли слово «тавро», но оно не получило широкого распространения среди кочевников.

Для определения принадлежности скота внутри рода или колена использовали «эң» или «кез» – метку, наносимую на ухо животного (видное, непокрытое густой шерстью место, ставилось и у лошадей)¹. Иногда делали несколько штрихов на щеке животного – «сурма», вместо тамги². Метки были подлинными знаками собственности в отличие от тамги – родовых знаков, и ничем не отличались от общеупотребительных меток у русских крестьян. Со временем из знака общественной собственности тамги переросли в знак, которым отличали личную собственность.

Для кыргызского общества наиболее характерно степень родоплеменной тождественности. Причинами образования общественно-политических объединений послужили естественно-географические и природно-климатические условия проживания племен. Это привело к выработке определенного способа производства, образа жизни. Данной теории придерживаются ведущие специалисты, специализирующиеся на изучении кочевого общества: из зарубежных исследователей А. Тойнби, Л. Гумилев, советских исследователей С. Абрамзон, И. Бичурин, Я. Винников, кыргызских ученых Дж. Джунушалиев, В. Плоских, С. Аттокуров. Согласно мнению ученых принципы

¹ Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997. – С. 79.

² Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сырьдарьинской области. – Т.1. – Юрид. Быт. – Ташкент, 1889. – С.3–4.

родового общества начали складываться в период первобытно-общинного строя, в частности в период патриархата¹.

Объединение в кровное родство индивидов было связано, во-первых, с ее адаптацией на вызовы природно-климатических воздействий в той или иной территории. Условия проживания выработали биологическую потребность в самозащите и выживании, что в итоге привело к совместному проживанию родов и племен. В тех условиях выжить в одиночку было невозможно. Природные катаклизмы, животный мир, несовершенные орудия труда, биологические и социальные потребности человека заставляли спланиваться в родоплеменной коллектив, создавали условия для собственного существования, единения и стабильности. В дальнейшем, в связи с переходом от присваивающего хозяйства к производящему, особенно с переходом к оседлости, родовые общины начинают сменяться земледельческо-крестьянскими общинами. Духовно-нравственный облик кочевников складывался в ключе постоянных миграций, перманентного состояния противоборства отдельных племен, что ограничивало возможность общения с земледельцами. Именно многовековой жизненный опыт способствовал выработке сложной формы социально-экономических связей – родового кочевого общества. Природная географическая среда, наличие общинных пастбищ способствовали развитию экстенсивного кочевого скотоводства. Скотоводческое хозяйство адекватно отвечало природно-климатическим характеристикам региона. Используемый тип хозяйства был объективной революцией для данной экосистемы. Специфика, являющегося одной из разновидностей производящего хозяйства, отсутствие государства, консервировали доклассовые отношения до начала 30-х годов прошлого столетия, привели к тому, что жизнь и защита народа осуществлялась родоплеменными объединениями.

¹ Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - №3(9). - С.148.; Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995 – С.24.

Во-вторых, в основе общины кыргызов кыргызский генетик А. Ибраимов выделяет психологический фактор, а именно менталитет кыргызов¹. Родоплеменное сознание – чувство долга, ответственность перед сородичами («тууганчылык»), честь, достоинство являлись объединительным, нравственным, воспитательным фактором воздействия на кыргызов. Оно отражалось на формировании личности и мировосприятия кыргызов. Поэтому, четкое соблюдение родовых традиций способствовало выживанию кыргызов в суровых условиях.

В-третьих, согласно мнению С.М. Абрамзона, главной целью родового объединения в Средней Азии являлось естественное регулирование брачных отношений. Родовая экзогамия, возникнув в условиях развития патриархальной семьи у кочевого населения, превратилась в социальную норму, вырабатывав моральные, этические, брачные запреты². Экзогамия обосновывала вступление в брак потомков одного предка по мужской линии в определенном поколении. К примеру, автор указывает о существовании подобных экзогамных отношений в Индии («сапинда»). У якутов и бурят действовал принцип «девятиколенной» экзогамии, а у кыргызов «семиколенный». Этой же точки зрения придерживается современный украинский исследователь В. Иванов. Согласно его мнению, основа дуальной организации в классическом виде – регуляция браков между мужчинами и женщинами³. Кроме того, прочность и стабильность, прогресс любого общества, согласно его бинарной теории, определяет объединение естественного природ-

¹ Ибраимов А.И. Кыргызы и их генофонд. – Бишкек: Кыргызстан, 1992. – С. 66 – 70.

² Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии//Родовое общество. Этнография, материалы и исследования. – М., 1951. – С.140–141.

³ Иванов В. Дуальные структуры в обществах. 06.09.05. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/09/06/ivanov/> (дата обращения: 20.04.2012)

ного принципа двоичного противопоставления, чем и является дуальная система.

Образование сложной родоплеменной структуры кочевого кыргызского общества было вызвано, в первую очередь, природно-климатическими условиями: особенностями адаптации кочевников к условиям проживания, выраженного в ведении соответствующего типа хозяйства, а затем и социальной организации. Соответственно, преемственность поколений заключалась в выработке традиций передачи практического «накопленного жизненного опыта» по патримониальным каналам. Структура фактически стояла на уровне государственного строя кочевников, где на ее базе сформировались политические институты власти, его атрибуты. Родоплеменная структура кыргызского общества играла доминирующую роль вплоть до начала XIX в. Существенно-определяющую роль в родоплеменной структуре кыргызов играл идеологический фактор, обеспечивающий духовную и политическую общность данного политического объединения. Л.Н. Гумилев, оценивая роль кочевников, считал, что этносы есть природные коллективы, адаптированные в своих «вмещающих пространствах»¹.

В китайских источниках I-го тысячелетия до н.э. на территории Тянь-Шаня упоминается племенной союз хунну, который подразделялся на два военно-административных союза – правый и левый. Данный принцип деления сохранялся продолжительное время, после монгольского нашествия военно-административное деление союзных племен послужило платформой для дальнейшего развития дуальной системы кыргызского традиционного общества². Согласно мнению О. Караева дуальная этнополитическая система кыргызов была образована во втор. пол. XV в., на заключительном этапе сложения кыргызской народности на Тянь-Шане. Исследователь А. Мокеев утверждает, что дуальная этнополитическая организация

¹ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку, 1991. – С. 114.

² Аристов Н.А. К этнической истории кыргызов // Кыргыз: источники, история, этнография / Сост. О.Караев, К.Жусупов/. – Бишкек, 1996. – С.390.

кыргызов была унаследована у тюрков в XVI в. В своих аргументах он опирается на китайские («Си юй чжи» – «Описание западных земель») и арабские источники, составление которых завершилось в 70-е годы XVIII в¹. Генеалогия кыргызов и происхождение этнополитической организации у кыргызов было зафиксировано и в историческом источнике «Маджму ат-таварих» начала XVI в., написанное Сайф ад-Дином Ахсикенди.

Отдельные группы естественным образом обособлялись от основной массы, ведя самостоятельную хозяйственно-экономическую жизнь, тем самым сохранив традиционную этнокультурную близость с другими. Данное деление регулировалось существующими патриархальными нормами и обычаями.

В первой половине XVI в. под воздействием вышеназванных факторов, учитывая также политическую ситуацию (овладением кыргызами территории Моголистана) родоплеменные объединения «отуз уул» распались на - он канат и сол канат. Кыргызские исследователи Б. Солтоноев, Б. Джамгерчинов, разделение системы родоплеменного деления кыргызов на два крыла, которое произошло во время Тагай-бия, объясняют геополитическими причинами. Племенам, которые проживали на правой стороне горы Тянь-Шань, дали название «Он», а проживавшим на левой стороне, – «Сол»². Н. Аристов считал, что название конфедерации племен обозначало статус превосходства, где «правое» и «левое» соответствовали «младший» и «старший».

Согласно дошедших до нас генеалогических преданий («санжыра») происхождение кыргызских племен связано с мифическим предком Долона. У него было два сына, именами ко-

¹ Мокеев А. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызов на Тянь-Шане в XVI – XVIII вв. // Известия АН Республики Кыргызстан. Обществ. науки. – 1991. – №4. – С.43–54.

² Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы. – Бишкек, 1993. – С.86–90; Джамгерчинов Б.Д. Из генеалогии киргизов // Белек С.Е.Малову. Сб. стат. – Фрунзе, 1947. – С.36.

торых и были названы два основных отдела кыргызского народа – Ак уул («он канат» – правое крыло), Куу уул («сол канат» – левое крыло). Позже к правому и левому крылу кыргызов примкнула группа племен ичкилик («булгачы»). В "Маджму аттаварих" упоминается Салус бек Булгачы, который был выходцем из могольского рода "булгачы", некогда стоявшего во главе ичкиликов¹. Впервые имя «булгачы» было записано С. Абрамзоном в 1953 г. Согласно мнению С.М. Абрамзона, С.П. Толстова двухфратриальная структура племени была обнаружена у всех кочевников Средней Азии, и указывала на первичную форму экзогамии².

На современный период существуют многочисленные варианты изложения истории возникновения и принадлежности кыргызских племен и родов. Каждый заслуживает отдельного внимания и анализа. Однако в нашем исследовании за основу мы взяли данные археолого-этнографической экспедиции в Кыргызстане, проведенные в 1953-1956 гг. исследователями XX в. С. Абрамзоном и Я. Винниковым³. К группе правого крыла относятся три крупные ветви тагай, адигине, мунгуш, которые включают сарыбагыш, бугу, солто, тынымсеит, саяк, черик, чекир саяк, жедигер, азык, кара-багыш, монолдор, чонбагыш⁴. Племена левого крыла составили саруу, кушчу, мундуз, кытай, басыз, тебей, найман, чоң багыш, жетиген. В третью группу ичкилик, включают племена кыпчак, найман, теит, жоо-

¹ Асанов Т.И. Этнополитическая структура кыргызов в XV-XVI вв. // Диалог цивилизаций на великом шелковом пути. Материалы Международной научной конференции Бишкек, 26–27 сентября 2001 года. – Б., 2002. – С. 32. Дата обращения 27 апреля 2012 г.

² Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнография, материалы и исследования. – М., 1951. – С.143–144.

³ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1956 – 1959. – Т.3.

⁴ Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995 – С. 42.

кесек, кангды, бостон, нойгут, дөөлөс (төөлес), авагат (ават), кыдырша, илик¹.

Согласно родоплеменной схеме, племена и роды правого крыла были расселены на Тянь-Шане, в Иссык-Кульской котловине, Кетмен-Тюбинской впадине, в Кеминской и Чуйской долинах, в пределах Центрального и отчасти Западного Тянь-Шаня, Чуйской долины, в бассейне р. Текеса, вдоль южных склонов хр. Кокшаал; племена ветвей адигине и мунгуш – по склонам Ферганского и Алайского хребтов, в восточной части Ферганской котловины, в уезде Улугчат Киргизского автономного округа (КНР)². Границу между потомками правого крыла – адигине и тагай, А.Н. Бернштам, ссылаясь на китайские источники, обозначил следующим образом: по правую сторону реки р. Кара-Дарья располагались потомки Тагая, по левую – адигине.³ Наиболее активными участниками политической истории Кыргызстана из правого крыла были племена сарыбагыш, солто, бугу. В начале XX в. в племени солто проживало 15 тыс. юрт (дворы), сарыбагыш – 8-10 тыс. юрт, бугу 9-10 тыс. юрт. Согласно подсчетам этнографов, если в одной юрте или дворе проживало 4-5 человек, то в племени солто проживало 50 - 60 тыс. человек, в сарыбагыш – 40 - 50 тыс человек, бугу – 45-50 тыс человек⁴.

Кыргызы левого крыла традиционно занимали территории западную, юго-западную часть Кыргызстана, долины рек Таласа и Чаткала, отроги одноименных хребтов, частично

¹ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М.. 1956 – 1959. – Т.1. – С. 137; Т.3. – С.36–37.; Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995.

² Абрамзон С. Киргизы и их этногенетические и историко- культурные связи / Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. – Ф.: Кыргызстан, 1990. – С. 26-27.

³ Асанов Т.И.Этнополитическая структура кыргызов в XV-XVI вв. // Диалог цивилизаций на великом шелковом пути. Материалы Международной научной конференции Бишкек, 26-27 сентября 2001 г. – Б., 2002. – С.33-34. Дата обращения 27 апреля 2012 г.

⁴ Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995 – С. 44-45.

предгорья Ферганского хребта, а также южные склоны хребта Кокшаал.

Племена, причисляемые к группе ичкилик проживали в предгорьях части Алайского и Туркестанского хребтов, прилегающих к ним районах Ферганской котловины, в западной части Алайской долины, в восточной части Каратегина и на восточном Памире, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР; в уездах Ак-Тоо, Улугчат, Таш-Курган, к западу от городов Кашгара, Янги-Гиссара, Яркенда, уезде Гума (предгорья Куэнь-Луня).¹

Согласно сведениям средневековых этнографических материалов, расселение кыргызских племен, в силу насыщенности военно-политической истории Центральной Азии представители одного крыла оказывались на территории другой части. Такие сведения содержатся и в китайском источнике Си Юй Чжи («Описание западных земель»)². К примеру, большая часть племен саруу живет в Таласской области, другая – в Джалал-Абадской области. Такая же ситуация с племенем мундуз – его поселения есть в Ошской, Чуйской областях. Основная часть племени черик компактно проживает в приграничном Ат-Башинском районе Нарынской области и Китае. Племя черик относят к могольским племенам.

Родоплеменная организация кыргызов является основой и стержнем политической организации кыргызского общества позднего средневековья. Складывание ее происходило на протяжении веков, в нее постепенно вливались различные кыргызские племена. Политические события, постоянная миграция населения отложили отпечаток на политической организации кыргызского общества. Результатом процесса объединения кыргызских племен было образование кыргызской нации. За каждым кыргызским племенем, родом были за-

¹ Абрамзон С. Киргизы и их...С. 26 - 27.

² Феномен кочевничества в истории Евразии. – С.88.

креплены определенные районы пастбищных угодий, в которых строго придерживались правил использования.

Родоплеменная идентичность для восточного мышления выражалась во всех политических, социально-экономических, культурных связях и деятельности. Род выполнял статусно-регулятивную, транслирующую, коммуникативную, интегративную, защитную функции. Род мог регламентировать жизнь каждого члена племени, осуществлять контроль личностно-ценностных мотиваций каждого члена, был институтом преемственности поколений и социального опыта. Наконец, род впитал в себя культ расширенной семьи, сопровождающийся высокой степенью идентичности со своим социумом.

Кыргызские роды и племя имели атрибуты политического сообщества. Внешними родовыми признаками были: ураан (боевой клич), состоящий из названий предков в 7-10 колене;¹ туу (знамя); тамга (тавроклеймение скота) или генеалогический знак, намыс (честь рода), жардам (помощь между членами рода), аксакал (родовой старейшина), баатыр (герой рода, который являлся примером в воспитании молодого поколения). Далее каждый род, вступая в бой, имел общий значок и даже определенного цвета головные уборы, явное доказательство того, что до самого недавнего времени все кыргызские роды представляли из себя строго экзогамные группы, где браки с женщинами своего рода были строго воспрещены². Стоит отметить, что и патриотизм в традиционном кыргызском понимании во многом связан именно с понятием своего племени и его территории.

Индикатором родовой идентификации, традиций, норм и предписаний рода, сохранившимся по настоящее время, является «санжыра» - история кыргызских родословий. Устная история присуща была каждому народу до появления письменности. Значимость «санжыры» для кыргызского народа высо-

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924. – С. 201.

² Чулошников А.П. Очерки по истории... С. 201.

ка: во-первых, это устная история о происхождении и развитии рода, племени, народа, это генетическая память, которая у кыргызов сохранилась до наших дней. Устная история целых поколений, заменявшая кыргызам письменную историю, была средством их самопознания. Во-вторых, это особый вид устного творчества, в котором тесно переплетаются мифология и история. В-третьих,¹ «санжыра» являлась идеологическим обоснованием необходимости сохранения рода, племени, посредством соблюдения обычаев и традиций. Каждый представитель кочевого общества обязан был знать свое родословие до седьмого колена («жети ата»). Согласно этнографическим исследованиям, средний возраст продолжительности жизни составлял 25 лет. Поэтому при исчислении 7 поколений, выявляется родословная мальчика на протяжении 175 лет². Выполнение общественных норм, четкое соблюдение традиций и обрядов гарантировало надежность существования индивида, являлось залогом нормального развития рода, выступающего локальной ячейкой. В-четвертых, генеалогия дает возможность каждому члену рода осознать свой статус, а вместе с тем и его социальную роль в обществе. Генеалогия выполняла функцию создания собственной идентичности в обществе. Отсюда прямая зависимость социального положения каждого индивида от принадлежности к тому или иному могущественному роду, племени.

Рассмотрим образование звеньев родоплеменной структуры.

Исследователь А. Соколов, развивая точку зрения Н.А. Аристова, Г.С. Загряжского, высказался о путях образования различных звеньев родоплеменной структуры. В частности он упоминает, что исторически современные родовые группировки являются не кровнородственными союзами, а сообществами, возникшими на основе общих хозяйственных (политиче-

¹ Кыргызы и Кыргызстан: опыт исторического осмысления. – Бишкек, 1994. – С. 79-87.

² Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995 – С. 24.

ских) интересов. По его словам, родоплеменная структура образовалась в «героические времена» из общественно-политических групп, в которых ядро состояло из нескольких родственных семей во главе с руководителем. Около него концентрировался значительный круг подчинившихся разнородных групп, объединенных общим стремлением к взаимной защите. «Когда пропадала эта спайка, – указывает А.Соколов, – род распадался на части и вступал в союз или сливался с другими общественно-политическими организациями». Руководителями таких «сообществ» были обычно представители господствующего класса, а группировки вокруг них объединялись по общественно-экономическим причинам.

Основной экономической единицей в условиях патриархально-родового строя и на самом раннем этапе развития феодализма являлась большая патриархальная семья, позднее – малая, индивидуальная семья. Но наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение, имевшее определенные признаки экономического, а в большинстве случаев и территориального единства, в поддержании которого немаловажное значение имели продолжавшие сохраняться отношения родства. В подавляющем большинстве эти объединения представляли собой семейно-родственные группы, состоявшие из семей, находившихся в той или иной степени родства и связанных сознанием происхождения от одного, как правило, не столь отдаленного реального предка. Каждая такая группа называла себя «детьми одного отца». В данном случае, речь идет о родственниках, имевших одного общего предка. Таким образом группа включала в себя некоторое число семей разных поколений, главы которых являлись прямыми потомками определенного предка.

На формирование и поддержание укоренившихся родовых взаимоотношений влияли родовая, групповая идентичность, региональная солидарность, родственные связи, региональные элиты, клиенты, отношения покровительства. Су-

щественным образом это влияло на политические, социально-экономические, культурные процессы государства.

Прежде чем перейти к характеристике системы родоплеменного рода, необходимо разобраться, что значит термин «род» в кочевом обществе Центральной Азии.

Существует марксистская классическая характеристика «рода»¹. Согласно определению Ф. Энгельса, характерными чертами «рода» были следующее: 1) наличие общего языка у рода, у племен - специфических диалектов; 2) единые районы и области расселения рода; 3) единая религия (монотеизм, общие могильники), объединяющая культуру рода (клич, символика, родословная). Помимо этого сюда надо отнести политически активных глав рода, совет старейшин, родовое собрание. Увеличение и процветание рода происходило благодаря естественно-природному росту и искусственному вмешательству.

Как утверждают марксисты, процесс роста и воспроизводства рода у народа проходил двумя путями. Согласно первому пути, по которому прошли все народы, происходило соединение мелких родов и племен в одно целое. Постепенно разрастаясь на протяжении длительного срока, начинают выделяться кровнородственные племена, а также крупные рода предводителей. Второй путь, кровнородственные племена и роды, так называемые «дети одного отца», входящие в крупные объединения, отделяются и создают свой род. Данное формирование родовых отношений наблюдалось у кочевых народов.

Исследователь Ч. Исраилова-Харьехузен пишет, что родовая община включает группу людей, связанных между собой общим названием, имеющих общего предка, исключаящие внутривидовые брачные узы. У кыргызов род выступает как групповое родство, переходящее в генеалогическую структуру в целом. Внутри этой структуры различаются семейное (фа-

¹ Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2 изд. – М., 1961. – Т. 21. – С.119-120.

мильное) родство, социальное и генеалогическое (легендарное) родство¹. Реальные социальные связи, а не только действительные кровнородственные линии между людьми, оказываются главными в данной структуре. По мнению исследователя, термины родства являются индикаторами определенных поведенческих моделей. В целом, кыргызская система родства насчитывает 21 термин родства по отцу, 11 терминов по линии матери, 15 терминов по браку по мужской линии, 16 терминов по браку по женской линии². Исторически на смену терминам родства в этнографической науке пришло понятие «линиджа», которое в качестве инструментария облегчало объяснение генеалогической структуры.

Как выделяет А. Абрамзон, кыргызская кочевая община структурно подчинялась иерархическим единицам традиционного общества – бир атанын балдары, уруку (роду) и уруу, народ (эль). Понятие урук характеризует сравнительно небольшое этническое объединение в иерархии всего образования, и состоит из групп родственников, имеющих общего предка в 5–7 колене. Объединяют их по принципу совместного поселения одним аилом и общим хозяйствованием³. Уруу соединяет в себе несколько уруков, или может включать только один, но значительный по численности урук. Сюда входит группа людей, объединенных между собой родственными узлами, доходящими до 7-го колена в общей генеалогии. В уруу могут быть зачислены также и чужеродные элементы⁴. Уруу имеет свою территорию кочевания в рамках границ общей территории этноса. На этом уровне консолидации хозяйственные связи заметно ослабевают, и оставшийся до этого времени от-

¹ Исраилова-Харьехузен Ч. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во втор. пол. XIX – начала XX вв. и система их родства. – Бишкек: «Илим», 1999. – С. 128.

² Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – С. 192-197.

³ Исраилова-Харьехузен Ч. Традиционное общество кыргызов... – С.130.

⁴ Там же.

носителем единый круг родственников распадается на отдельные хозяйственные группы, которые могут кочевать в составе чужих этнических групп. В таких условиях объединения общинами остаются вопросы военно-политического характера. На этом уровне сознание общности и принадлежности к единой родственно-семейной линии в мышлении людей переходит на второй план, уступая место различным дифференцирующим факторам. Ослабевают общие связи между аилами, которые теперь кочуют самостоятельно, каждый на своей отведенной территории и имеют различные хозяйственные интересы. Племя (уруу) и род (урук) всегда были главным объединительным началом в кыргызской истории. Кыргызское племя было столь же самодостаточным образованием, как и древнегреческий полис (город-государство).

Следующей категорией объединения, охватывающей все вышеперечисленные единицы, является народ (эль). Термин «эль» является распространенным среди тюркоязычных народов. Этот термин можно объяснить как обозначение одного народа, одной крупной этнической единицы¹. Самой нижней объединенной единицей в рассматриваемой иерархии является категория «бир атанын балдары» – дети одного отца. Она представлена в форме большой семьи, может находиться на одном уровне с уруком, наделяя ее дополнительной смысловой характеристикой. Реально эти родственные связи на уровне до 3-5 колена. В традиционном обществе кыргызов господствовала генеалогическая идеология, которая как объединяла, так и разделяла практически всех членов общества по родственным и родословным линиям.

Самые древние кыргызские подразделения брали свое начало в древнетюркских корнях и носили названия своих тотемных животных («сары-багыш» – желтый лось, «бугу» – олень). Кыргызские подразделения могли также носить имя человека, являвшегося предком целой группы родственников.

¹ Исраилова-Харьехузең Ч. Традиционное общество кыргызов... – С.131.

Реальным главой ее был местный представитель потомственной знати – манап. Последний, в силу занимаемого им экономического и социального положения «отца» и «главы» рода должен был оказывать помощь и покровительство своим родственникам. Сила родоплеменной системы позволила кыргызам сохранить себя как народ, сберечь в тысячелетнем пути свои неповторимые искусство, язык и культуру. Даже находясь в составе различных государств (монгольские улусы, Кокандское ханство), каждый из кыргызских родов сохранял в себе свои традиции, обычаи, порядки. Представляя собой автономное и самодостаточное сообщество, кыргызское племя не впускало в себя чужеродные элементы и сохраняло свое внутреннее самосознание. Поэтому, даже будучи разделены, наши племена не потеряли первоосновы кыргызского народа – его национальной культуры и языка. И недооценивать роль родоплеменных отношений в этом историческом ракурсе не следует.

В целом, одним из определяющих факторов развития общества является давление окружающей среды. Исходя из этого, номады вели кочевой образ жизни в определенных конкретно-исторических, пространственно-временных рамках. Именно кочевой образ жизни явился важнейшим фактором, выделяющим эту группу народов среди других типов цивилизации. Родоплеменная структуризация кыргызского общества во многом была также обусловлена влиянием внешней среды. Она способствовала мобилизации людей для решения социально-экономических, политических и культурных задач, тем самым защищалась от вредных воздействий этой среды, совершенствуя себя и свои возможности сопротивления. Экстремальные условия жизни природного и социального характера выработали коллективные формы выживания, почитание коллективистских традиций и обычаев, родоплеменную солидарность. Система родоплеменного деления номадов явилась продуктом номадической цивилизации. Искусственное вмешательство в развитие внутренней структуры общества позволи-

ло сохраниться наиболее устойчивым элементом, присущим родоплеменному социуму.

Кочевое хозяйство номадов было максимально адаптировано к природным условиям, поэтому и объясняется своей консервированностью и продолжительным существованием. Наличие относительно разумного баланса природопользовательских и природосберегающих аспектов деятельности позволяло им избегать глубоких конфликтов с природой. В отличие от земледельческих, традиционное хозяйство номадов было ориентировано на удовлетворение биологических и социальных потребностей, и в преломлении этой цели оно предоставлялось достаточно прогрессивным и рациональным.

Следовательно, можно утверждать, что кочевая культура номадов была максимально приспособлена к природным условиям. На территории Кыргызстана появление первых кочевых племен также было обусловлено природно-климатическими условиями. Обладая развитым адаптирующим механизмом и достаточно развитой самоорганизацией, они могли гармонично сосуществовать с природными законами окружающей среды, что само скотоводческое хозяйство превратилось в носителя определенной экологической функции¹. Развивалась тенденция к сохранению динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических факторов. Отсюда и вытекает вся хозяйственно-поведенческая мотивация. Кочевой тип хозяйства позволил избежать глубоких конфликтов с природой.

¹ Маматов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности покладного общества. – Алматы, 1995. – С.238.

ГЛАВА 2. РЕФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX – XX ВВ.

2.1. Российско-имперские преобразования середины XIX – начала XX вв. Административно – территориальная политика царизма

В середине XIX в. территория Центральной Азии представляла большой интерес для ведущих мировых держав: России, Китая, Англии. Колониальная система обогащения была свойственна всем крупным колониальным державам и метрополиям XVIII – XX вв. (Англия, Франция, Испания, Италия). Процесс обретения и освоения колоний ускорялся мировым экономическим преобладанием и доминированием, конкуренцией и соперничеством в распределении сфер собственности между крупными державами, а также темпами капиталистического способа производства. Весь XIX в. в мировом пространстве проходил под эгидой захвата и приобретения новых колоний, перераспределения сфер влияния и контроля, межгосударственного объединения на почве экономических интересов. Поэтому интерес к странам Востока был вызван, прежде всего, их геополитическими интересами: экономической эксплуатацией и политическим использованием новых территорий, богатств и недр колоний, трудовых ресурсов. Исключение не составила и территория Кыргызстана. Общественно-политическая и социально-экономическая жизнь кыргызов середины XIX в. вызвала определенный интерес у русских и западных исследователей.

В XIX в. общественной строй кыргызов оставался преимущественно феодальным с пережитками патриархально-родовых отношений в быту. Кыргызы в пределах отдельных кочевых аильных общин, были связаны формами родства. Радикальные изменения в политической, социально-

экономической, культурной жизни кыргызского общества произошли после присоединения к царской России, с проникновением капитализма. В крае началось разложение патриархально-феодальных отношений, кочевое население стало переходить к оседлости, увеличилось количество образованного населения. Царская Россия на основе юридических законов и положений смогла регулировать феодальную раздробленность, родоплеменную вражду населения. Территория Кыргызстана продолжала оставаться типичным колониальным придатком для экономической эксплуатации. Земельные угодья были объявлены государственной собственностью, было ликвидировано крупное частное мельниковое и вакуфное землевладение кокандских феодалов и мусульманских духовных учреждений. Кыргызская знать – манапы, бии, баи – отчасти были отстранены от политического и экономического доминирования, но в большинстве своем сохранили свое экономическое господство. Присоединение Кыргызстана к России объективно сыграло прогрессивную роль.

После присоединения Кыргызстана к России, была образована Степная комиссия. На наш взгляд это был орган, который максимально лавировал между традициями местного населения и установленными законами царской России. Деятельность Степной комиссии было направлена на устранение родоплеменной идентичности коренного населения, ослабление межродовой борьбы за политическое лидерство и экономического соперничества за пастбища. Но самое главное, Степная комиссия должна была ослабить влияние верховной знати на коренное население, как конкурирующего органа¹. Для этого, по возможности, волости создавались смешанными из разных

¹ Исраилова-Харьехузен Ч. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во втор. пол. XIX – нач. XX и система их родства. – Бишкек: «Илим». – 1999. – С.72.

родов, формируя вертикальную цепь исполнительных органов управления¹.

Для реализации данной царской колониальной политики в середине XIX в. была создана Туркестанская военно-административная колония. Внутри кыргызских кочевий в разных географических точках местности создавались стационарные укрепления, в пределах которых размещались окружные приказы. Были сформированы специальные "приказные" учреждения, образованы полицейские и карательные органы. Со временем на занимаемой ими территории возникали и развивались новые города. Из новых стационарных пунктов в кыргызские кочевья высылались сборщики налогов и карательные вооруженные отряды, в результате чего царским властям удавалось обеспечивать более или менее регулярное поступление в казну налоговых сборов и поддерживать функционирование непрерывной управленческой вертикали на нижнем и среднем уровнях бюрократической пирамиды власти.

Наиболее масштабным мероприятием, которое максимально содействовало ломке всей общественно-политической жизни кыргызского общества во второй половине XIX в. была административно-территориальная политика Российской империи. Как упоминалось выше, колониальная политика русского царизма на востоке была направлена прежде всего на достижение экономического благосостояния своего государства. Поэтому, на начальном этапе русской колонизации решались вопросы правильного координирования эксплуатации населения, налоговых поступлений, отчасти решались внутренние конфликты (безземелье русских крестьян, реформы Сперанского, Столыпина). В Кыргызстане административная реформа подчеркнула приверженность родоплеменной, региональной

¹ Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. – Т.1. Юридический быт. – Ташкент, 1889. – С.13.; Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.151.

идентичности коренного населения, хозяйственно-культурной деятельности коренного населения.

В процессе проведения реформ политика царской администрации была подвержена изменению и трансформации. Российские законы реализовались с учетом исторической памяти, местных традиций и обычного права коренного населения. Это дало возможность русской администрации лавировать между социальными прослойками местного населения, во избежание национальных, этнорегиональных, социальных столкновений и конфликтов. Данная политика России в восточном вопросе выглядела, как один из актов приспособления.

Для детального изучения тонкой дипломатической политики русского царизма в сер. XIX в., следует выделить два направления активных действий, где наиболее сильно ощущались направленные действия русской администрации: проведение территориального разделения колонии и изменение кочевого хозяйства на оседлый. К тому же, в процессе проведения реформы, царская администрация способствовала формированию и консолидированию местной коренной элиты из числа верховной знати. Нельзя также исключать, что покорению восточных окраин способствовало культурное воздействие на коренное население через систему образования и социальные институты общества.

При анализе первого направления особого внимания заслуживает формирование этнорегиональных институтов власти в период подчинения метрополии.

В XVI – XVII вв. каждое крыло родоплеменной структуры традиционного общества выбирало верховного бия (чоң бий). Это была самая привилегированная богатая прослойка среди кыргызской знати. В.В. Бартольд высказал гипотезу, что слово "бий" представляет собой более позднюю видоизмененную транскрипцию старого термина "бек" и не встречается нигде

раньше XV в¹. Несомненно, заметную роль в общественно-политической жизни кыргызского общества играли баи. Однако их полномочия были в некоторой степени ограничены при решении важных стратегических вопросов. По степени влияния и богатства они подразделялись на различные категории (чоң бай, ордолуу бай и т.д.). Бии, разрешая межклановые и межплеменные споры, добиваясь достижения консенсуса противоборствующих сторон, как правило, приобретали немалый личный авторитет. Среди кыргызских биев, которые определяли политическую жизнь кыргызского общества в XVII – XIX вв. можно выделить: предводитель племени кушчу – Кубатбия (1690 – 1761 гг.), бия племени сарыбагыш Атаке-батыра (1738 г.), манапа племени сарыбагыш Ормон Ниязбек уулу (1792 – 1855), манапа племени бугу Боромбая (1789 (1790) – 1858 гг.), манапа племени сарыбагыш Шабдан Жантай уулу (1839 – 1912 гг.)².

Большое социальное и политическое влияние в кыргызском обществе в период XVIII – первой половины XIX в. имела социальная группа батыров – военных вождей. Тюркомонгольское слово "батыр", "багатур", "бахадур" первоначально означало храбреца, вызывающего врага перед битвой на противоборство. В этой транскрипции оно еще в XIV в. проникло в русский язык, вытеснив более ранний южнославянской термин "храбр", т.е. "воитель"³. Они возглавляли дружину, делились из общины благодаря своим способностям: за личную храбрость, умелое руководство военными действиями в процессе борьбы с внешними врагами, политической волей.

¹ Бартольд В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II – Ч.1 – С.70-80.

² Воропаева В. Кыргызстан – Россия: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. - №9. <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/04.Voropaev.shtml>

³Ерофеева И. Политическая организация кочевого общества. URL: http://www.twirpx.com/file/0150214/_1F546_erofeeva_i_socialnaya_organizaciya_kochevogo_obshestva (дата обращения 1 мая 2013 г.)

Звание "батыр" никогда не было наследственным, его приобретали только личными подвигами. В период военных сражений и возрастанием роли военно-потестарных структур в социальной организации кыргызов, что было естественным состоянием и характерно для кочевого общества, степень их актуальности среди сородичей повышалась. Среди батыров можно было встретить немало кыргызских родоначальников, занимавших важное место в политической организации кочевников. К примеру, в период Кокандского ханства наиболее элитными представителями социальных групп кочевого общества были: бий племени сарыбагыш Атаке батыр (втор. пол.XVIII в.), манап племени солто Байтик-батыр (1820 – 1886 гг.), манап племени сарыбагыш Шабдан батыр. Во второй половине XIX в. в связи с распространением на всей территории Кыргызстана государственно-административной системы Российской империи батыры как определенная социальная группа прекратили свое существование, а их традиционные военные функции перешли к соответствующим институциональным структурам колониальных учреждений Российской империи.

На юге Кыргызстана сильную власть представлял верховная знать во главе с Алымбек-даткой, а позднее его женой Курманжан-даткой, фигура которой привлекает внимание тем, что она унаследовала родоплеменное верховенство на Алае после смерти мужа, открыто представляла интересы южной кыргызской знати в Кокандском ханстве. Отметим, что Курманжан-датка была незаурядной личностью, родоправителем, на фоне пренебрежительного отношения к женщине в мусульманском государстве.

В период кокандского гнета появляется кыргызский, специфический институт высшей социальной прослойки феодалов – манапство. Согласно данным одних из первых исследователей истории и этнографии кыргызов XIX в. В. Радлова и А.

Талызина, название «манап» появилось в XVIII в¹. Русскими исследователями этнографии кыргызов начала XX в. генезис термина «манап» связывается с тюркскими или арабскими этнонимами. В начале XX в. П. Кушнером, была сделана попытка проследить этимологию от арабского слова «манаф» - начальник². Профессор, А.Бернштам, анализируя группу восточных источников XVIII в., высказал предположение о возможной связи термина с названием тюркской знати «манак» у мусульманских авторов³. Кыргызский исследователь А. Джумагулов, опираясь на исторические факты, устную историю, фонетические сопоставления термина «манап», пришел к заключению о политическом доминировании социальной ветви «манап» племени сарыбагыш⁴. Позднее, как утверждает автор, в силу привилегированного положения феодалов из рода манап, термин был перенесен на самих феодалов. Как поясняет исследователь, лишь в XVIII в. термин «манап» вышел за пределы племенных границ и стал распространяться среди других племен северных кыргызов.

В XIX в. кыргызские манапы представляли из себя действующих субъектов политических процессов на территории Кыргызстана. Они выступали модераторами, координаторами и дипломатами межродовых, межплеменных отношений, руководили внутренней жизнью родоплеменных объединений, сосредоточив управленческие и судебные функции. Манапы не обладали наследственным статусом, только лишь благодаря своим способностям и организаторским талантам (воля, признанный авторитет, храбрость, щедрость, рассудительность)

¹ Бартольд В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II – Ч.1 – С.65-80.

² Кушнер П. Горная Киргизия. – М., 1929. – С.4.

³ Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. // История кыргыз и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания. – Т. II. – Бишкек, 1998. – С. 155 – 318.

⁴ Джумагулов А. О термине «манап» // Известия АН РК. – Серия. Общественные науки. – С.61-68.

выделились из рода¹. Манапство в свою очередь разделялось на три группы: чоң манап (главный манап), жаңы манап (новый манап), чала манап (еще не утвердившийся манап). Наличие различных категорий в системе манапства, народных и исторических преданий о манапах подчеркивает высокую степень значимости данной социальной прослойки, жесткое соперничество за лидерство в кыргызском обществе. Манапство оставалось постоянно действующим органом обеспечения общественного порядка, за нарушение которого с назидательной целью жестко карались представители близких по родству объединений или колен².

Согласно историческим и этнографическим источникам, манапство не являлось всеобщей и повсеместно распространенной. Оно относилось к следующим племенам: сарыбагыш, саяк, солто, бугу, тынымсеит, черик, джедигер, чонбагыш. Согласно родоплеменной схеме, эти племена и роды относили себя к группе Тагай правого крыла и были расселены на Тянь-Шане, в Иссык-Кульской котловине, Кетмен-Тюбинской впадине, в Кеминской и Чуйской долинах. Авторитетный бий племени сарыбагыш Манап был действительно исторической личностью, положивший начало возникновению института манапства – родовой аристократии северного кыргызского народа. Согласно расчетам кыргызской генеалогии, время жизни сарыбагышского предводителя Манапа относится к XVII в.³. После его смерти вся северная верховная знать унаследовала сословное наименование «манап». Крупные феодалы северного региона Кыргызстана, как Шабдан, Ормон, Джантай, Болот, Атаке, Маматкул, Тынай, Учике, Тулки, являются по историче-

¹ Бартольд В. Кыргызы. Исторический очерк // Сочинения в 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II – Ч.1 – С.65- 80. Гродеков Н.И. Кыргызы и каракиргызы Сыр-Дарьинской области. – Т.1. Юридический быт. – Ташкент, 1889. – С.6.

² Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек, 1997. – С. 75.

³ Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана: составление, доп. О.Караева.- Б.: Шам, 1996. – С. 240-241

ским сведениям прямыми потомками Манапа. Известный родоправитель Шабдан, умерший в начале XX в., был потомком Манапа в восьмом поколении. В Таласской и Чоткальской долинах, где локализовались племена саруу, кушчу, кытай, багыш и другие, которые по родоплеменной структуре кыргызов относились к левому крылу, манапство не получило распространения. В Южном Кыргызстане манапство вовсе не существовало.

Российская администрация на протяжении второй половины XIX в. пыталась найти организационную форму, которая могла бы облегчить управление кыргызским обществом и адаптировать его к общероссийским законам. Предпринимаемые попытки формализации традиционной жизни кыргызских родов постепенно приводили к отмиранию некоторых старых традиций. Российская администрация попыталась рассредоточить властные полномочия сильной социальной прослойки – феодалов. Частично, это удалось сделать посредством выборности местной администрации, что привело к разрушению патриархально-родовых устоев кыргызов, ограничило власть и влияние манапов на соплеменников, лишило их права бесконтрольного распоряжения родовым имуществом¹. В результате, манапы перестали считаться родоначальниками. Кроме того, Временное положение 1867 г. об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями предусматривало разделение кочевого населения на волости и айлы (вместо родовых объединений), которые зачастую создавались смешанными из разных родов.

Указом российского императора от 2 июля 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, состоявшего из двух областей: Сырдарьинской и Семиреченской².

¹ Курманов З., Сыдыков Э. Сыдыков А. Личность и история. – Бишкек: Шам, 2002. – С.107.

² Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вт. пол. XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат. в двух кн.: Кн. 1 / Отв. ред. акад. В.М.Плоских. – Б.: Илим, 2007. – С.22 -23.

Временное положение 1867 г. выработало единую для всего населения региона систему государственно-административного господства российского самодержавия. Территория Кыргызстана была раздроблена между отдельными областями Туркестанского генерал-губернаторства. Северная его часть вошла в состав Семиреченской области (Иссык-Кульский и Токмакские уезды), Таласская долина – в Сырдарьинской (Аулие-Атинский уезд). В 1876 г. в составе Туркестанского генерал-губернаторства были образованы Самаркандская и Ферганская области, куда вошла южная часть Кыргызстана (Андижанский, Ошский, Наманганский, Ходженский уезды и Памирский район).¹ Позднее южная часть Кыргызстана и Таласская долина стали управляться на основе «Положения об управлении Туркестанским краем», утвержденного 12 июня 1886 г., а северная – на основе «Степного положения об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской», утвержденного 25 марта 1891 г.²

Согласно Положениям российская администрация разделила всю территорию Кыргызстана на отдельные административные единицы (уезды, волости, айлы), попытавшись привязать к ним определенные родоплеменные группы кочевников. Во главе областей были поставлены военные губернаторы, во главе уездов – уездные начальники, назначаемые царским правительством из этнических россиян. Во главе волостей – стояли выборные волостные управители, во главе айлов – старшины, избираемые кочевым населением. Сначала эти административные посты занимали только представители сословия «белой кости» – бии, манапы. В его ведении находился

¹ Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920-1930-е годы). – 2-е изд. испр. – Бишкек, 2005. – С.67.

² Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата; АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. – С. 352-353,387.

небольшой аппарат управления и принуждения (отряд вооруженных кыргызов в количестве от 200 до 300 человек). Уездные начальники осуществляли полицейскую и военную власть: контроль за администрацией с положением денежных взысканий с биев (в размере 10 рублей), представление выборных кандидатов на утверждение губернатора. Им подчинялись и воинские части, находящиеся на территории уезда¹. Компетенция волостного управителя в основном сводилась к контролю и надзору за исполнением налогового сбора с населения волости. Продолжительность пребывания волостного управителя на своей должности во многом зависела от силы авторитета рода, к которому он принадлежал.² Система управления и политическое устройство кыргызского общества, установленные в результате реформ второй половины XIX в., оставались почти без изменений до Февральской революции 1917 г.

В ходе военной колонизации региона была выстроена четкая вертикальная лестница управления, в которой были учтены и задействованы все социальные прослойки местного населения, вплоть до родоплеменной структуры кыргызов. Самым оптимальным путем прямого манипулирования Туркестанским краем были выбраны баи и манапы, завершающие горизонтальную цепь родового подчинения местного населения, при этом действия местной кыргызской верхушки были тоже подвержены тщательному контролю со стороны администрации Туркестанского генерал-губернаторства.

В результате колонизации Туркестанского края усилилась роль областных, уездных, аильных органов власти, отсюда и повысилась значимость волостных, аильных съездов. Во главе данных организаций были поставлены местные баи и манапы.

¹ Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920-1930-е годы). – 2-е изд. испр. – Бишкек, 2005. – С. 69.

² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. – Т.1. Юридический быт. – Ташкент, 1889. – С.12.

Старшины избирались сроком на три года и утверждались уездным начальником. На айльных старшин были возложены сбор налогов, осуществление контроля при перекочевке айлов. Айльные старшины получали жалованье, установленные айльным сходом, из сумм, собираемых по общественной раскладке вместе с податями. Данные органы Царской России, были сформированы исключительно из местного населения, преимущественно из представителей верховной знати кыргызского традиционного общества – баев, биев, манапов. Но деятельность данных органов, по сути, было компиляцией прежних функциональных обязанностей верховной верхушки, только с небольшой долей ограничением их свободы. Это объясняется тем, что данная прослойка была единственным связующим звеном между коренным населением и русской администрацией. Те же баи и манапы, только уже в составе Царской России занимались урегулированием конфликтов между членами групп населения, пытались интегрировать и адаптировать местные правовые уклады в правовую систему империи: публиковали сборники законов местного обычного права, систематизировали и классифицировали для использования местными судебными органами¹.

Административно-территориальное деление, проведенное правительством, первоначально не соответствовало старому родоплеменному делению кыргызского общества. Поэтому основной упор на слом традиционной ячейки общества был направлен на волостные и айльные съезды. Отдельно заслуживает внимания освещение процесса выборов волостных и айльных старшин. Волостной съезд, участники которого избирались айльными сходами по одному от каждого 50 домохозяев, был главным распорядительным органом власти местного «самоуправления» волости. Айльные съезды выбирали претендентов простым большинством голосов, если в них участ-

¹ Гейсс П.Г. Правовая культура и политические реформы в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 (18). – С. 132.

новали не менее половины всех домохозяев аила¹. Волостные управители избирались волостным съездом выборных сроком на три года по два лица: один из них утверждался в должности, а другой считался кандидатом. После избрания их съездом они представлялись уездным начальником на утверждение губернатору. Выборы волостного управителя происходили таким образом, что каждые 50 кибиток волости выбирали одного выборного. Они сопровождались ожесточенной предвыборной борьбой. Мелкие роды объединялись, а крупные разделялись, лишние юрты сверх 2000 выделялись в другие волости. Таким способом в составе волости оказывались несколько родов, племен. Как мы видим, выборность данных органов, а именно волостных, способствовало изжитию пережитков традиционного общества. В результате чего перед выборами всегда обострялась групповая борьба².

Надо отметить, что данное обстоятельство было характерно для всех народов Средней Азии в период присоединения к России. В своих воспоминаниях один из верненских жандармов 1916 г., ротмистр В. Железняков отмечал, что в процессе выбора волостных и аильных старшин, происходила жесткая борьба между претендентами, которая в результате выливалась в межродовую борьбу, коррупцию и подкуп голосов избирателей³. Анализ жандарма достаточно объективен и подтверждается фактическим материалом, приводимого в трудах известных казахских общественных деятелей начала прошлого века. Как мы видим, выборы волостного и аильного администра-

¹ Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. – С. 369.

² Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920-1930-е годы). – 2-е изд. испр. – Бишкек, 2005. – С. 71.

³ Ерофеева И. Политическая организация кочевого общества. URL: http://www.twirpx.com/file/0150214/_1F546_erofeeva_i_socialnaya_organizaciya_kochevogo_obshestva (дата обращения 1 мая 2013 г.)

тивных должностей оборачивались родовой враждой на территории Средней Азии и Казахстана.

Посредством проведения государственно-административных реформ были созданы условия для введения регулярного налогообложения кочевого населения. Туркестанское областное управление, в зависимости от местных условий, регулировало количество юртовладельцев. Число хозяйств, входящих в состав волостей и айльных обществ не превышало: для волостей - 2000, а для айльных обществ - 200 кибиток¹. Таким способом обеспечивалась непрерывная связь низовых структурных звеньев кочевого социума с институтами верховной власти государства. С 1868 г. кыргызское население региона стало выплачивать единую денежную подать с любого вида кыргызского жилища ("кибиточную подать"). Так была установлена жесткая фискальная зависимость кочевого населения от Российского государства, которая, в силу колониального положения Кыргызстана и многочисленных служебных злоупотреблений различных должностных лиц негативно сказалась на материальном благосостоянии кочевого населения. Такое же положение сложилось и у соседних народов².

Надо отметить, что параллельно царское правительство проводило курс на поддержание и усиление статусной роли наследственной аристократии в рамках традиционной системы кыргызов, руководствуясь главным образом сословными критериями. Российские власти проводили новации при опоре на традиционную привилегированную прослойку кыргызов – сословие «белой кости». При этом противопоставляли по соци-

¹ Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая пол. XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат. в двух кн: Кн. 1 / Отв. ред. акад. В.М.Плоских. – Б.: Илим, 2007. – С.50; Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. – С. 352-379.

² Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. – С. 356.

ально-экономическому и сословно-клановому признакам различные группы кочевого населения. Русский царизм стремился усилить влияние сословия «белой кости» на кыргызов посредством сохранения и приумножения его привилегий в вопросах землевладения и землепользования, в сфере уплаты налогов, путем оказания финансовой поддержки, наделения престижными наградами и подарками. Волостным управителям и айльным старшинам выдавались особые (бронзовые) знаки для ношения их при отправлении служебных обязанностей и печати. Царское правительство всячески поощряло и награждало наиболее усердных служителей местной администрации, повышая их в чинах, наделяя землей в наследственное пользование, присваивая «почетные» звания, вручая ордена и медали¹. В результате проводимых мероприятий, сформировались надгрупповые институты власти, базировавшиеся на формировании аристократического слоя управленцев по современным социально-классовым критериям.

Между тем, по мере развития колониальных отношений в Кыргызстане, усиливалось оппозиционное настроение кыргызской знати против российской военно-политической экспансии. В результате это привело к существенным изменениям прежних политических ориентаций Российского государства в кыргызских кочевьях. Во второй половине XIX в. административные колониальные органы постепенно отказываются от поддержки местного сословного представительства, ориентируясь на более лояльные социальные группы местного населения². С конца 60-х годов XIX в. сословные привилегии были официально отменены царским правительством. На государственные должности стали выдвигаться представители кочевого

¹ Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вт. пол. XIX в. – 1991 г.): Сб. документов и материалов в двух кн: Кн. 1. – Бишкек, 2007. – С. 30-32, 52, 58.

² Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. – С. 371.

населения, которые оказывали наибольшие услуги в проведении царских реформ.

В результате административных реформ 1867 – 1868 гг. характер взаимоотношений государственных институтов царского самодержавия с традиционными элитами кочевников трансформировался: от безусловного признания приоритетного социального статуса баев и манапов, к полной отмене сословных привилегий и генеалогической системы властного доминирования. На территории Туркестанского края лица различной племенной и социальной принадлежности получили возможность быть избранными на выгодные должностные места, что привело к острому соперничеству между племенами и родами за выдвижение своих представителей. Произошло формирование надплеменных органов политической власти кыргызов. В результате почти каждый кочевник получил доступ к властным структурам, стал субъектом политической деятельности. В процессе военной колонизации Туркестанского края, посредством институтов Российской империи (сеть местных низовых и средних органов управления, налоговая система) были преодолены центробежные тенденции и обеспечена централизация кыргызского социума.

К сожалению, попытки царского правительства обеспечить представительство во власти наиболее способных для управленческой деятельности лиц на практике имели обратные результаты. Кочевники были по-прежнему отделены от власти своей группой и своей клановой социальной организацией. Фактически в этой ситуации бюрократическая государственно-административная система управления была существенно трансформирована и адаптирована к традиционным институтам власти. Произошел своеобразный симбиоз традиционной кочевой и российской колониальной систем политического управления социумом и определенное сращивание двух разнородных политических культур. Верхние и средние уровни управленческой иерархии функционировали здесь по принципам политической культуры метрополии, а нижние звенья, вы-

ступавшие носителями традиционных генеалогических представлений о структурной организации социума, продолжали функционировать в соответствии с характерными для данной политической культуры принципами.

Несмотря на все усилия царской администрации по районированию и созданию административных округов среди местного населения, надо признать, что законы 1867 – 1886 гг. не были до конца продуманны, а потому оказались малоэффективными. Дело в том, что районирование проходило по тем районам и волостям, где проживали целые кыргызские роды. В результате реформы кыргызские роды продолжали компактно существовать, только в рамках новых административных районов¹. Объединительная сила родового единения у кочевников была сильнее всего выражена. Более того, для эффективности управления правовые порядки местного населения были приспособлены к единому административному порядку и правовым институтам Российской империи. Интеграция традиционных местных порядков в правовую систему империи оказалась проблематичной, поскольку традиционные нормы и правила часто абсолютно не совмещались с российскими законами. В результате в регионе сложилось 5 различных правовых укладов: шариат, адат, волостной суд, имперское законодательство, российское обычное право. Попытки царских чиновников реформировать юридические порядки традиционного общества кыргызов не имели успеха.

Одним из мероприятий административно-территориальной реформы XIX в. было насильственное оседание кочевников. Это коренным образом меняло основную деятельность кочевника – экстенсивное скотоводство. Появлению частной собственности на пастбища у полукочевников способствовали следующие объективные факторы: 1) темпы капиталистического развития России, влияние ее промышленного ка-

¹ Гродеков Н.И. «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. – Т.1. Юридический быт. – Ташкент, 1889. – С.15.

питала; 2) переселение русских крестьян внесло элементы разложения в патриархально-родовой строй кыргызов; 3) насильственное изъятие зимних пастбищ и следовавшие за ними джуты (бескормица) лишали массы кочевников скота, что вынуждало их к оседанию.

Кыргызский исследователь А.Арзыматова в проведении политики царизма оседания в Кыргызстане, выделяет ее специфику: на юге оно проходило на фоне жестоких условий землеустройства оседающих кочевников и прикрепления к определенным участкам земли, на севере – путем изъятия земель у кыргызов и вытеснения их из долинных зон.¹ Как отмечают другие исследователи, данная специфика была связана со специализацией сельского хозяйства данных регионов, природно-климатическими условиями².

Как отмечает А.Арзыматова, начиная с 80-х гг. XIX в. изъятие земель в Чуйской долине, Иссык-Кульской котловине приобретает массовый характер³. Только за 1892 г. в Чуйской долине было изъято 107267 десятин удобной и 2126 десятин неудобной земли. Следующий этап переселенческого движения начался в 1906 - 1914 гг., после революции 1905 г. и столыпинской реформы 1906 г. Это объясняется тем, что нужно было разрядить революционную ситуацию в деревне, поэтому русский царизм выполнял аграрные требования кулаков. В результате, только по Пишпекскому переселенческому району за период с 1906 – 1910 гг. было обустроено 34638 зарегистрированных переселенцев за счет изъятий земель у коренного населения⁴.

¹ Арзыматова А.А. Особенности аграрной политики царизма в Северном Кыргызстане // Вестник КГНУ. – Бишкек, 2003. – Серия 1. – Вып. 3. – С. 34-36.

² Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.151.

³ Арзыматова А.А. Особенности аграрной политики царизма в Северном Кыргызстане // Вестник КГНУ. – Б., 2003. – Серия 1. – Вып. 3. – С. 35-36.

⁴ Арзыматова А.А. Особенности аграрной политики царизма в Северном Кыргызстане // Вестник КГНУ. – Бишкек, 2003. – Серия 1. – Вып. 3. – С.36.

Огромное содействие в проведении аграрной реформы царизма оказали местные манапы. Деспотическая власть манапов, высокая степень идентичности кочевника со своим обществом, необразованность и бедность букары умело использовалась царизмом для изъятия земель. Здесь интересы манапов и царизма совпадали.

Таким образом, кыргызское традиционное общество, оказавшись в составе Российской империи, продолжало сохранять свою традиционность. Административно-территориальная реформа царской России способствовала дальнейшему сохранению и укреплению самобытности кочевого народа. Несмотря на попытки царской России сломать устои традиционного общества, через административную реформу XIX в., замену родоплеменного деления кыргызов региональным, изменение хозяйственно-культурной деятельности кочевников, ей не удалось полностью их осуществить. Реформирование традиционной системы управления, потестонарно-политической системы кыргызского общества в дореволюционный период оказалось малопродуктивным. Этому способствовали следующие факторы.

1. В области социально-экономического развития. Традиционная родоплеменная организация кыргызов довольно успешно адаптировала новации, нововведения метрополий. В силу аграрного типа жизнедеятельности подавляющего большинства кыргызов вплоть до середины XX в., родоплеменная организация наглядно продемонстрировала свою исключительную устойчивость и способность к самовоспроизведению в течение последующих нескольких десятилетий. Политика царского правительства в земельном вопросе была направлена на сохранение прежних форм общины и общинного землепользования, затрудняя образование частной собственности на землю у кочевников. Это тормозило проникновение капитализма

в сельское хозяйство, консервировало патриархально-феодалные отношения в аиле.

2. В социальной области. Российской империей в центральноазиатских землях было введено косвенное управление, не затрагивающее социальной структуры общества. Продолжительность и устойчивость клановой политической традиции и присущей политической культуре – системы ценностных ориентаций и психологических установок, обеспечивалась самим кочевым способом производства кыргызов. Способ материального производства не подвергся ощутимому вмешательству со стороны царских властей и постоянно воспроизводил общинные, групповые формы жизнедеятельности аграрного населения, выступавшего носителем групповых воззрений и идеалов. Имела место идеологизация групповых форм общественного сознания, апеллирование индивидов к традиционным ценностям определенных групп и родоплеменным идеалам. Попытки царского правительства посредством многоступенчатой управленческой вертикали достичь каждого индивида и осуществить органичное включение кочевников в социальный организм оседлого населения Российской империи не увенчались ощутимыми успехами, т.к. они по-прежнему ассоциировали себя с той или иной родоплеменной группой. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, можно объяснить слабую восприимчивость основной массы кыргызского населения демократических идей и модернистской антиколониальной платформы преобразования кочевого общества, выдвигавшихся на рубеже XIX-XX вв. национально-либеральной интеллигенцией. Кыргызы-кочевники в подавляющем своем большинстве остались вне активной сознательной политической деятельности, сохранив приверженность к традиционным родоплеменным ценностям и интересам. В колониальных политических системах верхние уровни управленческой иерархии функционировали преимущественно в соответствии с политической культурой метрополии, нижние – оставались носителями традиционной политической культуры. Царская Россия предполагала

ла, что при усилении вертикали власти, горизонтальная вертикаль ослабится. Однако, фактически произошло сращивание систем управления. В результате были созданы институты власти, базирующиеся на формировании элитарной прослойки общества, аристократической знати по сословно-классовым признакам. Таким образом, произошло сращение традиционной кочевой и российской (колониальной) систем управления. Колониализм в своей управленческой деятельности ориентировался на использование верхних эшелонов традиционных управленческих структур (надобщинных), в то время как община, основной носитель традиционной политической культуры, продолжала функционировать в соответствии с характерными для нее принципами. Колониализм не стремился преобразовывать общину, вполне удовлетворяясь эксплуатацией ее как целостного организма. Клановая принадлежность играла чрезвычайную роль в статусных отношениях индивидов и социальных групп в дореволюционный период. В целом, русская колонизация территории Кыргызстана середины XIX – начале XX вв. трансформировало кочевое общество гораздо меньше, по сравнению с политикой Советов XX в. Внутренние местные условия создали благоприятную почву для колонизации Российской империей. Родоплеменная организация кыргызов, клановость, коллективное сознание наглядно продемонстрировали свою исключительную устойчивость и способность к самовоспроизведению в течении последующих нескольких десятилетий.

2.2. Советизация традиционного уклада кыргызского общества

В современный период историческая наука продолжает изучать и по достоинству оценивать позитивные и негативные стороны советского периода. Именно в период существования Советского Союза, государство стремительно развивалось в экономическом и культурном плане, завоевало весомый авто-

ритет в мире. Период существования коммунистической партии ассоциируются с социальной защищенностью, временем порядка и патриотизма, которые давали советским гражданам ощущение жизнерадостности, гордости за свою страну, что так не хватает в современной жизни. «Советская парадигма» не только не разрушилась, но и практически не поддается вытеснению из массового сознания примерно третей части всего населения страны. С другой стороны, это время ассоциируется у подавляющего большинства с репрессиями, запретом и страхом, периодом тотального отрицания исторической преемственности, авторитарно-патриархальной политической культурой: нормы жёсткой централизации, правовой нигилизм, склонность к силовым методам разрешения спорных вопросов, интолерантность к инакомыслию и альтернативным идеям, предпочтение монизма, единообразия, унификации перед плюрализмом и диверсификацией. В данный период, оценки исторической реальности советского прошлого стали более взвешенными и рациональными. В целом, отношение к советскому периоду отечественной истории смещено у наших сограждан, скорее, к положительному, чем к отрицательному полюсу. И эта тенденция сохраняет устойчивость на протяжении последних лет независимости.

В 20-30-х гг. XX в., с образованием национальных государств, советской властью были проведены важные преобразования, направленные на коренное изменение традиционного устройства, общественного сознания и мировосприятия кочевого населения. Советская власть предпринимала все усилия для коренного изменения общественных отношений и традиционного устройства кочевого населения в целях установления общего национального сознания и идентичности.

С приходом к власти большевиков в 1917 г. территория Кыргызстана превратилась в политический плацдарм для социально-классовой борьбы между большевиками и верхними социальными слоями кочевых обществ. В конечном счете, любая классовая борьба в кочевом обществе сопровождалась ро-

доплеменной борьбой. На наш взгляд наиболее четко границы конфликта выразились во внутриполитической борьбе 20-30-х гг. XX в., в процессе которого была уничтожена одна из значимых прослоек кыргызского традиционного общества – институт баев и манапов. Наличие родовых авторитетов в сельских местностях, а затем в рядах партии, способствовало использованию ими новых порядков в родовых и личных интересах. В итоге это привело к открытой групповой борьбе среди коренных представителей власти. Родовая вражда продолжала быть образом жизни, регламентировала все поступательные процессы внутри кыргызского кочевого общества. Представители букары, в силу всеобщей неграмотности, приверженности к традиционному коллективному мышлению на первых порах, даже будучи членами партии, действовали исключительно по принципам родового деления, так как не знали иных, альтернативных социальных объединений и коммуникаций. Особенно ярко классовая борьба проявлялась в периоды политических выборов глав местных политических организаций, кадровых перестановок, распределении финансовых и материальных благ.

Постепенно традиционная сельская родовая структура разрушилась. Этому способствовала коллективизация, результатом которого стала замена кочевого хозяйства кыргызов оседлым. Предпринятые советской властью усилия существенно ускорили разложение кочевого общества кыргызов изнутри. Родоплеменная, региональная идентификации кыргызов в советский период пережила масштабную трансформацию.

В зависимости от политических, экономических преобразований деятельность большевиков интерпретировалась по-разному: классовая борьба, классовое расслоение общества, ликвидация бай-манапства и кулачества, наступление на «патриархальщину», национализм, групповщина, местничество, а также индустриализация, коллективизация, культурная революция. Но, главным лейтмотивом советских реформ было искоренение собственной идентичности. В советском обществе

должна быть только одна вертикаль власти – партийно-государственная иерархия. Деятельность любых, независимых от контроля партийной номенклатуры объединений, пресекалась. Тоталитарное государство претендовало на всеобщность и исключительность.

Национально-государственное размежевание 14 октября 1924 г. заменило этноплеменную, этнорегиональную идентичность кочевых народов этнонациональной структурой (казахи, кыргызы, таджики, туркмены, узбеки). В результате размежевания вместо Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республик были образованы Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Киргизская (Киргизская) автономная область (ККАО) в составе РСФСР и Кара-Калпакская автономная область в составе Казахской АССР. Территория ККАО составляла 195,7 тыс. кв. км, население области насчитывало 737 тыс. человек, из них кыргызы составляли 63,5 %.¹ Вся территория области была разделена временно на четыре округа: Пишпекский, Караколо-Нарынский, Ошский, Джалал-Абадский. Были выделены национальные волости и сельсоветы. Однако ККАО была областью кыргызов номинально. Федеральные государственные органы определяли векторную внутреннюю и внешнюю политику, контролировали ключевые назначения области.

Значение национально-государственного размежевания для коренного населения было огромным: воссоединили разрозненные кыргызские племена, проживающие в различных волостях и уездах, консолидировали кыргызский народ в одно целое, ускорили процесс преобразования патриархально-феодальных отношений, повысили темпы хозяйственно-культурного строительства в крае.

С образованием ККАО широкомасштабно развернулась групповая борьба большевиков. Новоиспеченные местные

¹ Нурбеков К. Возникновение киргизской советской национальной государственности. – Фрунзе: Кыргызстан, 1964. – С. 103.

партийные чиновники продолжали сохранять и использовать связи с традиционными структурами. Ожесточенная групповая борьба с использованием новых порядков в родовых и личных интересах стала повседневностью в компаниях по перевыборам партийных и советских органов, проходила под лозунгом «Власть своему». Как было отмечено в резолюции Первой областной партконференции большевиков Кыргызстана в 1925 г., кыргызские родоправители продолжают быть экономически влиятельной, авторитетной социальной единицей в обществе, только в рамках уже новой большевистской структуры¹. Естественно, в таких условиях новые выборные советские работники были выдвинуты не благодаря деловым и нравственным качествам, а могуществу и авторитету представленных родов. Как мы видим, советская власть создала все условия и удобства для сохранения родоплеменной иерархии. Именно совмещение традиционной и партийной деятельности в лице представителя родовых и племенных объединений стало причиной слабости формальных советских институтов власти.

Родовая и племенная вражда внутри партийной организации затрагивала и саму политическую национальную элиту страны. Она не могла оставаться в стороне, и не принимать участие в устранении данного негативного впечатления. Однако, к сожалению, все эти вопросы не всегда решались достаточно позитивно. К примеру, в июне 1925 г. один из основателей кыргызской государственности первой четверти XX в. Ю.Абдрахманов признает существование групповой борьбы у кыргызов внутри партии, где основной причиной выступает родовая вражда. Советское руководство призывает к его нейтрализации, путем регулирования и контроля социального состава партийных органов вплоть до сельских местностей, проведение разъяснительной работы среди бедного населения,

¹ Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С. 152.

исключающей в массовом сознании превосходство одной социальной прослойки над другой¹.

Как показывают архивные материалы, специализированная литература начала XX в. классовая борьба внутри политической организации на территории среднеазиатских республик, основанная на родовой, племенной, региональной вражде оставалась постоянным фактором, ослабляющим партийную организацию и сдерживающим решение многих неотложных политических, экономических и социальных проблем.

Советская власть объявила войну родоплеменным отношениям, а в аилах, сельских местностях – баям и манапам. Все началось с попыток классового расслоения кыргызов на эксплуататоров и эксплуатируемых, с целью замены кровнородственной общности людей классовой. В ходе проведения земельно-водных реформ на севере и юге Кыргызстана одновременно были выселены баи и манапы некоторых кантонов области; создавалась разветвленная система политграмоты, а в последствии – политического просвещения партийцев и беспартийных; проводились периодические чистки партийно-советского аппарата от бай-манапских элементов. В годы советской власти все чиновники бай-манапского происхождения, наследственной местной аристократии в одночасье превратились в выходцев из «бедняцких слоев» и надолго замалчивали о своем положении². Государство преследовало выходцев из имущих слоев, пренебрегая их знаниями и опытом, поддерживало и выдвигало на руководящие посты представителей бедняцко-среднеазиатских слоев населения. Надо отметить, несмотря на наличие народных преданий о родословии кыргызов, унаследованных этнографических материалов, большевистское руководство намеренно замалчивало и более того преследова-

¹ Абдрахманов Ю. Избранные труды / Сост. Дж. Джунушалиев и др. – Бишкек, 2001. – С. 18-23.

² Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.151.

ло выходцев из «чуждых элементов». Борьба большевиков с байством и манапством обострялась перед выборами в Советы.

В отчете Киргизского областного партийного бюро за период 1924-1925 гг. сообщается, что бай и манапы усилили свое сопротивление советским властям, используя при этом родовой авторитет среди бедноты. Основной целью, мотивами и причинами борьбы советской власти с баями и манапами являлась борьба за власть, за разграничение сфер влияния, «заполучение управления на селе». Средством борьбы стало осуществление политического контроля через партийных работников низового советского аппарата, состоящих в родственных связях с баями и манапами¹. Советское руководство на тот момент предполагало, что «групповая борьба в Кара-Киргизии не имеет под собой никакой принципиальной ориентации. Старание некоторых представителей подвести под групповую борьбу якобы родовую вражду не имеет основной базы; лишь внеся затемнения в истинное происхождение группировок, затрудняя борьбу партии в этом отношении с группировками»². Вполне допустимо, что данное сообщение ошибочное, т.к. основа групповой борьбы – есть родовая вражда. Здесь сказалось соперничество между родами, между яркими и влиятельными представителями рода, заложенное веками. Позже, в отчетах инструкторов окружкома не раз сообщалось, что стержень групповой вражды составляла родовая вражда, «...примером чему может служить происходившая борьба в Тонском районе во время прошлой предвыборной кампании, где роды саяк, арык тукум, кыдык и белек каждый в отдельности раскололся и поддерживали противоположные кандидатуры в председатели Волисполкома»³. Ответственных партийных работников,

¹ Отчет Кир. Облпартбюро за период 12.11.1924 г. – 01.03.1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 16, л.109-110.

² Отчет Кир. Облпартбюро за период 12.11.1924 г. – 01.03.1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 16, л.110.

³ Протокол №41 заседания Киробкома ВКП(б) от 20.07.1926 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.51, л.85.

которые не подвергались влиянию местных авторитетов, всяческим способом отстраняли от власти. Поэтому нельзя исключать того, что причиной групповой борьбы была родовая вражда племен.

С каждым годом укрепления Советов, борьба с байством, манапством и басмачеством, борьба с пережитками патриархально-феодального общества, набирало массовый оборот. Со временем мероприятия по уничтожению байства, басмачества увеличивались, становились более жесткими и основательными, несущими в себе идеологическую и политическую направленность. Тотальная агитация через средства массовой информации, периодическая организация партийных и беспартийных конференций, где систематический контроль со стороны советских властей осуществлялся вплоть до порядка созыва, повестки и выработки тезисов для докладчиков. При этом надо учитывать и экономические, культурные мероприятия советской власти, скрытым подтекстом которых было также уничтожение патриархальных родовых связей, социально-родовых основ общества.

Беспартийные конференции проводились по районам и округам: по Пишпекскому округу – 4 районных конференции; по Каракольскому – 4, по Джалалабадскому – 2, по Ошскому округу – 3. На районную конференцию делегировалось от 100 человек по 1 жителю, на окружные – от 10 делегатов районных конференций по 1 человеку¹. Частота созыва и активность работы конференций усиливалась перед выборами волостных и сельских Советов. Работа велась с массой сельского неграмотного населения, с целью разорвать родовую принадлежность кыргыза с «чуждыми бедноте зажиточным элементом», которые «имеют разлагающее влияние на бедноту и батрачество»². В апреле 1925 г. на заседании исполбюро Кара-Киргизского

¹ Протокол заседания комиссии по созыву беспартийных конференций по ККАО от 5 мая 1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.17, л. 47.

² Отчет Кир. Облпартбюро за период 12.11.1924 г.-01.03.1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 16, л.109.

обкома РКП(б) дается четкая директива: «...б) поручить Агитпропу на страницах областных газет и особенно «Эркин-Тоо» уделить большое внимание разъяснению сущности басмачества, сосредотачивая агитацию на фактах и соответствующем их освещении; в) ...периодически помещать в газетах короткие статьи о басмачестве»¹.

В 1926 г. во все окружные комитеты ВКП(б) под грифом «Секретно» были разосланы циркулярные письма Киробкома ВКП(б). Значение данных писем заключался в том, чтобы намеренно ослаблять патриархально-феодалные пережитки кыргызского общества, ломать традиционную преемственность и наследственность, лишать местное население чувства принадлежности к родовому объединению. Они содержали также инструкции по пресечению активности «зажиточности элементов»: выезд инструкторов с агитацией в сельские местности, чистка партийных и в особенности беспартийных сельских ячеек, организация шефства членов бюро над ячейками сельских районов. Особое внимание уделяли областному союзу «Кошчи» и его отделениям, которые могли быть «проводниками родовой эксплуатации»².

С течением времени, большевики предложили дифференцировать борьбу с байством и манапством в зависимости от преобладающего типа ведения хозяйства. В оседлых и кочевых районах выбранная тактика должна была различаться. В кочевых и полукочевых районах наблюдалась скрытая дифференциация «социальных отношений», в зависимости от этого и усложнялась борьба с ними. Местное сельское население было менее политизировано, что по существу затрудняло работу айльных и волостных Советов. Более успешно складывалась ситуация в оседлых районах. Необходимо подчеркнуть, что предложенная тактика борьбы с баями и манапами не исключала и «ситуативного подхода»: «лояльно относящихся к со-

¹ Протоколом №10 Исполбюро Кара-Киргизского обкома РКП(б) от 21 апреля 1925 г ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.17, л.37.

² Всем окружкам ВКП(б) //ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.71, л.26-27.

ветской власти необходимо стремиться привлечь в той или иной степени к работе»¹.

Выполняя директивы и указания областного комитета партии большевиков, инструктора, работники ВКП(б) по истечении срока командировок в письменном виде сдавали отчеты в информационный статистический отдел областного комитета ВКП(б). Спектр «вопросника» инструктора был широким, выявлялась морально-психологическая обстановка в округах и районах, степень доверия местного населения власти². К вопросу прилагалась приблизительная схема доклада о манапстве³.

Одним из злостных проявлений патриархально-феодалных обычаев и традиций кыргызского общества, связанный с местничеством, – была организация «тоев» и «ашей» (крупные семейные мероприятия, праздники и поминки по усопшему). Были предписаны и организованы специальные масштабные компании по искоренению этих явлений. Проводилась разъяснительная работа с трудовым населением аулов, кишлаков, где устройство «тоя» и «аша» признавалось «специфической формой эксплуатации манапством населения». Предполагалось издание брошюры на кыргызском языке по разъяснению пагубности данных мероприятий для кыргызского общества. В качестве достойной альтернативы предлагалось использование революционные праздники, «как народных празднеств с учетом местных бытовых особенностей»⁴. К примеру, делегатам I Учредительного съезда Советов Киргизской АССР в марте 1927 г. в качестве подарка была преподнесена книга зав.орготделом Киробкома партии В.И. Бурова-Петрова

¹ Протокол №39 заседания Киробкома ВКП(б) от 06.07.1926 г.// ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.51, л.7.

² Предписание члену ВКП(б) тов. Шикалову.// ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.70, л.18.

³ Узюков Н. Приблизительная схема доклада о манапах в Киргизстане.//ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.70, л.66.

⁴Протокол №62 заседания Исполбюро Киробкома ВКП(б) от 21 ноября 1926 г.// ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.55, л.96.

«На борьбу с байством и манапством» (Фрунзе: Киргосиздат, 1927)¹.

На наш взгляд, традиционные мероприятия «тои», «аши», принимающие порой масштабные размеры, неискоренимы и сегодня. Во-первых, это традиции, обычаи, нормы поведения, предписанные «адатом» и «шариатом», слагались веками и со временем даже актуализировались. Во-вторых, в организации таких мероприятий принимают участие все члены рода, колена, аила, т.е. обеспечивается коллективная и прежде всего финансовая взаимопомощь, на средства которой и проводятся крупные семейные мероприятия. С финансовой стороны, это дает возможность облегчить состояние бюджета одной семьи. Однако, организация семейных мероприятий, учитывая многочисленность родственных связей, финансово очень затруднительна для бюджета каждой расширенной семьи, т.к. социальный статус и финансовые доходы члена семьи, рода, колена неодинаковы. Поэтому, находясь в так называемой «семейной кабале» страдают малоимущие семьи. В-третьих, проведение семейных мероприятий является важным механизмом поддержки взаимоотношений между членами рода, выполняет существенные социальные, психологические и экономические функции. Родовая принадлежность кыргыза обязывает его участие в семейных мероприятиях, в противном случае, члену рода предначертан разрыв и потеря родственных связей, что неминуемо отразится на статусе его будущего поколения. Попытка советской власти в 20-30-х гг. XX в. бороться с устоявшимися нормами поведения кыргызского общества не имели успеха.

Первый секретарь Киробкома партии ВКП(б) Н.А. Узюков в 1926 г. просил народного комиссара юстиции Т. Худайбергена предоставить исчерпывающий материал о байстве и манапстве в Кыргызстане. В ответ на вопрос «О методах борьбы с манапством?» - нарком юстиции Т. Худайберген ответил

¹ ЦГА КР, ф.20, оп.1, д.329, л.161-162.

следующее: «Необходимо произвести классовое расслоение, персонально выселить манапов, более вредных через суд»¹. Таким образом был предложен конструктивный, испытанный временем метод борьбы – высылка и ликвидация баев и манапов.

Укрепление диктатуры пролетариата привела к широкому применению физической ликвидации. Первая массовая высылка манапов – родовых авторитетов за пределы Кыргызстана происходила во время земельно-водной реформы. В марте 1927 г. I Учредительный съезд Советов Киргизской АССР, исходя из того, что бай-манапские элементы мешают советской власти, принимает решение о высылке баев, манапов и кулаков (по докладу председателя Совнаркома Киргизской АССР Ю. Абдрахманова). На основе этого решения к августу 1927 г. было выслано 20 семейств. В октябре – ноябре 1928 г. после ознакомления с постановлением Политбюро от 9 августа 1928 г. «О выселении баев», исполбюро Киробкома приняло решение в административном порядке выселить первыми из пределов Кыргызстана баев Нарынского, Каракольского, Таласского и некоторых пастбищно-кочевых районов южных кантонов республики².

Действительно, политика истребления кулачества в таких широких масштабах, в каких она была осуществлена и в Кыргызстане, являлась антигуманной не только с позиций общечеловеческих ценностей, но и с позиции пресловутого классового подхода и простой хозяйственной целесообразности. Бай или манап в кочевом кыргызском обществе, прежде всего был модератором военно-политических, экономических и культурных процессов родового общества. Стержень кочевого общества кыргызов невозможно представить без данной единицы. Поэтому искоренение баев и манапов существенно отразилось на структуре общества.

¹ Орготдел Киробкома ВКП(б) КАО от 02.10.1926 г. // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.65, л.16-20.

² ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.190, л.338-340; ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.191, л.53.

В 1928 г. Киробкомом было направлено распоряжение с отчетливо установленной дифференциацией сословной принадлежности кыргызского общества. К примеру, в ней указывалось экономическое благосостояние категорий кыргызских феодалов и крестьян: у баев оценивалось наличие стада баранов в 200 и более голов, крупного рогатого скота в 35 голов и более; у середняка – баранов от 20 до 200 голов, крупного рогатого скота – от 3 до 35 голов; у бедняка – баранов от 20–25 голов, крупного рогатого скота 3 – 4 головы; у батрака – годовой заработок оценивался в 50 руб. или 6 баранов»¹. В условиях кочевого животноводства, сопровождаемого частыми «джутами», стада крупного и мелкого скота в указанном количестве, даже у баев не всегда могло спасти от разорения.

К весне 1929 г. было выслано 44 семьи крупнейших манапов. Для смягчения общественного мнения вокруг высылки баев и манапов советской властью была организована раздача имущества высланных бедноте².

В середине 1929 г. был провозглашен курс «сплошной коллективизации». Он был обоснован в статье И. Сталина «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.), где утверждалось, что в деревне одержана «решающая победа», т.к. в колхозы пошел середняк. Исходя из этой неверной оценки, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) дал установку на усиление темпов коллективизации. На конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. И. Сталин также объявил о переходе к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В Кыргызстане коллективизация в основном должна была завершиться к 1933 г.

В декабре 1929 г. пришла очередная установка на выселение – теперь это относилась к кулакам. Уже в феврале 1930 г. в одном Беловодском районе было решено выселить 97 кулац-

¹ ЦГА ПД РК, ф.10, оп.1, д.128, л.32-34.; Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20 – 30-е годы XX в. – Бишкек, 2003. – С. 155.

² Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997. – С. 92-93.

ких хозяйств. Обком, «подправив» местные власти, округлил счет до 100. «Старались» и другие районы (Араван-Буринский, Базар-Курганский, Кара-Букинский, Рыковский, Сталинский), объявленные зонами сплошной коллективизации. К августу 1932 г. из 700 выявленных кулацких хозяйств Северного Кыргызстана значительная часть была выселена. На основе решения исполбюро Киробкома от 11 апреля 1932 г. было выселено большое количество кулацких хозяйств и на юге Кыргызстана¹.

Обком партии, ЦИК и СНК республики разработали на основе спущенной сверху свою инструкцию «О порядке ликвидации байских и кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Ликвидируемые хозяйства подразделялись на три категории. К первой категории относились бай-манапские хозяйства, которые когда-либо привлекались к судебной ответственности за антисоветскую деятельность; ко второй – хозяйства богатых баев, манапов, родовых вождей, влиятельных представителей духовенства, деятельность которых была направлена на борьбу с социально-экономическими мероприятиями советской власти (критика или неодобрительное высказывание по поводу отдельных руководящих лиц или решений местной власти; к третьей категории причислялись байско-кулацкие хозяйства, подлежащие выселению внутри республики. Норма раскулачивания была установлена в пределах 2 – 3% хозяйств в районах сплошной коллективизации². Как мы видим, вопрос выселения баев и манапов за пределы республики решался главным образом в зависимости от их отношения и проявленной лояльности к мероприятиям советской власти.

29 июня 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) утвердил директиву, которая установила порядок выселения за пределы республики хозяйств первых двух категорий. В начале 1931 г. бы-

¹ Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997. – С. 92-93.

² ЦГА ПД РК, ф.10, оп.1, д.398, л.2; д.410, л.18, 68.

ло выселено за пределы республики 700 хозяйств, в августе-сентябре 1931 г. значительная часть из них уже была выселена¹.

Борьба с родоплеменными отношениями велась и в процессе коллективизации крестьянских хозяйств. В 1933 г. была дана установка на проведение чистки колхозов от кулацких и бай-манапских элементов. В результате из колхоза было исключено 2461 кулацких хозяйств. Если учесть, что к этому периоду, в северной части Кыргызстана уже не было кулацких хозяйств (кыргызы после восстания 1916 г. остались с мизерным хозяйством, русско-кулацкое кулачество в ходе земельно-водных реформ было ликвидировано в 1921-1922 гг., а в начале 1930-х годов кыргызы начали переходить к оседлости, которая также требовала огромных расходов), становится ясно, что в ходе массового раскулачивания пострадали родовые авторитеты.

В процессе коллективизации сельского хозяйства, по нашему мнению, были созданы колхозы по родовому принципу, просуществовавшие в таком виде почти до крушения колхозной системы. Такие колхозы фактически повторяли родовую структуру общества. Организованная борьба большевиков против «родовых колхозов», как и против «родовых сел», не достигла своей цели. Кыргызские колхозы создавались по родовому принципу и таковыми оставались до хрущевского укрупнения колхозов.

Следовательно, велась широкомасштабная борьба против традиционной общественной организации кыргызов: от преследований проявлений патриархальщины, уничтожения родовых авторитетов до ликвидации экономических, политических и организационных основ трайбализма путем перевода кочевников на оседлость, внедрения современных форм производства, повышения тоталитарной роли государства, утвер-

¹ Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20 – 30-е годы XX в. – Бишкек, 2003. – С.159-160.

ждения сознания не родоплеменной, а классовой общности людей. В ходе этой борьбы жертвами стали не только родовые авторитеты, но и цвет кыргызской интеллигенции, обвиненной в идеализации прошлого, национализме, местничестве и т.д.

Негативный момент в борьбе большевиков с традиционными устоями общественной организации кыргызов заключается в том, что отрицалась вся положительная преемственность наследственных традиций, в том числе и непреходящие общечеловеческие ценности. Более того был причинен невосполнимый ущерб многим прогрессивным явлениям, охраняющим нравственные устои кыргызского общества, вековым традициям коллективизма, внутриобщинной демократии и взаимовыручки.

Борьба большевиков с родоплеменными пережитками кыргызского общества и родовыми авторитетами объективно была трудноустранима и перманентно усугублялась политикой, проводимой действующим руководством страны. Многие принципы советской эпохи, такие, как централизованное планирование и распределение, система подбора кадров, создавали почву для сохранения и широкого применения в общественной практике законов трайбализма. Советская система управления вполне соответствовала местным традициям и местному клановому менталитету – в этом и живучесть трайбализма в советский период. Трайбализм сыграл положительную роль на протяжении всей истории кыргызов, играл роль орудия их выживания в самые трудные для них времена. Последовательное сохранение его принципов позволило им сохранить этническую самостоятельность и целостность, сохраниться как народ.

Разрушить негативные явления трайбализма может формирование общенационального единства и сознания, улучшение экономической ситуации в государстве, получение действенной защиты и помощи от государства и его институтов, тогда люди перестанут нуждаться в защите своего рода.

К числу разрушительных мероприятий сталинского режима в конце 1920-х начале 1930-х гг. относится компания по переводу кочевников на так называемые «оседлые формы хозяйства и быта». Идеология «массового оседания», а также «насиловственная коллективизация» деревень и аилов радикально изменили и трансформировали хозяйственно-культурный тип деятельности кочевого населения, привели к надлому огромного множества человеческих судеб.

Согласно исследованию Д. Бактыгулова, «род» являлся «идеальной» базой для организации кооперативов, и без опоры на «родовую организацию» всякие попытки кооперативного строительства были обречены на неудачу. Поэтому предполагалось использовать некоторые традиции и элементы «родового» быта, основы родовых отношений в аилах на поддержание кооперации. Высказывались также предположения создавать кооперативные объединения не по «родам», а с учетом экономических интересов трудящихся¹.

В советской историографии уже давно сложилось мнение, что компания по оседанию была движима исключительно задачами как можно более быстрого выведения кочевников на дорогу «социального прогресса и всеобщего благополучия». Для осуществления планов советского руководства по индустриализации страны, нужно было закупить техническое оборудование, а для этого требовалось финансирование. В условиях ограниченной экспортной структуры, денежные средства можно было получить, главным образом, в обмен на хлеб. Поэтому предстояло не только увеличение производства зерна, но и расширение объемов посевных площадей. Поставленные задачи советская власть решала двумя путями: во-первых, уничтожала частную собственность путем осуществления полного огосударствления средств производства; во-вторых, проводила массовое объединение крестьянских хозяйств с макси-

¹ Бактыгулов Д.С. Социалистическое преобразование киргизского аила. – Фрунзе, 1978. – С. 48-49.

мальным расширением посевных площадей¹. В связи с этим резко возрастает интерес сталинского руководства к земельным просторам востока и юга страны. Пригодные для посева земли служили объектами хозяйственного пользования, местами кочевков и пастбищ местных скотоводов. Для осуществления планов советского руководства создавалось некое препятствие в виде традиционного скотоводческого хозяйства. Кочевники со специфическим способом производства вошли в противоречие с государственным курсом по расширению зернового производства во имя ускорения темпов индустриализации. Развязка конфликта виделась в форсированном и массовом переводе кочевников и полукочевников на оседлые формы производства и быта, т.е. изменение хозяйственно-культурного типа производства кочевника со скотоводческого на земледельческий².

Проводя оседание кочевников и коллективизацию, советское руководство, во-первых, добивалось полного обобществления средств производства и ликвидации частной собственности. Во-вторых, стремилось разрушить любые естественно возникшие в недрах кыргызского общества горизонтальные социальные связи. В кыргызских селах доминирующим типом социальных связей выступали общинные отношения, родовое деление, где значительная часть населения отождествляла себя как совершенно особые самоуправляемые образования. Включенные в них индивиды по генеалогическому родству исходили из примата сложившейся структуры интересов, а потому оставались вне авторитарно-этатистских устремлений государственной власти. Понятно, что в силу только этого обстоятельства, связи такого типа не вписывались в формировавшуюся административную систему, а потому нужно было разрушить традиционную структуру кочевого общества. Ито-

¹ Абдрахманов Ю. Избранные труды... С. 69 – 70.

² Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сборник документов и материалов в 2-х книгах: Кн. 1. – Бишкек, 2007. – С.393–397.

гом преобразований на селе и в аилах должна была стать замена традиционно-личностных структур с их горизонтальными связями – структурами, с вертикальными связями, т.е. зависимость личности от корпоративно-общинных связей заменялась такой же зависимостью от тоталитарной, государственной власти. Решению этой задачи как нельзя лучше отвечала политика оседания и коллективизации.

Для успешного осуществления зависимости личности от государства нужна была некая идеологическая составляющая, которая сломала бы общественное сознание, старый стереотип мышления. Кочевое хозяйство нужно было немедленно ликвидировать «во благо социального прогресса». Несмотря на неадекватное состояние производственных сил и отсутствие объективных предпосылок, действующая система власти все же пошла на осуществление политики форсированного и массового перевода кочевников на оседлость и силовое включение их в огосударствленные формы организации производства (колхозы). Советская власть стала настаивать на тотальном оседании кыргызов¹.

В результате, кочевник не признавал государственности, не хотел платить налогов, система и ареал его кочевания определялись территориально-административной системой. В итоге, ликвидация частной собственности на скот и перевод кыргызов на оседлость привели к массовой гибели людей в начале 30-х годов XX в. Российская империя, в отличие от Советов на протяжении двухсот лет пыталась взять кочевников под свой контроль постепенно. Им ограничивали территорию кочевания, их приписывали к округам, волостям и уездам, заставляли

¹ Абылхожин Ж.Б. Сталинизм и номадизм: к вопросу о силовой политике седентаризации в Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: сборник мат. межд. науч. конф. – Алматы, 2007. – С.18-23; Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата, 1960. – Т.1. – С.352-353, 387.

платить налоги, но не переводили на оседлость насильственно и не отнимали скот.

Феномен силового оседания кочевников проявил себя в полной мере в процессе коллективизации сельского хозяйства. Он принял форму создания колхозов по родовому принципу, просуществовавших в таком виде почти до крушения колхозной системы. В тоже время нельзя не сказать о том, что политическая система социализма, строившая на принципах иерархии и подчинения лидеру, фактически повторяла родовую структуру общества. Партийные работники, направленные на места и не знавшие специфику жизни коренного населения, в стремлении дехкан объединяться в колхозы по традиционнородовому принципу усмотрели проявление оппортунизма, извращение линии ЦК ВКП(б). В колхоз принимались даже манары своего рода¹. Колхозно-совхозная система вначале заморозила клановые отношения, а затем способствовала усилению их мощи и расширению клановой сети. В процессе коллективизации в стремлении создавать колхозы по родовому признаку руководители «обнаружили» проявления национализма.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов» устанавливалось, что коллективизация считается завершенной в основном при условии вовлечения в колхозы не менее 68-70% крестьянских хозяйств с охватом не менее 75-80% посевных площадей². На 1 июля 1931 г. в Кыргызстане было коллективизировано 51,5% крестьянских хозяйств и 52,5% посевной площади. К 1 июля 1935 г., обобществив 70,8% крестьянских хозяйств и 84,7% посевных площадей, Кыргызстан в основном завершил коллективизацию. В 1936 г. было коллективизировано уже 82,4% хозяйств и 93% посевных площадей. Однако коллективизация была завершена полностью только в 1939 г.,

¹ Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.153.

² Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20-30-е годы XX в. – Бишкек, 2003. – С. 160.

когда 96% крестьянских хозяйств были объединены в колхозы и совхозы, имеющие в своем распоряжении 99,5% посевных площадей.

Коллективизация и ликвидация кулачества проходили в обстановке безудержного форсирования и сопровождались насилием по отношению ко всему крестьянству, приведя ко многим человеческим жертвам. В ходе коллективизации и ликвидации кулачества подверглись разрушению важнейшие элементы производительных сил сельского хозяйства. В результате «перегибов» и «извращений» были ликвидированы не только кулаки, но и большое количество середняков, т.е. наиболее активная хозяйственная часть крестьянства. Колхозы были поставлены в положение, которое исключало самостоятельность и инициативу, хозяйственность и бережливость, т.е. основу, на которой держится само хозяйствование. Средства производства и производимая продукция стали «общими», а это привело к бесхозяйственности, истреблению поголовья скота, снижению урожайности сельскохозяйственных культур. Все эти негативные последствия обрекли сельское хозяйство на хроническое отставание и замедление темпов социально-экономического развития. Без насильственной коллективизации вклад деревни в общественное развитие мог бы быть намного значительнее.

В ходе реформ советской власти пострадали правовые нормы и обычаи местного населения. В отличие от царской России, большевики в Средней Азии практически покончили с традиционной правовой культурой региона. Царский режим, стараясь интегрировать местный правовой порядок в имперскую судебную систему. Советы же разрушили правовую культуру коренного населения, свели на нет его уважение к местным правовым нормам. Стержень традиционной правовой культуры был физически уничтожен. В юрисдикции положения традиционного права были полностью заменены положе-

ниями советского уголовного и брачного права¹. Начиная с земельно-водных реформ большевики начали активное наступление на местную правовую систему: перераспределили пахотную землю и луга, отнимая их у баев и манапов; вмешивались в патриархальные семейные отношения, ликвидировав многоженство и левират, эмансипировали женщин (гендерное равенство); приняли закон, разрешающий вступление в брак только по достижении 18 лет, запретили сватовство. Советская власть лишила правовую культуру, присущую большинству населения, какого-либо политического влияния.

Подводя итоги, следует отметить, что основным этапом трансформации клановых и трибовых отношений у кыргызов стал советский период. Во-первых, произошло национальное размежевание в Средней Азии, возникли первые формы новой кыргызской государственности в виде автономной области и республики, а затем и союзной республики. Хотя эти формы государственности кыргызского этноса носили крайне ограниченный характер, полностью находились под контролем Москвы, они заложили основы более ускоренного, этнического развития кыргызов из народности в этнонацию. Во-первых, тоталитарная система и господствующая идеология стремилась оттеснить на второй план клановую лояльность. Вместе с тем, родоплеменная организация получила новые импульсы в своем развитии и стала важнейшим атрибутом государственной системы управления в Кыргызстане и других республиках Центральной Азии. В тоталитарном обществе, как и во всяком обществе, основанном на принципе групповых противопоставлений, занятие престижных должностей, в том числе в государственных органах, осуществлялось посредством личных связей. Конечно, мы также не исключаем, что кадровые пертурбации определялись не одной только генеалогией, многое

¹ Гейс П.Г. Правовая культура и политические реформы в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 (18). – С. 133.

зависело от конкретных качеств человека, его организационных способностей, личных связей, родства, дружбы и т.п.

Проведение непродуманной государственной политики в целях перевода кочевого кыргызского населения на оседлый образ жизни, привело к массовому уничтожению мирных кочевников. Повсеместная коллективизация способствовала массовой и неестественной оседлости кочевого кыргызского населения. Тем не менее, в результате силового перевода их на оседлость в 20-30-х гг. XX в. все попытки реформирования села в этот период, в частности земельно-водная реформа, передел земельных угодий, конфискация скота, закончились безрезультатно, поскольку традиционная родоплеменная организация успешно адаптировала все новации. Родоплеменная организация в очередной раз продемонстрировала способность к адаптации очередных новаций и реформирования властных органов. Правящая верхушка фактически сумела использовать этот социальный институт для «эффективного» управления своими сородичами. Некоторые родоплеменные группы сумели укрепить свою власть и развить свою управленческую инфраструктуру. Советская власть была адаптирована к национальным особенностям местного общества. Одновременно это дало возможность кыргызам приспособиться и выжить в новых условиях существования, что и определило его дальнейшую трансформацию.

Искоренение верхней социальной верхушки кыргызского кочевого общества советской властью в более жесткой форме проходило в партийных организациях. Сопровождалась выдвижением политических лидеров, которые впоследствии составили кыргызскую национальную элиту 20-30-х гг. XX в.

2.3. Период «двойных стандартов» и образование номенклатурного клана (1950 – 1990 гг.)

Политика национального управления большевиков в 20-30-е гг. XX в. старалась максимально учитывать специфику

традиционного общества кочевников, их культуру, быт, образ жизни, традиции, обычаи. Но для поддержания прочности своего режима, Коммунистическая партия контролировала и манипулировала социально-экономическими, политическими и культурными программами, проводимые в республиках. Поэтому Советы при осуществлении национальной политики на окраинах изначально опирались на «двойные стандарты»: национальная политика Советов совмещалась с традицией племенного гегемонизма коренного населения. Отметим, что на степень корпоративной сплоченности национальной номенклатуры повлияла родовая, этнорегиональная идентификация. Допущенные к политическому управлению кланы частично сохраняли традиционную своеобразную систему отношений, которая имела мощную систему противовесов. В связи с этим, малейшее нарушение баланса между представителями различных родовых и региональных элит, приводило к внутреннему конфликту общества. Именно такая внутриэтническая разобщенность являлась детонатором и двигателем политических преобразований в Кыргызстане. При негласном согласии на высших уровнях власти государственные посты закреплялись за представителями определенных этнических, региональных или родоплеменных элит. Метод внешнеполитического вмешательства в процесс управления республиками изменялся по мере европеизации местного населения. В послевоенный период наличие в политике управления «двойного стандарта» усилился. Данная политика метрополии в национальных окраинах заложила основу для дальнейшего формирования национальной интеллигенции, образованию номенклатурного, политического клана.

Для понимания социально-политической сферы кыргызского общества в советский период необходимо рассмотреть генезис и эволюцию кыргызской номенклатурной элиты.

В мае 1925 г. в Кыргызстане разразился политический кризис групповой борьбы руководителей государственных органов Кыргызстана. Кризис неотъемлемо связан со становле-

нием кыргызской государственности. Речь идет о противостояниях в 1922 г., 1925 г. двух группировок, возглавляемых государственными деятелями Кыргызстана – А. Сыдыковым и Р. Худайкуловым. Групповая бескомпромиссная борьба продолжалась более 10 лет. В истории она получила название, как заявление 30 ответственных работников против руководства Киробкома¹. Социальный состав участников был примерно одинаков, родовой состав данных группировок также не оправдывает сторонников советской версии о групповой борьбе, как пережитке родовой вражды. В целом, данное внутрипартийное противопоставление необходимо расценивать как очередную борьбу за власть, которая на местах приняла трайбалистский характер². При разрешении группового конфликта, советское руководство опиралось на социальное происхождение групп. Предпочтение было отдано выходцам из бедняцко-среднеяцкой прослойки населения. М.Д. Каменский провел чистку партийно-советского аппарата от сыдыковцев, что только усугубило напряжение в местных партийных рядах.

Групповая борьба начала XX в. не была специфическим явлением кыргызской парторганизации. По свидетельству журнала «Революция и национальность», существующая напряженность в группах была широко распространена по всей Средней Азии и Казахстане, особенно в восточных национальных районах. В Узбекистане наблюдалось противоборство «икрамовской» и «ходжаевской» группировок, в Казахстане соперничество "ходжановской", "сейфуллинской", "мендешевской" группировок³. Союзное руководство, также как в Кыргызстане, поддерживало одну из группировок в зависимости от своего

¹ Курманов З. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992; Курманов З., Сыдыков Э. Сыдыков А. Личность и история. – Бишкек: Шам, 2002. – С.10–106.

² Курманов З., Сыдыков Э. Сыдыков А. Личность и история. – Бишкек: Шам, 2002. – С. 107.

³ Абдрахманов Ю. Избранные труды... – С. 22; Хлюпин В., Грозин А. "Кочевые элиты" постсоветской Азии //Азия и Африка сегодня. – 2001.– № 4. – С. 7-12.

предрасположения. Национальное размежевание в Средней Азии и Казахстане дало мощный импульс родоплеменной, региональной консолидации народов, населяющих этот регион, способствовало становлению национальной интеллигенции.

За короткий период автономного существования Кыргызстана сложилась образованная, аристократическая (выходцы из бай-манапских семей, родовых авторитетов) модернизированная, ориентированная на европейские ценности и образ жизни интеллигенция. Основная часть кыргызской интеллигенции прошлого века была выпускниками русско-туземных школ, учительских школ и институтов, сельскохозяйственных гимназий и училищ. Социальная прослойка советской кыргызской интеллигенции складывалась за счет старой аристократии (алашординцы) с высоким общим культурным и образовательным уровнем, и советских выдвиженцев из зажиточных (байских) и средних социальных слоев, со средним, незаконченным средним и начальным образованием. Причем и те, и другие вступили в партию и революцию примерно в одно время – в 1919-1920 годы, но на значительных постах находятся, как и положено, социально более близкие большевикам "выдвиженцы", на вторых ролях – представители старой национально-буржуазной интеллигенции. В силу более высокого социального статуса, в советскую элиту вошли лица, в основном, выходцы из байских кругов, имевшие опыт так называемой "партийной" борьбы во время волостных выборов. К примеру, А. Сыдыков – представитель северной части Кыргызстана, из племени солто, соплеменник известного Байтик батыра, член правительства "Алаш-Орды"; Ю. Абдрахманов – сын манапа, выходец племени саяк и т.д. Советская элита Кыргызстана оказалась, по своей сути, байской, буржуазной, родоплеменной и, только отчасти, разночинской. Национальные кадры, которые были убежденными коммунистами, составляли меньшинство. Образование пишпекского отделения национальной партии "Алаш" доказывает факт бесспорного доминирования национальной идеи над родоплеменной.

Следует отметить, что в ходе сталинских репрессий практически все, за редчайшим исключением, перечисленные представители элиты были ликвидированы. "Групповщина" и "национал-уклонизм", соперничество вождей группировок "ху-дайкуловщины" и "сыдыковщины" и прочих групп пронизывали деятельность партийного аппарата. В документах IV съезда Советов Киргизской ССР от 1 - 6 января 1935 г. с гордостью сообщалось, что в Кыргызстане «разгромлена контрреволюционная «сыдыковщина», а также агентура байства и манапства и их буржуазно-националистические идеи – «абдрахмановщина»¹. С 1 января 1934 г. по 1 мая 1937 г. в процессе чистки и проверки партдокументов состав республиканской парторганизации сократился на 46,7%, а членов партии из числа местных национальностей – на 67,7%, кандидатов в члены партии – на 74%². Тотальный размах репрессий в Кыргызстане явился спецификой кадрового состава самой парторганизации, спецификой строения партийной элиты. Массовые репрессии населения привели к уничтожению целых социальных групп и слоев. С гибелью наиболее ярких фигур группового противостояния 20 - 30-х годов XX в. в сталинских тюрьмах, сам родовой номенклатурный аппарат не изменился, он только принял другую форму.

Глубокую архаичность стремлений советской восточной бюрократии особо отмечал в письмах из алматинской ссылки Л. Троцкий. Он связал происхождение советского бюрократизма на Востоке с «мандаризмом» (применительно к Средней Азии – байство)³.

Процесс складывания кыргызской политической элиты проходил на протяжении всего советского периода. Существенную роль сыграла, конечно, Коммунистическая партия,

¹ Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925 – 1937 гг.) – Фрунзе: Кыргызстан, 1973. – С.180–249.

² Абдрахманов Ю. Избранные труды... – С. 63.

³ Хлюпин В., Грозин А. "Кочевые элиты" постсоветской Азии //Азия и Африка сегодня. – 2001.– № 4. – С. 7-12.

идеология большевиков. Одна из первых групп национальной интеллигенции сложилась в 20-30-е гг. XX в., но была уничтожена тоталитаризмом и сталинскими репрессиями. Второй поток местной интеллигенции стал возвышаться после второй мировой войны (1941 – 1945 гг.). Местная советская партийная элита уже стала называться, согласно утверждению чешского исследователя С. Горак, партийный клан¹. Степень идентификации политической номенклатуры определялась по следующим факторам: место происхождения, полученное советское образование (зачастую в центральных ВУЗах страны), приверженность и преданность партийной линии. К примеру, среди указанных выше характеристик национальной интеллигенции 20-30-х гг. XX в., выделялись способности и положительные качества личности, природный талант, лидерские качества, политическая воля и самодисциплина. Средствами достижения стали экстенсивный характер кадровой политики большевиков и, в меньшей степени, заключение интернациональных браков, воспитание в советском интернате. Сам факт появления такого типа элиты, создал возможность по-новому сформировать систему социальных взаимоотношений: достаточно узкий круг городских интеллигентов, партийных работников со специфическими системами отношения.

Сам факт воспитания молодого человека в советском интернате служил для Москвы показателем благонадежного социального происхождения. Интернаты для детей, осиротевших нередко в результате политических репрессий, были открыты во всех областных городах Кыргызской ССР, а также крупных районах. Заметим, что сиротства и бездетности у кыргызов на практике не существовало. Ребенок, потерявший родителей, по традиции, переходил в дом родственников, и чаще всего к тем,

¹ Горак С. Трансформация идентичности среднеазиатских элит. Традиция и современность // Доклад круглого стола «Проблемы трансформации идентичности общества и личности на постсоветском пространстве». – Пермь, 4-5 июля 2005. URL: <http://slavomirhorak.euweb.cz/bibliography-ru.htm> (Дата обращения: 15.05.13)

у кого детей не было. Поэтому передача детей в интернаты была связана не столько с сиротством, сколько с желанием родителей дать одному из детей советское (русское) воспитание, хорошее образование и карьеру.

Важную роль в формировании новой среднеазиатской элиты играли так называемые интернациональные браки. По мнению туркменского историка Ш. Кадырова у истоков этого процесса стоял председатель ВЦИК СССР М. Калинин, который во время своего визита в Туркменскую ССР призвал трудящихся республики поднимать культурный и политический уровень женщин¹. Естественно, данное утверждение М. Калинина для восточной ментальности, где вообще не задумывались о раскрепощении своих женщин, было воспринято и воплощено по-другому. После выступления московского начальника многие окончательно поняли: политически престижно и выгодно иметь жену не местной национальности. В ноябре 1927 г. член руководства Туркменской ССР Н. Караджаева констатировала уже очевидный факт, что многие представители местного политического руководства заключают брак с женщинами «европейской» национальности². Таким образом, как утверждает Ш. Кадыров, образованные туркменские семьи стали представлять симбиоз туркменской и русской культуры, что в перспективе удачно отразилось на политической карьере потомков. Частично, аналогичная ситуация складывалась и в соседнем Кыргызстане. Практически среди первых руководителей Киргизской ССР также можно обнаружить браки с женщинами русской, еврейской, татарской национальностей. Ярким примером может послужить брак первого секретаря ЦК КП Киргизской ССР И. Раззакова. Интернациональный брак кыргыз-

¹ Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07)

² Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07)

ской номенклатуры стал одним из способов получения кредита доверия Москвы. Немаловажную роль в назначении И. Раззакова первым секретарем ЦК КП Киргизской ССР сыграло и его сиротство, воспитание в Ленинабадском интернате, учёба в г. Ленинграде, интернациональный брак¹. Центральное руководство было уверено, что И. Раззаков не будет подвержен соблазну клановых элит.

В 1950 г. этнический кыргыз И. Раззаков был назначен на главный пост республики – первого секретаря ЦК Компартии республики. С этого периода на верхнем этаже политической власти стал явно проявляться родоплеменной протекционизм, что одновременно еще больше усиливало позиции Москвы. Актуальным вопросом обсуждения при вступлении в должность этнического кыргыза стал вопрос о лидерстве тех или иных кыргызских племен, родов, регионов страны. В региональном разрезе, где большинство представленных политических элит были выходцами из столицы, был выбран наиболее «попкорный» для внешнего манипулирования. Ставка была сделана на региональную элиту из малочисленных племенных группировок, исторически противостоящих столичному племени. Региональная элита не имела корней в столичной зоне, более чем зависела от Москвы и лояльно относилась к присутствию в высшем эшелоне власти представителей внешнего управления. Таким образом, представители региональной политической номенклатуры Кыргызстана, оказавшиеся у власти, в последующем заложили основу номенклатурной политической элиты Кыргызстана.

В научной литературе послевоенной политической номенклатурной элите были даны различные наименования. Этнолог Ш. Кадыров образованную клановую элиту назвал «евронационалами». Ему принадлежит внедрение в научный оборот термина «евротуркмены», который он избрал для обозна-

¹ «Нам нельзя терять время!» Исхак Раззаков: Документы, страницы жизни. – Бишкек: КНУ, 2005. – С.253–283.

чения современной элиты правившей Туркменистаном последние десятилетия коммунистического режима. Представителей аналогичного слоя в Азербайджане профессор Т. Светоховский предложил именовать «модернизаторами»¹. Российский ученый В.В. Бочаров использует термин «интеллигенция», «революционные демократы», «представители политической культуры рационального типа», в противовес традиционалистам². Согласно мнению выше представленных ученых, определяющим признаком «евронационалов» является строительство унитарного централизованного государства, основанное на идеологии консолидации этносов в единую нацию, при котором в качестве рычагов управления используются латентные, но в то же время имеющие мощную систему противовесов, стратификации общества по клановому (родоплеменному) признаку. Собственно говоря, речь идет о еврационалах, как историческом феномене, умелый менеджмент которых определил весь послевоенный период бывших советских государств.

В государственной политике Кыргызстана, начиная с образования кыргызской государственности в октябре 1924 г., главную роль играло внешнее вмешательство. Советское присутствие в политическом управлении Кыргызстана было обоюдно приемлемым. Коммунистическая партия, для поддержания прочности своего режима, контролировала и манипулировала социально-экономические и политические, культурные мероприятия, проводимые в республике. Представители центрального правления занимали должности первых секретарей ЦК Киробкома с 1925 по 1950 гг. В послевоенный период расстановка политических сил и представительств центрального

¹ Светоховский Т. Становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. – Вып. 4. – Москва, 2001. – С. 12-13.

² Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). – М.: «Наука», 1992. – С. 195-196.

правления была кардинально изменена. На первое место были выдвинуты представители местных элит, представители центра назначались вторыми секретарями ЦК ВКП(б). Внешнее вмешательство, которое контролировало местные элиты, ощущалось вплоть до роспуска СССР.

Во внутренней политике национальных республик главным стержнем выступил родоплеменной гегемонизм, вместе с яркими политическими лидерами тех или иных этнических сообществ. Суть внешнего представительства во внутренней политике республик заключалась в соблюдении этнического баланса внутри местной высшей власти. Центр был заинтересован в объединении племенных землячеств, причем сильное землячество должно быть слабым по внешним вопросам, а во внутренних – пользоваться сильной поддержкой. Поэтому проблема Москвы стояла в разработке политтехнологий этнического баланса местной высшей власти, поддерживающих руководящую роль центрального правления. Теоретически, право править могло быть дано любому отдельно взятому землячеству. Но предпочтение отдавалось второстепенным, ослабленным кланам, которые были не способны проявлять самостоятельность вне центрального руководства. Для этого Москва научилась лавировать в пользу того или иного землячества, распределяя государственные посты. В итоге самостоятельной внешней и внутренней политики национальных государств, лидерства одного регионального, родоплеменного землячества не было. Была структурированная совокупность, представленная очередностью смены различных политических кланов у власти. Смена лидерства землячеств не давала возможности ее внутреннего укрепления во властных структурах страны. Однако на фоне представленных лидеров политических кланов, единственным племенным землячеством, которое было способно конкурировать с центральной властью были представители столичного клана. Поэтому контроль Москвы за столичной группировкой был всегда особенно тщательным.

Данную национальную политику метрополии можно охарактеризовать, как осторожную и лавирующую, где внешний контроль осуществлялся в «деликатной» форме. Степень политического контроля центра в республике зависела от уровня русификации местной элиты и населения. Следовательно, удачно выбранные «двойные стандарты» в национальной политике советского государства способствовали: 1) оформлению и дальнейшей консолидации местной кыргызской партийной элиты. Созданию нового местного номенклатурного клана. Она состояла из представителей племенных землячеств, отражающих интересы этнического общества, которому только предстояло сформироваться в нацию. С обретением суверенитета и независимости в национальных государствах в к. 90-х гг. XX в. процесс единения нации только усилился; 2) центральное управление было одновременно важнейшей иноземной составной частью, на противопоставлении которой стала действовать идея национальной сплочённости и консолидированности. Москва, сохраняя лидерские позиции в национальном управлении, препятствовала узурпации власти в государстве определенным племенным кланом.

Многие принципы советской эпохи, такие как централизованное планирование и распределение ресурсов страны, система подбора кадров, беспрекословное подчинение существующей Коммунистической партии, создали почву для консервации и нелегального использования во властной структуре этнорегионального представительства. Оценивая представленный баланс политической номенклатуры Кыргызстана в конце 1970-х – начале 1980-х годов можно выявить, что почти все первые руководители республиканских партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов были представителями одного северного региона, уроженцами трех разных областей¹.

¹ Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С. 153.

В период правления М. Горбачева (1985 – 1991 гг.) была сделана попытка демократизировать советскую действительность, на основе чуждой советскому обществу западной правовой и политической культуры. Однако платформа реформирования оказалась непродуктивной. М. Горбачев подорвал целостность государственных структур, ликвидировал базовые предпосылки, необходимые для ее реализации. Перестройка и гласность в Кыргызстане выразились в процессах исторических расследований, обличений, переоценке коммунистических ценностей¹. В результате, в конце 80 - х гг. XX в. была осуществлена смена всех руководителей союзных республик СССР. От власти отстранили первых секретарей ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова, ЦК КП Кыргызстана Т. Усубалиева. Смена кыргызского руководителя была связана с пенсионным возрастом. Все это происходило на фоне возрастающего национального самосознания масс союзных республик, недовольства с назначением из центра этнических русских политиков в республиках. Достаточно вспомнить назначение Г. Колбина лидером Казахстана в декабре 1986 г., опалой члена Политбюро Г. Алиева в 1987 г.². У бывших секретарей национальных республик были достаточно крепкие клановые связи на местах. Добавим, что nepотизм, регионализм, приверженность к клановому делению политических работников, а также коррупция, взяточничество были главным аргументом их обвинения. Партийные назначения создали относительное равновесие сил между оставшимися кланами. Таким образом, в Кыргызстане, учитывая традиционную систему региональных отношений, в ноябре 1985 г. к власти пришел представитель новой кыргызской политической элиты, в региональном сегменте – один из ярких лидеров южного клана – А. Масалиев.

¹ Гейсс П.Г. Правовая культура и политические реформы в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 (18). – С. 134.

² Фурман Д. Несостоявшаяся революция. Политическая борьба в Азербайджане (1988-1993 гг.) // Дружба народов. – 1994. – № 4. – С.153.

Рассмотрим этнический баланс представленных региональных землячеств, а также внешнего представительства в государственной политике Кыргызстана в XX в. В политической культуре кыргызского общества индекс доминирования политических работников в государственных структурах занимал 6%. Кыргызстан занял 4 место среди среднеазиатских республик, после Таджикистана. Наиболее высокий уровень доминирования русской номенклатуры зафиксирован в Туркменистане (19%) и Казахстане (10%), что практически в 2 – 3 раза больше, чем в Кыргызстане (см. таблицу 2.3.1) Как отмечает, этнолог Ш. Кадыров в Туркменистане практически отсутствовал самостоятельный опыт управления государством, существовала высокая степень маргинализации населения, а значит представителей местной политической элиты – «евронационалов» было меньше¹. Наиболее русифицированными из представленных стран были Казахстан и Кыргызстан, что говорит о частичной европеизации местной элиты, но при этом она не составляла конкуренцию центру.

Таблица 2.3.1²

Индексы русского доминирования в Центральной Азии (сер. 1960-х гг.)* (%)

Индексы/ республика	Казах- стан	Кыргыз- стан	Туркмени- стан	Узбекистан	Таджики- стан
ДК	40	29	15	13	12
ПС	50	35	34	22	15
ПД	10	6	19	9	3

Примечание* Индексы: ДК – демографическая колонизация (процент русских в составе жителей республик) ПС – политическое соучастие (процент мест в составе высших должностей республик, занимаемых русской нацией); ПД – политическое доминирование (ПД = ДК – ПС). Общее число высших постов в структуре высших органов политической и государственной власти.

¹ Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07)

² Население мира: Демографический справочник Составитель В.А. Борисов, М.: «Мысль», 1989. – С. 10. URL: www.geocities.com/Athens/5246/History.html. (дата обращения 24.07.07)

В ноябре 1924 г. в г. Ташкенте состоялся первый пленум РКП(б), который юридически оформил обком Компартии Кыргызстана. В таком виде кыргызская партийная организация просуществовала до 1991 г. Деятельность Компартии Киргизии была прекращена постановлением Верховного Совета Кыргызстана от 31 августа 1991 г. За период 1924 – 2013 гг. (89 лет) сменилось 17 первых секретарей обкома, ЦК КП Кыргызстана и Президентов Кыргызстана. Каждый из них внес большой вклад в развитие экономики и культуры республики. Длительное время республикой руководили: Т. Усубалиев (25 лет), А. Акаев (14 лет), И. Раззаков (более 10 лет) и А. Вагов (более 7 лет).

Таблица 2.3.2

**Первые секретари обкома и ЦК Компартии Киргизии,
Президенты Кыргызской Республики¹**

№	Фамилия имя, отчество	Период назначения	Происхождение
1	Каменский Михаил Давыдович	кон.1924 - кон.1925 гг.	Москва
2	Узюков Николай Анисимович	1925 - 1927 гг.	Москва
3	Шубриков Владимир Петрович	июнь 1927 - июнь1929 гг.	Москва
4	Кульков Михаил Максимович	август 1929 – июль 1930 гг.	Москва
5	Шахрай Александр Осипович	1930 – сентябрь 1933 гг.	Москва
6	Белоцкий Морис Львович	сентябрь 1933 – март 1937 гг.	Москва
7	Амосов Максим Кирович	март 1937 – ноябрь 1937 гг.	Москва
8	Вагов Алексей Власович	февраль 1938 – август 1945 гг.	Москва
9	Боголюбов Николай Семенович	август 1945 – июль 1950 гг.	Москва
10	Раззаков Исхак Раззакович	август 1950 – май 1961 гг.	Юг
11	Усубалиев Турдакун Усубалиевич	май 1961 – ноябрь 1985 гг.	Север
12	Масалиев Абсамат Масалиевич	ноябрь 1985 – апрель 1991 гг.	Юг
13	Аманбаев Джумгалбек Бексултанович	апрель 1991 – август 1991 гг.	Север
14	Акаев Аскар Акаевич	август 1991 – март 2005 гг.	Север
15	Бакиев Курманбек Салиевич	март 2005 г.,(июль 2009 г.) – апрель 2010 г.	Юг

¹ Токтогонов С. Из истории прошлого Кыргызстана. – Ош, 1995. – С. 25–26.

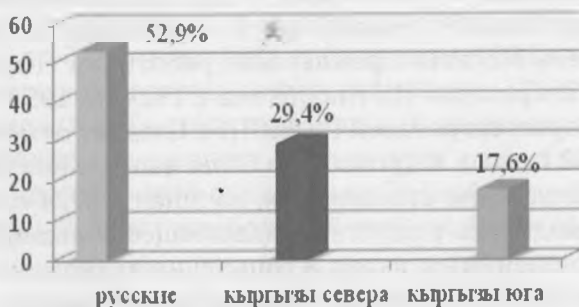
16	Отунбаева Роза Исаковна	апрель 2010 – октябрь 2012 гг.	Север
17	Атамбаев Алмаз	октябрь 2011 гг. – по настоящее время. Инаугурация – декабрь 2011 г.	Север

Согласно таблице 2.3.2 в первые годы строительства советской государственности главное место в руководстве занимал представитель Москвы. Кремлёвские работники сидели в креслах первых секретарей ЦК Киробкома с 1924 по 1950 гг., а затем, в роли вторых секретарей ЦК ВКП(б). Следует отметить, что в 1925 – 1932 годах в Кыргызстана было направлено более 500 человек¹. Московские ставленники, начиная с 1924 г. в течение 26 лет находились у власти. Подавляющее большинство из них внесли неоценимый вклад в социально-экономическое развитие республики, воспитание национальных кадров. Согласно таблице 2.3.2 распределение постов постоянно колебалось в пользу того или иного землячества. Так, например, в Кыргызстане с 1924 по 2013 гг. руководителями властных структур становились то представители северных племен, то южане. С обретением суверенитета республики влияние Москвы прекратилось. Если учитывать, что в довоенный период руководителями страны были кремлевские ставленники, то в послевоенный период уже прослеживается национализация кадров. Причем в составе руководителей Компартии Кыргызстана преобладали северяне. Согласно данным таблицы 2.3.2 и представленной диаграмме 1, можно утверждать, что проглядывается некое сохранение баланса между родовым происхождением первых лиц государства: руководители высшей власти русской национальности составили 52,9%, кыргызы – соответственно 29,4% и 17,6%. Возможно такой баланс, где наблюдалась четкая смена родов по северному и южному регионам, препятствовал узурпации власти в государстве определенным племенным кланом. Особо отметим, что подобная смена лидерства, а вместе с тем и региона (Север – Юг), не вели к ценно-

¹ Абдрахманов Ю. Избранные труды... – Бишкек, 2001. – С.58.

стному расколу общества, а скорее уравнивали позиции различных групп населения. Родоплеменные традиции показывали свою устойчивость в любых условиях, особенно в кризисных.

Диаграмма 1

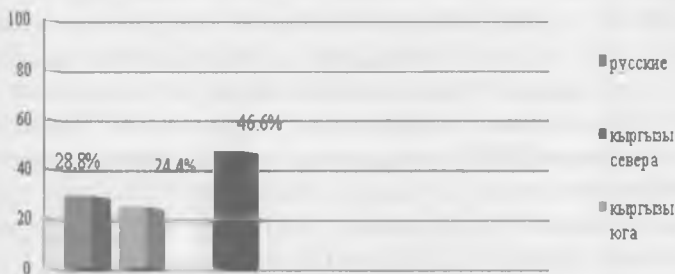

Аналогичная ситуация складывалась в соседних республиках. К примеру, в Казахстане до 1925 г. во властных структурах доминировали представители младшего жуза, на территории которого находилась столица края – г. Оренбург. Затем, с февраля 1925 г., когда столица была перенесена на юг в г. Кызыл-Орду, доминировал старший жуз. С 1960 г. старший жуз в лице Д. Кунаева и Н. Назарбаева правят Казахстаном. В Узбекистане, по одной из версий, с 1930-х годов власть в стране узурпировали ташкентские и ферганские кланы¹. Но с 70-х годов XX в. начинается возвышение юго-восточных кланов по главе с джизакцем Ш. Рашидовым. После роспуска СССР лидерство кланов И. Каримова (самаркандец) сохранилось. Причина состояла в том, что ташкентские и ферганские кланы были способны к большей независимости Узбекистана от Москвы, чем сравнительно слабые юго-восточные кланы. Аналогичная ситуация перехода власти от сильных к слабым кланам сложилась, как отмечено выше, в Таджикистане и в Туркменистане.

¹ Андреева В. Миф об узбекском государстве. – Ч. 3. 04.08.03. (Аналитика)
URL: <http://www.nomad.su/?a=2-200308040007> (дата обращения 24.07.10.)

Текущность кадров в довоенный период была огромна. Во-первых, причина заключалась в том, что русские комиссары были присланы из Москвы по линии Компартии, как исполнители и чиновники находились в режиме «временного пребывания». Во-вторых, в довоенное время большинство из них за малейшее нарушение были сняты с должностей, переведены в другой регион, а к концу 30-х годов XX в. были репрессированы. Это отразилось и на продолжительности правления первых лиц республики. Московские представители, начиная с 1924 г. в течении 26 лет (на долю их правления приходится 28,8 % от общего числа) находились у власти (см. таблицу 2.3.2). В послевоенное время вплоть до 1991 г. эта ситуация изменилась в обратную сторону. Исходя из представительства кыргызов северного и южного регионов в руководстве партии (соответственно 29,4% и 17,6%), на долю северян выпало 42 года правления, что составило 46,6% от общего числа, у южан – 24,4% (Диаграмма 2).

Диаграмма 2

В послевоенный период, в 1950 г. пост первого секретаря занял этнический кыргыз И. Раззаков. С этого периода наметилась внутренняя конкуренция, основанная на выборе регионального представительства во властных структурах. Существенно повысилась роль родоплеменной, региональной идентичности для поддержки тех или иных клановых структур. Из представителей двух сообществ – столичного и регионального

– из политических соображений метрополии выбор был сделан в пользу региональных племенных группировок (см. таблицу 2.3.2)

Местные представители кыргызской элиты также были задействованы в должностях «второго плана» – вторые секретари облпартбюро, председатели ЦИК (Верховного Совета и Жогорку Кенеша Республики Кыргызстан), председатели облисполкома (Совета народных комиссаров), совета министров, премьер-министры республики, главы министерств (см. таблицу 2.3.3). Отметим, что основная часть представленной интеллигенции, примерно 2/3 высшего эшелона власти, были выходцами северной части Кыргызстана.¹ К примеру, с 1924 по 2013 гг. во главе правительства республики стояли 34 государственных деятелей. В региональном разрезе это выглядело следующим образом: 22 человек были представители северных родов (64,7%), а 10 человек – принадлежали к южному региону (29,4%). Среди премьер-министров надо отметить две фигуры русской национальности, которые были назначены в периоды правления А. Акаева и К. Бакиева. На наш взгляд, внутренний баланс представительств северных и южных регионов в эти периоды нуждался в независимых представителях. Как мы видим, традиционная схема региональной очередности в управлении государством, сохранялась². После мартовской революции 2005 г. тенденция смены кланов нарушилась в пользу Севера. Такая ситуация объясняется тем, что президентом Кыргызской Республики с 2005 – 2010 гг. был представитель южного клана – К. Бакиев. После его свержения, в силу недоверия южному клану, а также сохраняя традицию смены кыргызских элит, за руководителями правительства прочно закрепилось представительство северных кланов.

¹Токтогонов С. Из истории прошлого Кыргызстана. – Ош, 1995. – С. 12-13.

²Новый кабинет // Мегаполис. – 2009. – № 84(496). – 23 декабря.

Таблица 1.3.3

**Председатели Облисполкома, Совета народных
Комиссаров, Совета министров и Премьер-министры
республики Кыргызстана 1924 – 2009 гг.**

№	Фамилия имя, отчество	Период назначения	Происхождение
1	Айдарбеков Иманалы	апр.1924 – март 1925 гг.	север
2	Орозбеков Абдыкадыр	март 1925 – фев. 1927 гг.	юг
3	Абдрахманов Юсуп	март 1927 – 1933 гг.	север
4	Исакеев Баялы	сент.1933 – сент. 1937 гг.	север
5	Салихов Мурат	1937 – 1938 гг.	юг
6	Кулатов Торобай	июль 1938 – ноябрь 1945гг.	юг
7	Раззаков Исхак	1945 – 1950 гг.	юг
8	Суеркулов Абды	июль 1950 – янв. 1958 гг.	юг
9	Дикамбаев Казы	март 1958 – май 1961 гг.	север
10	Мамбетов Болот	май 1961 – янв.1968 гг.	север
11	Суюмбаев Акматбек	янв. 1968 – 1978 гг.	север
12	Ибраимов Султан	дек 1978 – дек. 1980 гг.	север
13	Дуйшеев Арстанбек	янв. 1981 – март 1986 гг.	север
14	Джумагулов Апас	март 1986 – янв. 1991 г.	север
15	Исанов Насирдин	янв. – нояб.1991 г.	юг
16	Акаев Аскар	нояб. 1991 – фев. 1992 гг. (и.о.)	север
17	Чынгышев Турсунбек	фев.1992 – дек. 1993 гг.	север
18	Джумагулов Апас	дек. 1993 г. – март 1998 гг.	север
19	Джумалиев Кубанычбек	март – дек. 1998 г.	Юг
20	Ибраимов Джумабек	дек. 1998 – апр. 1999 г.	Север
21	Муралиев Амангельди	апрель 1999 – дек 2000 гг.	Север
22	Бакиев Курманбек	дек. 2000 – май 2002 гг.	Юг
23	Танаев Николай	май 2002 – март 2005 гг.	-
24	Бакиев Курманбек	декабрь – август 2005 г. (и.о.)	Юг
25	Кулов Феликс	авг. 2005 – дек. 2006 гг.	Север
26	Кулов Феликс	дек. 2006 – январь 2007 гг. (и.о.)	Север
27	Исабеков Азим	янв. 2007 – март 2007 гг.	Север

¹ Токтогонов С. Из истории прошлого Кыргызстана. – Ош, 1995. – С.12-13;
Новый кабинет // Мегapolis. – 2009. – № 84(496). – 23 декабря.

28	Атамбаев Алмаз	март – ноябрь 2007 г. (и.о.)	Север
29	Чудинов Игорь	дек. 2007 – октябрь 2009 гг.	–
30	Усенов Данияр	окт. 2009 - апрель 2010 гг.	Север
31	Муралиев Амангельди	июль 2010 – 2011 гг.	Север
32	Атамбаев Алмаз	дек. 2010 – декабрь 2011 гг.	Север
33	Бабанов Омурбек	дек. 2011 – сентябрь 2012 гг.	Север
34	Сатыбалдиев Жанторо	с сентября 2012 г. – по настоящее время	Юг

Столица Кыргызстана расположена на территории расселения северных племен, а именно на территории «чуйских» кыргызов. Это обстоятельство было весомым аргументом в пользу назначения северных, «местных» на главные государственные посты. Так было с Т. Усубаливым и А. Акаевым. Но они не всегда были сильными, чтобы противостоять совокупности землячеств, отодвинутых на вторые и третьи роли (председатель ЦИК (Верховного Совета), председатели Совета министров республики, президенты Академии наук, председатели творческих союзов и т.д.). Внешнее управление запрещало кыргызам поднимать вопрос о родовой и племенной идентичности, опасаясь внутренних волнений, но и не форсировало процесс стирания граней между племенными землячествами, опасаясь общенациональной консолидации и национализма. Кыргызская элита стыдилась племенной разобщенности, видела в ней препятствие политической борьбе с центральной номенклатурой, но не могла от нее отказаться, ибо вела борьбу за власть на естественной основе земляческо-племенной и клановой солидарности. При этом на различных, в том числе высоких уровнях власти, нормы традиционной социальной иерархии действуют полуофициально. В кадровой политике почти не скрывалось значение родоплеменных или земляческих связей. На соответствующие посты назначались люди не столько на основании их личных профессиональных качеств и

заслуг, сколько на основании того, какой клан они представляют¹.

Можно утверждать, что данная модель общественного устройства – это не то общество, каким оно описано в конституциях соответствующих государств. По сути дела, установился автократический образ управления с выраженной иерархической вертикалью власти. Общественная жизнь на практике строится отчасти на основе традиционных социальных представлений, отчасти – на удобных политическим лидерам модернизированных формах социально-правовых обычаев.

В нашем понимании этническое общество в советское время и годы культурной европеизации трансформируется из общества традиционалистов в общество, как правильно подчеркнул Ш. Кадыров, в евронационалов. При этом, этнократы тяготеют к традиционалистам, а евронационалы в законченном виде созревают до понимания нации как гражданского общества. Интенсивность трансформации определяется масштабами и глубиной модернизации местных обществ в советское и постсоветское время.

Поскольку модернизация в советское, да и в постсоветское время происходит постепенно, то до осознания евронационалами идеи гражданского общества их определяющим признаком была и остается приверженность идее консолидации этносов в нацию через строительство унитарно-централизованного государства, при котором инструменты централизованного государства используются для необъявленной стратификации общества по клановому (этническому) признаку. Собственно говоря, этот эволюционный контекст и дает право говорить о евронационалах как историческом феномене, вокруг которого разворачивается интрига политического развития Центральной Азии в эпоху ее модернизации.

Для русского «центра» идея преданности ей евронационала выражалась в его способности служить союзной власти, со-

¹ Абуева Н.А. Политическая элита: общие подходы и специфика // Аль Фараби. – 2007. – №1. – С. 45-51.

храняя тесную связь с народом, пользуясь его доверием, умении говорить с ним на одном языке. Поэтому связь евронационала со своей этнической культурой была неотъемлемым и внешним, и внутренним условием его карьерного роста. В результате, ни один из местных лидеров высшей элиты, в условиях деления на племенные землячества, не мог быть реальным лидером республиканского (национального) масштаба. Авторитет каждого из них распространялся, прежде всего, на регион его этничности, земляческой принадлежности. Чем ниже был уровень европеизации элиты, тем больше она была регионализована, опиралась на свои землячества.

Что касается национального лидера в этническом обществе, то он, скорее, чем быть всеобщим любимцем, был бы, по определению, равноудален от всех племенных землячеств и прежде всего от псевдо-евронационалов в регионах. Такого рода этнически стерилизованный государственный и политический деятель в местном обществе не мог иметь будущего, так как не вписывался в механизм межэтнической конкуренции, составляющей суть политического развития местных обществ. Число исключений из этого правила невелико и касается, прежде всего, культурной элиты.

Совмещение партийной власти внешнего управления с традицией племенного гегемонизма – было одним из главных результатов советского правления, последствия которого ощущаются и по сей день. Для завоевания широкой популярности в местном обществе евронационалам необходимо было быть убежденными сторонниками эволюционной концепции развития государственности, предполагавшей расширение прав этнорегиональных элит. Поэтому, по мере ослабления вертикали внешнего управления неизбежно реанимировалась традиция автономизации местных обществ.

Несмотря на русское доминирование в политическом руководстве в стране, сохранившееся «двойное управление» – «центр» и «разноплеменная номенклатура» – следует считать системообразующим признаком государственной жизни в этническом обществе. Мирное сосуществование этнических элит в

государстве было возможным благодаря внешнему вмешательству центра.

Препятствуя узурпации власти в государстве определенным племенным кланом, Москва сохраняла свое лидерство и миссию централизатора, благодаря наличию у центра достаточно больших материально-финансовых ресурсов, права на издание законов и нормативных актов в важнейших сферах жизни общества, контроля над силовыми структурами. Но объективные условия и субъективные интересы в этой комбинации, в известном смысле, гармонизировали и дополняли друг друга.

Семидесятилетний период Советского государства, фактически отражавший интересы партийной номенклатуры, чиновничества и бюрократии, засвидетельствовал нежизнеспособность такого рода государственных структур.

В период правления М. Горбачева, выставленные им политические лозунги перестройки – демократия, ускорение и гласность – являлись защитными механизмами для правящей элиты. Политическая элита лучше ориентировалась и адаптировалась в условиях «демократического» общества. В противном случае, как в современный период, «молчащее» общество, будучи не в состоянии вылиться в словесную перепалку, наносит физический вред обществу и политике, вплоть до насильственной смены власти.

Кыргызское политическое руководство в советский период – это преимущественно выходцы из деревни, из сельской местности, из малых городов. Только мизерная часть ее представителей вышла из крупных городов. Отсюда специфическая сельская культура, внесённая значительной частью правящей элиты во власть. Она включает в себя культивирование статусных отношений, внутренний нигилизм к оппозиции и инакомыслию, признание выходцев из собственной среды (земляки, родственники и т.д.) представление о собственной избранности. Преемственность поколений, обновление интеллигенции, государственных служащих также сохранялось из новых поколений сельчан. Таким образом, сельская социальная соли-

дарность оказывается значительно более прочной по сравнению с городской.

Как мы видим, процессы консолидации, оформления интересов элит «на местах» проходили очень быстро. В данном случае, это объясняется следующими причинами: неспособность центра решать местные проблемы, что привело к усилению авторитета и значимости местных элит; парцилярность территории, что привело к расширению полномочий, а значит к принятию самостоятельных решений; родственность племен; узость и компактность территории привели к высокой подвижности, контактности населения; повсеместный рост национальной идентичности и этнического самосознания; укрепление материальной базы за счет масштабов государственной собственности предоставленных государством в их непосредственное управление.

Основная линия поведения местной элиты в Кыргызстане заключалась в постоянном приспособлении к объективно складывающейся ситуации, при этом в качестве главной цели преследовались самосохранение, позволяющее по-прежнему владеть рычагом распределительной системы. По существу, осью всех взаимоотношений местной политической элиты Кыргызстана с центром, а также внутри страны являлась борьба за власть, борьба за то, у кого и сколько должно быть полномочий.

В процессе лидерства местных элит, закономерно усилилась внутренняя борьба политических элит и ее регионализация. До второй мировой войны лидерство сохранялось у представителей метрополии, вторыми лицами государства была местная элита. После войны ситуация изменилась. Сохраняется некий баланс между представительствами метрополии и местной элиты. В противоположность метрополии кыргызская политическая элита довоенного и послевоенного времени имела объективную тенденцию к централизации, а на республиканском уровне – децентрализации.

Таким образом, можно отметить, что в советский период на высших уровнях власти сложился тоталитарно-

традиционный симбиоз, при котором негласно высшие государственные посты закреплялись за представителями определенных этно-региональных или родо-племенных элит. Центральная власть фактически искусственно поддерживала не только культурную идентичность мигрантов из России, но и опиралась на идеологию этнонационализма, понятную и привлекательную для большинства населения. Идеи возрождения "национальных традиций" легли в основу форм социального устройства государства, не противоречили конституционным нормам гражданского общества. Установленные "обычные" социальные нормы и институты воспринималось большинством простых людей как должное и находили свое признание. В советской кадровой политике не скрывалось значение родо-племенных или земляческих связей. На соответствующие посты назначались лица не столько на основании их личных профессиональных качеств и заслуг, сколько на основании того, какой клан они представляют. Данная модель общественного устройства в действительности представляет собой авторитарный образ управления с выраженной иерархической вертикалью власти. Систему "двойных стандартов" следует считать системообразующим признаком государственной жизни кыргызского общества. Совмещение партийной власти внешнего управления с традицией племенного гегемонизма было одним из главных результатов советского правления, последствия которого ощущаются и сегодня.

Сложность ситуации для "внешнего наблюдателя" заключалась в том, что приведенная система "двойных стандартов" существовала неписано, на уровне устной передачи информации. Данная система способствовала сосредоточению власти у достаточно узкого круга национальной элиты – евро-националов. Большинство же простых людей ощущало себя частицей коллектива соплеменников, земляков, не осознавая в полной мере свое правовое положение как индивидуумов. Они ассоциировали свою безопасность и свои права с безопасностью и правами их клана или общины, именно поэтому всячески способствовали продвижению своей социальной группы.

Однако, на противопоставлении внешнего компонента в Кыргызстане были созданы условия для этнорегиональной сплочённости. Не исключено, что именно внутриэтническая разобщённость кыргызского общества явилась двигателем политических преобразований в Кыргызстане, на фоне развития политического симбиоза.

Сильно была развита традиция харизматизации лидера. Евронационал обладал способностями сохранять тесную связь с народом, пользовался его доверием. Внешним и внутренним условием его карьерного роста была его убежденность в эволюционной концепции развития государственности, предполагавшей расширение прав этнорегиональных элит. Авторитет каждого из них распространялся, прежде всего, на регион его этничности, земляческой принадлежности.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННОЕ КЫРГЫЗСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

3.1. Формирование политико-семейного клана суверенного Кыргызстана

Одно из значимых и переломных моментов истории Кыргызстана во многом изменивший последующий ход исторических событий, связано с распадом СССР и обретением суверенитета страны. Президент России В.В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию в 2005 г. назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века»¹. Крупные внутрисполитические катаклизмы бывшего Советского Союза, раздираемые выраженными проблемами пробужденной национальной идентичности, разочарование и отказ от прежних коммунистических идеалов, нереализованность собственных стремлений – были главными причинами развала СССР. Как отметил американский исследователь С.Хантингтон, причинами развала СССР, разобщению единой советской «нации» послужило отсутствие внешнего врага при завершении «холодной войны» в середине 80-х гг. XX в. В результате это привело к возрастанию роли субнациональных идентичностей в постсоветских государствах². Распад СССР и необходимость самостоятельно определить ориентиры развития на базе весьма ограниченных ресурсов, явились решающими факторами при выборе демократического строительства. Сложившаяся ситуация позволила выйти на поверхность не только пробле-

¹ Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С.26.

² Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности // Пер. с англ. А.Башкирова. – М.: ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 405–406.

мам регионов и окраин России, но привела к провозглашению независимости бывших республик СССР.

Несмотря на наличие разочарования в советском строе, большинство граждан суверенного Кыргызстана, независимо от возраста, гендерной принадлежности, образования, профессии, национальности, региональной принадлежности, типа поселения, вероисповедания, гордятся своей историей и до сих пор положительно оценивают проводимые реформы, идентифицируют страну с Россией и СССР (35%)¹. Среди них большинством голосов отметили вхождение в состав России (22,3%), образование Киргизской АССР (29,2%), образование Киргизской ССР (12,6%). Это говорит об устоявшемся в массовом сознании и достаточно сильном впечатке в памяти советских ценностей.

В конце XX в. на карте мира появились новые независимые государства, причем в границах, которые были определены в 1930-х гг. без особого учета национальной структуры местного населения. Союзные республики оказались на пороге глобальных вынужденных перемен. Отсутствие правового гражданского общества, целостности национальной культуры, демократических институтов власти, собственной внутренней и внешней политики являлись задачами первой необходимости. Поэтому главным векторным направлением развития государств, кроме социально-экономических, культурных устремлений, выступили: интеграция в международное сообщество, как самостоятельное государство, выбор формы государственного строительства, укрепление внутрорегиональной политики государств, становление одного из связующих геополитических звеньев мировой политики.

Обретение суверенитета Кыргызстана, как очередной период становления кыргызской государственности неотъемлемо связан с периодом правления экс-президента Кыргыз-

¹ История и идентичность: Кыргызская Республика /Авт. колл. А.К. Абылгазиева, В.Б. Богатырев, З.К. Курманов, Г.Л. Горборукова/. – Бишкек, 2007. – С. 37-38.

стана А. Акаева. Осуществленные им демократические реформы требуют тщательного изучения и анализа. На наш взгляд, именно в период его правления, несмотря на попытки проведения демократических реформ, была заложена основа для формирования политического клана в республике, усиления и обострения региональной, племенной, родовой идентичностей у граждан Кыргызстана. В результате, это привело к всплеску трайбализма, клановости и регионального сепаратизма. Все это произошло на фоне социально-экономических трудностей и политического кризиса. Поэтому оценка деятельности бывшего президента Кыргызстана А. Акаева раскроет причины напряженной политической ситуации в республике в марте 2005 г.

Нужно признать, что политическая фигура, как А.Акаев – это наследие советского мышления, он представитель школы советской политической элиты. Поэтому, вся его деятельность и проводимые реформы, несмотря на попытки его ориентации на ведущие мировые государства, приобщения западных финансовых инвестиций, в стержневой основе сохранили советское наследие. В этом, на наш взгляд, и была очередная ошибка А. Акаева. Он не смог полностью дистанцироваться от советской модели государственного управления общественными процессами.

Как утверждает профессор В. Будкин, смена президентов Центральной Азии означала смену этнорегиональных лидеров государства¹. Назначение А.Акаева в 1990 г. создало относительное равновесие сил представителей этнорегиональных лидеров между оставшимися кланами. Предыдущий глава государства А. Масалиев был представителем южного региона республики, при котором удалось сбалансировать региональные интересы и стабилизировать положение в республике (см.

¹ Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5(47). – С. 121; Ханин В. Кыргызстан: этнический плюрализм и политические конфликты // Центральная Азия и Кавказ. – 2000 г. – №3(9) – С. 157.

таблицу 2.3.1). Данная балансировка выполнялась во всех восточных республиках постсоветского пространства. В Кыргызстане к власти пришел А. Акаев, в Узбекистане – И. Каримов, в Казахстане – Н. Назарбаев, в Туркменистане – С. Ниязов. Они были признаны Москвой, как аппаратные работники без сильных клановых связей. Основным орудием политической мобилизации этой лояльности становятся патронажно-клиентельные отношения, обеспечивающие эффективную связь элит с массами и встроенные в действующую модель получения и распределения общественных ресурсов. На массовом уровне этот процесс сопровождался фактической легализацией механизма субэтнической лояльности и регионально-племенной солидарности. А. Акаев принадлежал к северному региону республики, крупному племени сарыбагыш. Его кандидатуру поддерживали, кроме региональной элиты, и представители субрегиона.

Выдвижение на политическую арену А. Акаева, на наш взгляд, произошло благодаря его личным качествам и способностям. К примеру, при социологическом исследовании в 2007 г. населения республики (объем страновой выборочной совокупности составил 2000 респондентов) из 23 указанных положительных черт респонденты у А. Акаева выделили 12. Самые высокие показатели были отмечены в его профессионализме, культуре и воспитанности: культура и образование (56% ответов), интеллект, профессионализм (50%). Из личных качеств и способностей оценили: личное обаяние (48%), умение примирить интересы различных классов и этнических групп (32%), способность к компромиссу (28%), уважение простых людей (30%), готовность защищать простых людей (20%), открытость (24%). Были отмечены в период его правления также приверженность национальным традициям (30%), постижение их особенностей (20%), самоотверженность (18 %)¹.

¹ Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии. – Варшава, 2011. – С. 251.

Изначально политический курс А. Акаева был направлен на построение гражданского общества в Кыргызстане. Сильная плюралистическая демократия стала одним из лозунгов его политики. По сравнению с развитием ситуации у соседей по Центральной Азии, где президенты с самого начала установили жесткое авторитарное правление, впоследствии переросшие в культ личности, и предпочли экономические стратегии, основанные на эксплуатации минеральных ресурсов или дешевой рабочей силы, Кыргызстан придерживался модели, которая казалась утопической. А. Акаев выбрал курс построения демократии по западной модели развития. «Новая Швейцария», «Оазис демократии» – такие характеристики Кыргызстана можно было встретить не только в пропагандистских материалах президентской администрации, но и в зарубежных СМИ. Руководство Кыргызстана стало внедрять монетаристскую модель реформ. В процессе дальнейшего политического развития Кыргызстана произошли модификации в конституционном праве, в политической практике и стиле руководства. Была установлена авторитарная модель с некоторыми элементами демократии. Конституция Кыргызстана создала наиболее благоприятные правовые условия для формирования демократического политического режима. Однако и в ней наблюдался перекося в пользу исполнительной, точнее президентской власти (ст.46, пп. 5.5, 5.6, 6.2, 6.3, 6.5 Конституции КР). Установилась президентская республика со значительными и постоянно расширяющимися полномочиями главы государства. Законодательная и судебная власти стали пользоваться относительной самостоятельностью.

Согласно утверждению российского востоковеда С. Панарина, данный восточный режим правления характеризуется, как – «просвещенный» бонапартизм», подразумевающий собой наличие баланса между разными социальными группами и по-

литическими силами¹. Действительно, данный политический баланс, которого придерживался президент А. Акаев, приобрел значительную специфику: ему приходилось учитывать наличие регионализма (Север – Юг) в кыргызском обществе. Президент вынужден был признать и ориентироваться на две субкультуры. Однако это никак не помешало, а только усилила авторитарную власть главы государства.

Существенную роль в период правления А. Акаева сыграла партийная оппозиция. Возрождение многопартийной системы в Кыргызстане произошло в результате перестройки в СССР, которая началась в 1985 г. Кыргызский исследователь Э. Мамытова выделила 3 этапа формирования кыргызской оппозиции, начало развития которого было положено 24 октября 1990 г². В начале 90-х гг. XX в. зарегистрировались 12 политических партий и несколько общественно-политических движений.

В период правления А. Акаева, выборы в Жогорку Кенеш 1995 г. и 2000 г. показали, что в республике еще не была сформирована полноценная политическая оппозиция. Парламентские выборы 1995 г. охарактеризовались ярко выраженной персонификацией партий, подкупом и коррупцией избирателей. В некоторых местах развернулась жестокая борьба между крупными племенами. К примеру, в Нарынской области было организовано общество «Саруу урусу», одной из главных целей которого являлась победа кандидатов из племени саруу³.

Справедливо отметила Э. Мамытова, что для кыргызского общества был характерен племенной фаворитизм, который в период А. Акаева вышел на общегосударственный уровень.

¹ Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. – №1(8). – Москва, 2000. – С. 93, 101.

² Мамытова Э. Проблемы становления политической оппозиции в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №4(10). – С.49-51.

³ Там же.

Отдельные кыргызские партии стали лоббировать интересы племенных групп.

Правительство Кыргызстана, поначалу хоть в ограниченной степени, поддерживало идеалы демократических реформ. Существовала определенная форма оппозиционной деятельности в стране, набиравшая опыт. Допускалась деятельность оппозиции и правозащитных организаций, прямые преследования противников режима проводились «по случаю» и сравнительно мягкими методами. Как отмечает узбекский исследователь Ф. Толипов, оппозиция в Кыргызстане существовала «в виде спорадических выступлений», которые в последующем активизировали оппозицию в стране¹. Существовала полусвободная пресса в столице, подвергавшаяся преследованию в последние годы президентства А. Акаева. Была допустима критика режима (но не личности президента), которая им либо игнорировалась, либо купировалась². Позже резко стали ограничивать свободу действий своих граждан и лишили группы политической оппозиции возможности играть хоть какую-то роль в обществе. По мере усиления семейно-кланового влияния президента, укрепления авторитаризма в Кыргызстане начались преследования политической оппозиции (к примеру, арест Ф. Кулова, А. Бекназарова, лидера партии ДДК Ж. Жекшеева, лидера партии ЭрК Т. Тургуналиева). Подобная практика по отношению к оппозиционно настроенным лидерам была повседневной действительностью Кыргызстана. В результате все больше людей теряло надежду перед лицом роста социально-экономического неравенства, а также уменьшения возможности законного выражения своего протеста в рамках существующей политической системы.

¹ Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 31.

² Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона. // Вестник Евразии. – М., 2000. – №1(8). – С.102.

Восходящая линия оппозиции и населения страны против режима начинается, по мнению профессора З. Курманова осенью 2000 года – это третий срок президентства А. Акаева.¹ События напрямую были связаны с вторжением международных террористов на территорию страны. Людские потери в результате столкновения показали недееспособность кыргызской армии, внешней разведки. Рассмотрение этих вопросов вызвало трехдневный скандал в Жогорку Кенеше страны. Размещение антитеррористической военно-воздушной базы США в аэропорту Манас (близ г. Бишкека), передача Китаю спорной территории Узенгуу-Куш весной 2002 г. только усилили конфликт. А. Акаев был обвинен в предательстве интересов государства. В ответ последовали жесткие административные меры против оппозиции, ставшие причиной политического кризиса в стране.

Политический скандал разразился вокруг ареста оппозиционного депутата парламента А. Бекназарова в январе 2002 г., занимавшего пост председателя комитета по судебным и правовым делам Законодательного собрания Жогорку Кенеша. А. Бекназаров активно выступал против решения правительства А. Акаева, в рамках которого Кыргызстан уступил Китаю 125000 гектаров спорной территории, и призвал к импичменту президента². В результате, А. Бекназарову было предъявлено обвинение в превышении полномочий, когда был следователем областной прокуратуры г. Токтогула. Судебный процесс над А. Бекназаровым в марте 2002 г. сопровождался мирными демонстрациями в его родном городе Джалал-Абаде. В заключение, трагические события с. Аксы 17 марта 2002 г., когда силами милиции были разогнаны сторонники осужденного депутата, что обернулось гибелью семи демонстрантов, оконча-

¹ Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С. 8.

² Olcott M. B. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. – Wahington, 1996. – P.9-10.

тельно развенчало авторитет президента¹. Стартовала целенаправленная критика А.Акаева и его ближайшего окружения.

Незамедлительно А. Акаев уволил главу районной администрации Ш. Осмонова, в чьем ведении находилась деревня Аксу, где проходили демонстрации. Хотя ответственность за применение милицией оружия в целях самообороны лежала и на плечах Государственного секретаря О. Ибраимова и на министре внутренних дел (только что назначенном) Т. Акматалиеве.

Расстрел мирных демонстрантов в Аксыском районе на юге республики, политическая борьба за освободившиеся места депутатов ЖК, снятие оппозиционных кандидатов с предвыборной гонки привели к массовым демонстрациям населения. Именно тогда появились первые лозунги об отставке А. Акаева.²

Помимо регионального разногласия, что обострило проблему Севера и Юга, в период правления А. Акаева наблюдалось и внутренние региональные противоречия, которые привели к родовым столкновениям.

Несмотря на давление на Кыргызстан со стороны стран ОБСЕ, требовавших, чтобы президент А. Акаев помиловал или каким-то иным способом выпустил на свободу своего бывшего мэра столицы, а ранее министра национальной безопасности генерала Ф. Кулова, произошло прямо противоположное. Ф. Кулов в мае 2002 г. был осужден по трем отдельным обвинениям в хищении и приговорен к отбытию нового 10-летнего срока одновременно с отбытием предыдущего семилетнего срока, за превышение должностных полномочий. Ф.

¹ Countries at the Crossroads 2004. Country Reports. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/countries-crossroads-2004/kyrgyzstan> (дата обращения 12.11.12.) Freedom in the World 2009. Kyrgyzstan. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2009/kyrgyzstan> (дата обращения 12.11.12).

² Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С. 8.

Кулову также было запрещено после освобождения занимать государственные должности¹.

Буквально за полгода до парламентских выборов 2005 г. президента покинул его близкий друг, секретарь Совета безопасности страны М. Аширкулов. Он публично заявил о создании оппозиционного «Гражданского союза за честные, справедливые и прозрачные выборы», в которой также вошли некоторые радикальные и умеренные политики и депутаты. А. Акаев его тут же уволил².

Роль оппозиции особенно значительной была в период 2004 – 2005 гг. Выборы в парламент 2005 г. не только продемонстрировали противостояние власти, но и показали, что процесс формирования политической оппозиции в республике еще далек от завершения, а влияние парламента и партий на общество незначительно.

В период предвыборной компании в начале 2005 г. оппозиция не была объединенной, чтобы составить мощную конкуренцию проправительственным партиям. Сложившаяся обстановка видимо объяснялась личными амбициями ее лидеров, которых больше волновал вопрос о будущем преемнике А. Акаева, нежели проблемы будущего политического устройства страны. Активность оппозиционного движения началась с выступления бывших государственных чиновников против власти. Возможно, здесь сказалась и их амбициозность, так как все они были так или иначе «обижены» и «не согласны» с их увольнением. Р. Отунбаева (трижды министр иностранных дел, вице-премьер, посол в США и Великобритании, доктор философии) возглавила движение «Ата Журт» («Родина»), М. Иманалиев (бывший дипломат, дважды министр иностранных дел) возглавил «Жаны Багыт» («Новое направление»). Но самую

¹ Olcott M. B. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. – Wahington, 1996. – P.9-10.

² Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ.– 2005. – №3(39). – С. 9.

многочисленную (вместе с тем политически аморфную) организацию незадолго до парламентских выборов возглавил экс-премьер-министр и депутат парламента К. Бакиев. Для координации своих действий в предвыборный период «Ата Журт» и «Народное движение Кыргызстана» (НДК), в него входило 9 партий и ряд политических движений) создали Координационный совет движения «Народное единство» под председательством К. Бакиева, которое и пришло к власти после революции. Потенциал этой организации значительно усилили независимые и оппозиционные депутаты парламента страны третьего созыва, среди которых существенную лепту сыграли А. Бекназаров, О. Малеванная, А. Малиев, А. Жапаров, Б. Байкожоев, И. Молдоташев, Т. Балтабаев¹.

Достаточно спорно и многое подвергается сомнению выводы ученых Ф. Толипова и С. Михеева, что личные интересы (а именно, раздел портфелей) новой кыргызской оппозиции, которые стихийно объединились на антиакаевской платформе, превалировали над идеологическими и идейными. Авторы утверждают, разговоры о демократии, свободе слова, борьба за справедливость, модернизация – притянуты и натянуты на кыргызскую оппозицию, как необходимая дань бренду «бархатной революции» и выглядело это как «маскарад»².

Возможно, это будет выглядеть довольно наивно, но, на наш взгляд, мы не исключаем хотя бы мизерного существования и присутствия патриотических идей в сознании оппозиции.

¹ Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С. 13.

² Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 32; Михеев С. Киргизия – жертва дурно поднятой демократии // Политком. ру. Центр политических технологий. 30.03.05 URL: <http://www.politcom.ru/260.html> (дата обращения 31.03.05.)

По данным на 2007 г., в стране насчитывалось 58 политических партий, однако их влиянии на положение дел было незначительным. В целом, в период правления А. Акаева ни одна из них не сумела получить широкой поддержки. В первую очередь, здесь надо выделить, что роль каждой партийной организации определялось ее персонификацией, за которыми стояли целые племена, роды, регионы. Отсюда и представление субъективных интересов племен и родов, регионов, политическая регионализация общества, отстраненность от системных решений. Кроме того, к основным причинам отсутствия полноценного института политической оппозиции в Кыргызстане следует отнести: наличие «ложной оппозиции», которая была задействована в органах исполнительной власти, поэтому для существования вынуждена была сохранять «стаус-кво» в отношении с государством; устаревшие политтехнологии, недостаточная амбивалентность в проведении выборов и поддержки связей с избирателями; человеческий фактор (низкая дисциплина, предательство интересов, идейные расхождения), партийные интересы поставлены на коммерческую основу). Исторический опыт показывает, что при низком уровне массовой поддержки, демократическая оппозиция не может всецело отражать интересы масс.

Оценивая государственную деятельность А. Акаева, мы можем утверждать, что Кыргызстан в этот период был неспособен усвоить демократию, основанную на западной модели. Как утверждает кыргызский политолог С. Кожемякин, именно неправильно выбранная модель демократии, а именно «вестернизация» кыргызского общества (изменение общества под влиянием вызовов западной цивилизации, навязывание чужих западных ценностей) подвела страну к социально-экономическому, политическому, культурному кризису. Согласно его мнению, на рубеже 1980 – 1990 гг., у восточных стран СНГ наблюдалась потеря гражданской идентичности, обновление трайбализма, порождение клановости в государственном управлении, усугубилось социальное расслоение обще-

ства, всеобщая маргинализация населения¹. С. Кожемякин выделяет несколько моделей самобытного развития традиционных обществ, такие как восточноазиатская, исламская, латиноамериканская, евразийская. Также существуют смешанные типы, сочетающие черты самобытного развития и вестернизацию (например, Узбекистан, Туркменистан). Основным объединительным звеном выделенных традиционных обществ послужили немаловажные характерные данные традиционных обществ: превалирование коллективного мышления над индивидуальным, солидарность, высокая степень племенной, родовой идентичности. Поэтому, ученый предлагает ориентироваться в целом на евразийское пространство, развивать идентичность и принадлежность к своей цивилизации, подчеркивая специфику традиционного общества: усиление функций государственного контроля, синтез традиций и инновационных технологий, максимальное сохранение единства общества на основе культуры, традиций и норм. Идеологическим направлением модернизированных традиционных обществ выступают национализм, социализм и фундаментализм. Политическое развитие Кыргызстана, согласно мнению С. Кожемякина, прошло через представленные типы модернизации. Поэтому, представленные западные модели, как формы государственного правления, изначально были направлены на провал государственного правления А. Акаева. Идеологическим вакуумом его политики выступили кланы, регионализм, племенная и родовая идентичность, nepотизм, потестонарно-клиентельные отношения. Постепенно А. Акаев трансформировался в деспотичного правителя.

Рассмотрим как происходил процесс формирования политико-семейного клана, который образовался и развился в период правления А. Акаева, превратившись уже в мощный аппарат в период правления К. Бакиева.

¹ Кожемякин С. В. Особенности модернизации традиционных обществ в условиях глобализации: Автореф.... канд. полит. наук. – Бишкек, 2009. – С.10-15.

Многие постсоветские государства, особенно страны Центральной Азии, начиная с периода независимости, испытывали «бум мифотворчества». Не исключаем, что и Кыргызстан ориентировался на возрождение национального духа. Национальная самоидентификация с обращением к историческим событиям – это объективное явление для всех новых государств, что наглядно проявилось после 1960-х годов в странах Африки и Азии. Еще в начале 1990-х годов Ф. Фукуяма говорил о «пробуждающихся» нациях в советской Средней Азии, отмечая их повышенный интерес к исследованию собственной истории, культуры, философии¹. Данное явление, согласно мнению Ф. Фукуямы, является естественной циклической фазой становления национальной идентичности. Возрождающиеся субкультуры, этнонациональные мифы, исследователь Р. Каракезов объясняет ответной реакцией развивающихся стран на вызовы мировой глобализации².

Процессы мировой глобализации XXI в., вызовы современного мира усилили и обнажили латентные проблемы государств. Актуализация регионального вопроса для Кыргызстана стала новой формой институционализации. Регионы выступили выразителями интересов, нужд, культурной специфики местных сообществ. Данная тенденция затронула даже ведущие мировые державы. Повсеместно возник бурный рост регионального самосознания. Возникло новое краеведение во всех регионах мира. Восстанавливаются те традиции, которые акцентировали внимание к собственным корням. К примеру, в России, как отмечает российский исследователь Н. Петров, возникла довольно новая в мире интерпретация: «брендинг»

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. / Пер. с англ. М.Б. Левина. – Москва, 2004. – С.420.

² Каракезов Р. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – Т. 3. – Вып.1. – С.113-124.

городов и регионов¹. Проводились празднования 300-летия Петербурга, 750-летия Калининграда, 1000-летия Казани и Ярославля, 625-летия Куликовской битвы. На наш взгляд, бурный рост регионализации связан и с процессами глобализации в США. На протяжении нескольких лет выпускалась серия юбилейных четвертаков: монеты достоинством в 25 центов по времени вступления отдельных штатов в США. Каждый год выпускались 4-5 новых монет, и каждая монета являлась эмблемой соответствующего штата. Это способствовало пробуждению интереса к региональному своеобразию страны.

Усиление этнической идентификации в республиках Центральной Азии началось на рубеже 1980-х г. в связи с подъемом национального самосознания и кратковременного ренессанса традиционной культуры. Становление национального самосознания в Центральной Азии сопровождалось возрождением ранее латентно сохранявшихся национализма и традиционализма. Нельзя не указать на то, что национализм оказал свое влияние и на процессы формирования новой власти в рассматриваемых странах. Политика, проводимая местными властями, привела к вытеснению с начала 1990-х годов местных русских практически со всех руководящих должностей, в результате чего освободившиеся места были заняты национальными кадрами, зачастую не имевшими необходимого опыта работы и пришедшими в администрацию благодаря своим родственно-клановым связям².

Большее значение для государственного строительства в республиках региона имел официально проводимый курс на возрождение и укрепление традиционализма, регионализма. После образования новых независимых государств возник идеологический вакуум. Его необходимо было заполнить обос-

¹Петров Н. О регионализме и географическом кретинизме. 13.02.06. URL: <http://polit.ru/article/2006/02/13/petrov/> (дата обращения: 20.04.12)

²Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5(47). – С.122.

нованием исторической миссии государствообразующей нации каждой страны, чему наиболее полно отвечало обращение к традициям патриархально-феодального общества. Руководство всех стран Центральной Азии обратилось к истории как важнейшему источнику стимулирования самоидентификации коренного населения и одновременно для мотивации своих претензий на руководство новообразованным государствами.

Вместе с тем, традиционализм проявился в формирующейся политической системе стран Центральной Азии, где приоритетом выступил родственно-клановый принцип формирования административных органов: «от центра» до самых нижних звеньев. С одной стороны, это обеспечивало жестко централизованную систему руководства страной, способствовало стабилизации политической и экономической жизни в рассматриваемых государствах. С другой стороны, он стал источником коррупции всей вертикали административных органов, замены демократии всевластием бесконтрольных чиновников, связанных круговой порукой вследствие их принадлежности к определенному клану.

Как справедливо отметил польский исследователь П.Залецки традиционализм или «политическая культура связей», является характерной чертой ментальности народов Центральной Азии. Именно политическая культура связей привела к складыванию культа личности современных лидеров, господства семейного клана, доминирующего положения «руководящих семейств». Традиционализм эксплуатировался правящими кругами данных стран в собственных интересах¹. В период суверенитета, вследствие экономической и политической нестабильности в государстве, родоплеменные объединения начали срастаться с государственным аппаратом. Именно в этом случае кланы становятся политическими. Тем самым для кыргызского общества, как и для любого транзитного об-

¹ Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии. – Варшава, 2011. – С. 365–370.

щества, характерно превращение действующих политических институтов на любом уровне в орудие оживления традиций.

Не случайно, в период суверенитета проводились мероприятия, которые так или иначе поддерживали и укрепляли существующую власть. Мероприятия должны были отражать единение народа и национальную идентичность, показать преемственность поколений, развитие традиционного воспитания на основе генетической памяти народа. Предпринимались настоячивые – но не всегда успешные – попытки создания объединительных идеологий с упором на верховенство идеи национальной государственности¹.

Обращение к историческим корням в Центральноазиатских государствах, кроме Туркменистана, носило более взвешенный характер, хотя и в них не обошлось без определенной избирательности в трактовке тех или иных событий и деятельности наиболее выдающихся личностей эпохи средневековья. Исторический экскурс способствовал укреплению идей государственности, торможению процессов «размывания» национальной идентичности².

В Центральной Азии, как и в средние века, предпочитали обращение к периодам истории, которые подчеркивали могущество и героизм народа. Так, к примеру, узбекского президента И. Каримова генеалогически связали с родом Тамерлана. Практически все выступления И.Каримова дублируются изречения средневекового правителя. Создались приемлемые “генеалогии” для президента Казахстана: Н. Назарбаев был объявлен потомком батыра Карасая, борца за “государственную независимость” Казахстана. В Туркменистане появилась книга “Рухнаме”, где туркменбаши С. Ниязов представлен, как пото-

¹ Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. – М., 2000. – №1(8). – С. 102

² Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5(47). – С.123.

мок А. Македонского¹. Кыргызский президент А. Акаев, оказался прямым потомком кыргызского родоправителя Шабдана. Как внешние наблюдатели, можем комментировать возникшую в странах ситуацию в качестве некоего социально политического курьеза и исторического анахронизма, выходящего за пределы здравого смысла.

Трагичность возникшей ситуации усиливается тем обстоятельством, что в правящих элитах началось откровенное генеалогическое соперничество. "Генеалогические древа" президентов сохраняли актуальность. Генеалогическое происхождение чиновников оценивалось на политическом поле по бинарному и иерархическому принципам: южанин - северянин, старший жуз – средний жуз, горный таджик – равнинный таджик, член семьи – не член семьи, "белая кость" – "черная кость" и т.п.². Данное утверждение позволяет вскользь затронуть феномен неовосточного деспотизма в контексте сложного переплетения новых национальных традиций, модернизированных советской психологией, мифологией, непримиримым трайбализмом и своеобразием исторической преемственности.

С первых дней обретения независимости в стране проводятся грандиозные празднества и юбилеи, появляется возможность исключительного роста устного народного творчества, появлению разночтений родословия кыргызов. В первую очередь, это выразилось в воссоздании социального интереса к героическому эпосу «Манас». Неотъемлемой частью инициированных правительством и поддержанных народом пышных юбилейных торжеств, стало празднование 1000-летия эпоса

¹ Кадыров Ш. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе // Вестник Евразии. – М. 2001. – №2. – С.5-32; Кадыров Ш.Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07)

² Кадыров Ш.Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07)

«Манас». Данное мероприятие подчеркивало избранность власти, ее авторитет, а также восполнило пустующую нишу «морально-психологического кризиса» общества. В результате, постепенно, лояльность населения Кыргызстана к А. Акаеву возросла. Апогеем проявленного традиционализма послужило формирование новой национальной идеи и морального кодекса народа – «Семи заповедей Манаса».¹ Идеология, основанная на эпосе «Манас», стала выразителем интересов целого этноса. В условиях политических реалий 1990-х годов, обращение к «Манасу» было естественным и вынужденным мероприятием.²

В числе крупномасштабных мероприятий республики можно назвать курултай (съезд) этнических кыргызов, празднование в 2003 году 2500-летия кыргызской государственности. Их цель возвращение людям исторической памяти, увековечивание образов лучших сынов и дочерей кыргызского народа.

В современных условиях актуализировалась генетическая память коллективной солидарности. Ярким примером ренессанса явилось создание историко-родословных обществ, проведения конгрессов, съездов, конкурсов международного, республиканского, регионального масштабов (Кабардино-Балкарский генеалогический конгресс 2000 г., республиканский конкурс «Моя родословная» 2002 г., съезд однофамильцев Северного Кавказа)³. У северо-кавказских народов продолжали культивироваться формы искусственного родства – институт аталычества. Российский исследователь И. Бабич отмечает позитивность родственной солидарности в возрождении этнической культуры – развитие системы традиционного воспита-

¹ Бейшембаева А. Кыргызстан: менталитет общества и модернизация // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №5(35). – С. 160.

² Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997. – С.33-34.

³ Бабич И. Клановая структура общества и ее влияние на современную политическую ситуацию (на примере Северо-Западного и Центрального Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №1(425). – С.40-43.

ния. Однако, при этом, она предостерегает общество в актуализации nepoтизма и преобладании родственного критерия над личностным.

Наряду с идеализацией прошлого, в сознании кыргызов происходит "естественный отбор" только тех традиций, которые так или иначе имели защитную роль: всплывают устойчивые институциональные механизмы и формы проявления социальной памяти, созданные кочевым обществом на протяжении веков и ярко воплощенные в родовых отношениях.

Кроме того, в этот период наблюдается тенденция доминирования в составе кыргызской элиты представителей коренной нации, которая в своем роде способствовала усилению внутренней дифференциации по родоплеменной принадлежности. Влияние оказывало преобладание в политической элите выходцев из сельской местности, являвшиеся в своем роде резервуаром сохранения традиционной культуры. Именно сельская глубинка стала после обретения независимости творческим вдохновителем кыргызской идентичности.

У значительной части титульного населения в государствах Центральной Азии историко-культурная и этническая самоидентификация произошла по ряду параметров. Восстановление, создание или актуализация некоторых культурных и мировоззренческих ориентиров, которые, являлись действительно традиционными, были отеснены советскими ценностями, из официально существующей, как неприемлемые. Иные же традиции и историко-культурные нормы, удовлетворяющие новые власти, поскольку они придавали принципам государственного управления историческую и традиционную легитимность были реконструированы и реставрированы, превратились в этнокультурные нормы. Своего рода стимуляция исторически и реально существующей этнокультурной традиции отражала стремление властей волюнтаристским образом создавать для себя приемлемые этнические характеристики и признаки населения, предоставила ей возможность контролировать и управлять этнокультурной и мировоззрен-

ческой ситуацией в государстве. Среди традиционных качеств, актуализированных в последнее десятилетие, особенно характерно усиление регионально-племенных отношений, произошедшее в результате “регенерации” патриархально-феодальных традиций, и наиболее отчетливо проявляющих себя во внутренних взаимоотношениях представителей властных структур. Официально признаются бесполезными, но фактически легализованы во всех странах Центральной Азии без исключения, поскольку поддерживают удобную для режимов жестко структурированную среду круговой поруки.

Показательным, для этих новых тенденций стало то, что в новейший период истории этих стран произошла латентно практиковавшаяся и в советское время, традиция т.н. “междинастийных браков”. Начало возрождения этой традиции положил брак дочери президента Казахстана с сыном президента Кыргызстана. Рядовыми обывателями, как в скрытой, так и в официальной форме, эта традиция воспринимается как возрождение старого института союзов, основанных на кровно-семейном родстве. Клановость и семейственность с самого начала проникла во все сферы, начиная с этатизма и патернализма в структурах власти, заканчивая сферой мелкого бизнеса. А. Акаев своим поведением подавал отрицательный пример окружению и родственникам. Здесь уместно отметить скромность проведения семейных торжеств у президента Узбекистана И. Каримова¹.

Показательно предложение А. Акаева о придании официального статуса институту аксакалов (старейшин) – традиционным старейшинам айлов. Знание своих предков до седьмого колена и своего племенного родства («жети ата») и сегодня играет в жизни кыргызов важную роль. Хотя значение таких традиционных для кыргызского общества ценностей, как «жети ата» или умение детально разбираться в племенной струк-

¹Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4 (46). – С. 19-20.

туре, несколько уменьшилось, это отнюдь не значит, что в кыргызском обществе племенная принадлежность потеряла значение. Солидарность с другими членами своего племени (если не говорить о политическом и экономическом фаворитизме) ярче всего проявляется у сельских жителей. Однако, в процессе проведения политических выборов в государственные органы, племенная и родовая принадлежность играет важную роль и в городах.

В образованных суверенных государствах в конце 90-х годов XX в. возник новый тип элитных групп – политико-семейный клан. Ведущим звеном политико-семейных кланов стала сравнительно узкая группа представителей политической элиты национального и регионального уровня¹. Эта группа была тесно сплочена системой непосредственно личностных (дружественных, этнических, земляческих) или деловых (профессиональных, имущественных, административных и т.д.) взаимоотношений. Влияние каждого из этих факторов в конкретных клановых структурах может быть различным, но во всех случаях семейно-родовые и племенные отношения имели фундаментальную ценность. Кроме ключевых государственных постов, Семья также активно была задействована в различных финансово-экономических, общественных фондах, проектах, сообществах. Существенное влияние оказало контролирование Семьи контрольными пакетами и акциями СМИ, которое способствовали продвижению членов Семьи на ответственные государственные посты республики (члены правительства, парламентарии и т. п.). Впервые, политико-семейный клан стал отождествляться с семьей президента России Б. Ель-

¹ Горак С. Трансформация идентичности среднеазиатских элит. Традиция и современность//Доклад круглого стола «Проблемы трансформации идентичности общества и личности на постсоветском пространстве». – Пермь, 4-5 июля 2005. URL: <http://slavomirhorak.euweb.cz/bibliography-ru.htm> (Дата обращения: 15.05.13)

цина, куда кроме близких родственников включили близкий круг его общения¹.

В конце XX в. политико-семейные кланы фактически имели почти полную монополию на политическую и экономическую власть в «своих» этнических регионах. Ближайшими клиентами глав неформальных группировок, как правило, являлись областные губернаторы – «акимы». Их влияние резко усилилось после конституционной реформы 1994 г. Укрупнение избирательных округов дало дополнительную возможность контроля Семьи над местным политическим, бюрократическим аппаратом. Как правильно отметил исследователь В. Ханин, в руках клановых лидеров сконцентрировались почти все категории властных ресурсов – от неформального механизма мобилизации этноплеменной лояльности до контроля над электоральным процессом и местной администрацией.² П. Залецки, концентрацию власти в руках президента и его клиенты назвал «деградацией режима»³. Монополия политических кланов на власть в регионах была убедительно продемонстрирована в ходе выборов местных органов власти.

Клан близких родственников экс-президента А. Акаева, входящий в политическую элиту Кыргызстана, представлял скрытый симбиоз родственной политической элиты и крупного финансового бизнеса. П. Своик, данное явление обозначил термином «экономика племянников». К примеру, сюда можно отнести дочь президента – Б. Акаева. С 2003 г. она – официальный куратор-координатор проекта фонда "Ага-Хана" в Кыргызстане (строительство Центральноазиатского университета в г. Нарын), с 2005 г. депутат Жогорку Кенеша. Ее муж А. Тойгонбаев с 1997 г. контролировал значительной отраслью республиканской экономики Кыргызстана: авиация, энергетика,

¹ Ельцин Б.Н. Президентский марафон. – М., 2000. – С. 259.

² Ханин В. Кыргызстан: этнический плюрализм и политические конфликты // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.159.

³ Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии. – Варшава. – 2011. – С. 253.

сетевые коммуникации, сеть ликеро-водочной промышленности, частное телевидение, периодическое издание республики "Вечерний Бишкек". Сын А. Акаева – Айдар в 1999 – 2001 гг. – директор представительства ОАО "Казкоммерцбанк" в Кыргызстане, в 2001 г. – советник министра финансов республики. В 2004 г. был назначен на должность председателя Олимпийского комитета, в 2005 г. был избран депутатом Жогорку Кенеш. Пользовался большими полномочиями односельчанин М. Акаевой, глава президентской администрации, экс-губернатор Иссык-Кульской области Т. Касымов.

В период правления А. Акаева наиболее влиятельными и перспективными были роды севера Кыргызстана – сарыбагыш, кушчу, солто, тынай, саяк, бугу, саруу. Среди наиболее влиятельных представителей были А. Акаев и его ближайшее окружение. Чуйский клан во власти был представлен наиболее влиятельными представителями: М. Аширкулов, И. Бекболотов, Ч. Абышкаев, К. Кожоналиев, Ф. Кулов. Сферы влияния клана распространялись на органы прокуратуры, силовые ведомства, Совет безопасности. Таласский клан во власти был представлен родами кушчу и сару. Среди наиболее влиятельных представителей известный писатель Ч. Айтматов, министр иностранных дел А. Айтматов. Сферы влияния ближайшего окружения М. Акаевой были: СМИ, банковская сфера, правоохранительные органы. Среди наиболее влиятельных представителей нарынского клана (роды сарыбагыш, саяк) во власти были бывший первый секретарь ЦК КП Кыргызстаа Т. Усубалиев. Сферы влияния нарынского клана: губернаторы областей, политическая элита среднего звена. Иссык-кульский клан (губернаторы областей, МИД, наука, культура, искусство) во власти представлен родом бугу. В Южном Кыргызстане проживают две группы с самоназванием ичкилик и отуз уул. Юг страны густонаселен, но русского населения здесь мало. В советский период, знание русского языка являлось в кыргызской среде существенным условием к приобщению к европейской цивилизации, что всегда являлось немаловажным фактором при

продвижении по иерархии государственной власти. Кадровая политика, которую проводил Т. Усубалиев в 60-80 годы XX в., будучи первым секретарем ЦК Компартии Киргизии, не способствовала вхождению в политическую иерархию представителей южных регионов. В период правления А. Акаева, представители южных регионов также были слабо представлены в высших эшелонах власти. В политической элите клан ичкилик представлен немного больше, нежели выходцы из рода отуз уул.

Законодательное собрание фактически превратилось в орган региональной власти. С другой стороны, члены таласского и других северных кланов, родоплеменная элита сарыбагыш и его «либерально-демократические» соратники в основном концентрируются вокруг президентской администрации и правительственных органов. Такое разделение, в сущности, и лежит в основе регулярно обостряющегося конфликта между «прогрессивным» президентом и «консервативным» парламентом. Наиболее крупный конфликт (осень 1994 г.) был связан с деятельностью комиссии по расследованию коррупции в органах законодательной и исполнительной власти. В итоге противостояния был распущен Жогорку Кенеш и проведен референдум, который вручил А. Акаеву полномочия на проведение конституционной реформы.

Помимо региональных лидеров, заметна и роль нижних сегментов клановых структур. В них, наряду с представителями общинно-родовой, религиозной и бывшей номенклатурно-бюрократической элиты, появилась «новая плутократия». Речь в первую очередь идет о деятелях частного бизнеса, которые, как и в других государствах СНГ, вынуждены существовать в условиях рыночной экономики, где по-прежнему огромную роль играет бюрократический аппарат. Предприниматели вынуждены были искать покровительство среди чиновников и политиков различного ранга, которые обеспечили бы доступ к госконтрактам и другим ресурсам в обмен на соответствующие экономические услуги. В то же время заметно продвижение

бизнесменов на более высокие этажи клиентельно-клановой иерархии: они заинтересованы в формализации своего статуса, в том числе и по соображениям личной и политической безопасности. Одним из оптимальных вариантов решения этой проблемы являлось работа в государственных органах, а это предоставляло им широкие возможности.

Таким образом, неформальные политические институты объединяют правящие группы различного происхождения. В этом смысле кыргызские политические кланы, как продукт «общественного синтеза» традиционно-феодалных отношений и советской партийно-номенклатурной государственно-бюрократической системы, продемонстрировали свою гибкость и в постсоветскую эпоху. Вместе с тем социально-политические функции клановых структур не исчерпываются рамками верхушечных политических конфликтов. Распределяя (по этнорегиональному принципу) совокупный общественный доход в рамках господствующего слоя, клановые структуры в тоже время, с определенными ограничениями, допускают к ресурсам «власти-собственности» и более широкие категории «своего» общества. Соответственно, на массовом уровне лидеры клиентельно-клановых структур выступают в качестве «этнических патронов», персонифицируя весь комплекс этносоциальных ценностей и интересов, «замыкая» на себе большинство формальных и неформальных связей. Президент «не прошел» в этап социального балансирования дуального общества, двух культур; не взрастил «искусственный клан», для которого поддержка его режима была бы насущным вопросом. В итоге это привело к краху его 14-летнего правления. Клан мог бы состояться из симбиоза чиновников, политиков и предпринимателей, которые целиком зависели бы от президентской власти.

После обретения независимости влияние традиционных социальных связей на политические процессы в регионе стало особенно заметным. Трайбализм становится центральным элементом внутренней политики.

Всплеск трайбализма в конце 80-х гг. XX в., прежде всего связан с экономическими кризисами и застоями, что для многих сопровождалось борьбой за выживание. В таких условиях родовая взаимопомощь между членами рода становилась незаменимой. В дальнейшем, охватывая все новые и новые стороны общественной жизни, этот феномен особенно обнажился в процессе строительства современного Кыргызстана. Именно в трайбализме «находится то, что в течение тысячелетий сохранило самобытность и самостоятельность кыргызов» и что «может составить стержень современного общественного устройства и духовной жизни возрождаемой нации»¹. Основная масса людей, увлеченная идеей «возрождения нации», относилась к нему как возвращению традиционного «журтчуулука» (общности), издревле стремящегося к сплочению. Однако надо отметить, что трайбализм почти всегда выражал или защищал интересы этнорегиональной идентичности или его подразделения, а не народа в целом². Поэтому в настоящий период, на наш взгляд, будущая экономическая и социальная политика государства должна исходить из учета исторических ошибок народа.

Одновременно с возрождением трайбализма и клановости обнажились коррупция, nepотизм и местничество, что естественно препятствовало демократическому развитию государства, становлению самоответственного человека-гражданина. Этнические меньшинства, не включенные в эти социальные связи, автоматически оказались в тисках неформальной дискриминации. Правящие элиты вступили в скрытую, иногда и в открытую фракционную борьбу. Многих представителей титульной нации она увлекла лозунгами укрепления национальной государственности, повышения политико-правового статуса Кыргызстана, возрождения этнической

¹ Чотоева Ч.Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – С. 38-39.

² Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.148.

культуры и ценностей. Надо отдать должное умению нынешней элиты Кыргызстана лавировать и комбинировать.

В политической сфере развития государства с проявлениями трайбализма кыргызская общественная практика столкнулась, во время выборов народных депутатов и руководителей трудовых коллективов из альтернативных кандидатов. После распада СССР к власти пришли представители коммунистической элиты. С провозглашением суверенитета своих республик они начали проводить в жизнь политику перемен.

В настоящее время духовная культура кыргызов сохранила в себе черты традиционности. Как показывают исследования, современная политическая система республики является более демократичной и модернизированной в сравнении с тоталитарной политической системой недавнего прошлого. Однако политическая культура Кыргызстана эволюционирует в обратном направлении, характерном для традиционного общества. Причина заключается в том, что политическая культура не представляет целостную систему, каковой является традиционная, транслирующая на индивида опыт предшествующих поколений. Вследствие чего в сознании общества вообще, и в политическом сознании, в частности, возобладали тенденции, что и определили мартовские события 2005 г.

Период суверенитета и независимости Кыргызстана способствовал культурной реабилитации и легализации традиционализма, национальной идентичности. Это создало благоприятные условия для возникновения и усиления кыргызских политико-семейных кланов. Политическая элита республики не смогла принять новые либеральные ценности, а потому утратила самоактуализацию и самоуважение. Традиционный тип устройства находился в генетическом родстве с историей большевистских идеалов, поэтому усиленно реставрировался бывшими лидерами республиканских Компартий – президентами независимых государств Центральной Азии.

3.2. Мартовская революция 2005 г.: причины и итоги

Процесс глобализации XXI столетия охватил все мировое пространство. Социально-экономические, политические, культурные кризисы, новые поиски собственной идентификации коснулись даже ведущих мировых держав. Вызовы современного мира, неустойчивость и шаткость проводимых реформ, вынудили искать новые пути адаптации. Поэтому принципы глобализации определяются степенью адаптации и трансформации собственной культуры к интегрирующему миру. Интеграция стран в мировое сообщество выражается специфически. Здесь надо учитывать историко-культурный подход, выработанный данными странами. Необходимо отметить, что в восточных странах процесс глобализации в начале XXI в. принял более актуальные формы. На фоне столкновения западного демократического влияния и местного восточного деспотического режима, в целях самосохранения выработались и появились собственные пути государственного и культурного строительства. В первую очередь сюда надо отнести суверенизацию стран СНГ, которая привела к высокой степени национальной идентификации, а вместе с тем и возрождению ее негативных сторон: этнического культивирования архаичных традиций, трайбализма и землячества, клановости и nepoтизма, патриархально-клиентельных отношений, возведению в ранг государственной политики родства и кумовства, этнорегиональной идентичности. Постепенно, в противовес народным массам, государственная политика Центральных Азиатских государств, стала неотъемлемо связана с интересами крупных кланов и семейств. Выросла обособленность и закрытость элиты, что в итоге привело к созданию крупной высокоорганизованной, финансовообеспеченной прослойки, достаточно доступной ко всем ветвям государственной власти – клановой системы. Увеличилось степень огромных миграционных потоков.

Социально-экономическая нестабильность восточных государств провоцировала политическую активность народных

масс. Повсеместно происходят народные реакции на вызовы, поставленные запросами и требованиями техногенной цивилизации. Сеть повсеместных протестных движений современного столетия стала не менее актуальна в современный период. Процесс ее консолидации и корпоративного объединения несогласных с политикой государства результат государственных, социально-экономических и идеологических кризисов.

Протестные движения к. XX – XXI в. под названием «бархатные революции» прошли волной в различных участках земного шара. Начиная с Восточной Европы к. XX в. и заканчивая современным периодом XXI в. в арабских странах. Ярчайшим примером послужили революционные события в Чехословакии в 1989 г., в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 г., в Ливане в 2005 г., попытки революционного выступления в Белоруссии в 2006 г. и Армении в 2008 г., в Молдавии в 2009 г., в Египте в 2012 г. Кыргызстан, один из всех государств постсоветского пространства дважды испытал революционное выступление масс в 2005 г. и 2010 гг. Данные революционные преобразования определили новый цикл изучения истории, открыли новейшую страницу в становлении государственности. Известный кыргызский писатель Ч. Айтматов, произошедшие в странах СНГ цветные революции назвал взрывом «экстремальной демократии»¹.

Революции начала XXI в. условно можно систематизировать. Исследователи отмечают схожие параллели и различия политических событий современного столетия. Конечно, главные отличия заключались в геополитическом расположении государств, особенностях политической культуры (Западные страны – Центральная Азия (постсоветские государства) – арабский Восток). Протестные движения характеризуются следующими специфическими факторами: 1) Массовые народные выступления, поддерживаемые оппозицией, после прове-

¹ Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий. // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С.22.

дения очередных выборов в органы законодательной власти. В Кыргызстане были блокированы основные транспортные коммуникации, связывающие географически север и юг Кыргызстана. Главными политическими технологиями выступают митинги, демонстрации, забастовки, голодовки. Основное требование масс направлено против авторитарного управления государством¹. На арабском Востоке, что совершенно не характерно, женщины стали принимать активное участие в выступлениях; 2) изначально революционные события носят мирный характер. Однако в Кыргызстане в апреле 2012 г. в ходе народного выступления погибло более 100 человек; 3) слабость власти, сдержанность силовых структур. Хотя в Грузии (2003 г.) и Кыргызстане (2012 г.) наблюдалось давление органов силовых структур; 4) геополитические интересы развитых стран, в особенности мировых военных блоков. Присутствие финансовой и идеологической поддержки; 5) для придания особенных и специфических черт протестным движениям, присутствие символики и обозначений «бархатных революций». К примеру: «Кмара» в Грузии (наличие символики «роза»), «Пора» на Украине (присутствие оранжевого цвета), «Отпор» в Югославии (изображение сжатого кулака). В символике мартовской революции 2010 г. в Кыргызстане присутствовал «тюльпан». Согласно мнению Ф. Талипова, данные символики и названия революционных выступлений целенаправленно отвлекали внимание общества от наиболее острых проблем страны².

Российский эксперт З. Тодуа проводит четкое различие политических событий Кыргызстана в 2005 г. и 2010 г. от дру-

¹Байматов Б. Специфические местные аспекты «гражданского общества» в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4(46). – С. 27; Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С.25.

²Талипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 36-38.

гих стран. Специфика заключалась в инициировании политических преобразований регионами Кыргызстана¹.

Вызывает большой интерес оценка и выявление основных причин революций XX – XXI вв. В результате изучения и систематизации причин, мнения специалистов разделяются на сторонников внешних и внутренних факторов. Однако, на наш взгляд, главными причинами революционных преобразований нового тысячелетия выступили внутренние социально-экономические проблемы. К примеру, российский политолог С. Белковский при изучении внутренней мотивации протестных движений в странах Содружества, из 10 базовых факторов «цветных революций», девять из них признал внутренними экономическими процессами². Сюда относятся: замкнутая вертикальная мобильность; кризис легитимности режима; серьезные внутренние противоречия правящей элиты; наличие сильной оппозиции; нерешенность региональных и этнических проблем; слияние крупной бюрократии и политической элиты; внешняя заинтересованность в смене режима; кризисная экономическая ситуация. Предложенная схема достаточно спорная и сложная, но заслуживает положительной оценки.

Для выявления причин мартовских событий 2005 г. в Кыргызстане, по нашему мнению, целесообразно последовательно и поэтапно рассмотреть причины революций. Хотя, в целом, причины революций в Кыргызстане 2005 г., частично не совпали с выделенными факторами мировых революций в современных цивилизациях³.

Фактор конституционного кризиса. В течение 15 лет независимости, которые пришлось на период правления А.

¹ Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. - №4 (46). – С. 25.

² Белковский С. Рейтинг претендентов на революцию // Агентство политических новостей. 17.05.05 URL: <http://www.apn.ru/news/print6755.htm> (дата обращения 28.08.05)

³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С.43.

Акаева, в Конституцию Кыргызской Республики пять раз были внесены изменения и дополнения, которые усиливали полномочия президента (май 1993 г., 1996 г., 1998 г., февраль 2003 г., февраль 2005 г.)¹.

Конституция суверенного Кыргызстана была принята 5 мая 1993 г. на 12-й сессии Верховного Совета Кыргызской Республики. Согласно мнению З. Курманова, крах политического режима А. Акаева в 2005 г., кроме социально-экономических причин, был обусловлен избирательными нормами Конституции Кыргызской Республики от 3 февраля 2003 года. В новом проекте Конституции референдумом было принято решение отказаться от двухпалатного парламента. После редакции Конституции 2003 г. оппозиция обвинила А. Акаева в узурпации власти. Проведенные в 2005 г. в Кыргызстане на ее основе парламентские выборы только подтвердили ее недееспособность. Согласно редакции Конституции Кыргызстана 2005 г. власть была сконцентрирована в руках президента. Положения основного закона были направлены на защиту и укрепление режима личной власти главы государства. Профессор выявляет факты правонарушений при проведении парламентских выборов в феврале 2005 года, указывает на факты давления на общественность, СМИ, использования административных ресурсов проправительственными партиями и организациями. В результате фальсификации парламентских выборов 2005 г., в парламент прошла партия «Алга, Кыргызстан» («Вперед, Кыргызстан») в составе которой находились представители семьи президента (дети А. Акаева – Айдар и Бермет)². Это вызвало масштабные протесты народных масс по всей республике. Фактически, парламентские выборы 2005 г. состоялись по ро-

¹ Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. И крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С.9–11.

² Расов С. Конституция Кыргызстана: плюсы и минусы // Информационный сайт политических комментариев. 04.05.10.URL <http://www.politcom.ru/10045.html> (дата обращения 8 апреля 2012 г.)

доплеменному принципу, что обострили борьбу кланов, предопределили революцию 24 марта 2005 года. В итоге, политический кризис 2005 г. закончился бегством А. Акаева из страны.

Социально-экономический фактор. Оценивая деятельность А. Акаева надо сравнить экономическое состояние государства, до его правления и после. К приходу А. Акаева к власти в Кыргызстане еще сохранялось советское наследие: развитая промышленность (горнодобывающая, энергетическая, перерабатывающая, пищевая), гидроэнергетический потенциал, высокорентабельное сельское хозяйство (земледелие, животноводство). Со временем Кыргызстан превратился в страну с низким уровнем доходов на душу населения, в периферийный придаток мировой экономики. В 2004 году ВВП на душу населения составлял 432,9 доллара США.

В течение периода суверенитета страна жила в условиях усиливающихся процессов деиндустриализации и безработицы. В связи с их закрытием, отечественная промышленность потеряла 29 крупных предприятий, на которых работало свыше 100 тыс. рабочих. Находившаяся в схожих условиях Белоруссия наоборот увеличила доставшийся от советской эпохи промышленный потенциал и по Индексу развития человеческого потенциала занимала первое место среди стран СНГ. Валовая продукция промышленности в 2006 г. понизилась на 2,4 % (в 2005 г. доля промышленности в ВВП составляла 17,3%, в 2006 г. – 14,9%)¹. В целом, на среднесрочную перспективу, страна потеряла возможность использования промышленности в роли локомотива развития экономики.

Введенная национальная валюта (сом) в мае 1993 г. для защиты внутреннего рынка от экономического спада, привела к спаду объема экспорта национальной продукции на 30%².

¹ Омаров М.Н. Кыргызстан: дыма без огня не бывает (О некоторых больших проблемах маленькой страны). 04.04. 07. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1030653720> (дата обращения 08.10.07.)

² Выбор Центральной Азии в цивилизационном пространстве. – Бишкек: Илим, 1996. – С. 116.

Кыргызстан – аграрная страна, где 60% населения проживают в селе. Историко-культурное, географическое развитие страны предназначено для развития и доминирования в экономике страны земледельческого и животноводческого хозяйства. Реформы 90-х годов прошлого века в сельском хозяйстве превратили его из крупного колхозного и совхозного производства в мелкотоварное (более чем 300 тыс. мелких фермерских хозяйств). В 2006 году в Кыргызстане доля сельского хозяйства в ВВП составила всего 29%. В результате, Кыргызстан лишился возможностей экспортировать сельскохозяйственную продукцию на внешний мировой рынок. Следует обратить внимание также и на негативное воздействие сельского хозяйства на использование трудового потенциала страны. Как отмечал политолог Н. Омаров, в Кыргызстане сложился сервисно-аграрный тип экономики, характеризующийся сочетанием архаики и современности. По данным национальной переписи населения Кыргызстана 1999 г. доля экономически активной части населения в возрасте от 15 лет и старше, занятого в сельском хозяйстве составила 75,3% от всего занятого населения страны¹. Доля аграрного сектора занятости в 2006 г. гораздо выше (41,2%), чем его доля в ВВП (29%). Это говорит о том, что три четверти его экономически активного населения производят менее одной трети ВВП². Крайняя узость внутреннего рынка, вызванная в первую очередь низким внутренним спросом, низкой покупательной способностью населения страны, большая часть которого находилась в состоянии перманентной бедности, вела и к другим негативным последствиям. В итоге экономика подобного рода оказалась не способна вывести страну из кризиса. Мировой опыт развития стран третьего

¹ Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/census.pdf> (дата обращения 08.04.13).

² Омаров М.Н. Кыргызстан: дыма без огня не бывает (О некоторых больших проблемах маленькой страны). 04.04. 07. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1030653720> (дата обращения 08.10.07.)

мира второй половины XX в. свидетельствует, что другим странам Центральной Азии, схожие по своим экономическим параметрам с Кыргызстаном, удалось добиться значительного экономического роста за счёт ускоренного развития аграрного сектора.

Ситуацию усугубила зависимость экономики от энергоресурсов других стран, заставившая государство тратить существенную часть скудных ресурсов на закупку газа и нефтепродуктов.

Экономический кризис в государстве, естественно, породил и проблемы социального характера: бедность, безработицу, внутреннюю и внешнюю миграцию, всеобщую маргинализацию). В 2005 г. в стране существовало огромное количество бедного населения, составляющего по разным данным до 70% всех её жителей. По данным переписи населения 1999 г. 55,6% экономически активного населения Кыргызстана относилось к числу безработных¹. В период правления А. Акаева республика лишилась хорошего кадрового потенциала. Колоссальный разрыв в производительности труда, аграрное перенаселение, безработица привели к массовой внешней и внутренней миграции. К примеру, с 1991 по 2001 гг. Кыргызстан покинуло около 600 тыс. чел.². Среди потока внешней миграции преобладало русскоязычное население, численность которых варьировалась от 44,9% до 63,9%. Доля кыргызов не превышала 7,4%, пик которого пришелся на 1991-1993 гг. Преобладали и внутренние миграционные процессы: с 1996 по 2000 гг. доля межобластных миграций составила 60%, внутриобластных – 40%. Самый высокий уровень межобластной миграции был за-

¹ Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/census.pdf> (дата обращения 08.04.13.)

² Киргизия (2006 г.) Трудовая миграция в Киргизии // Страноведческий каталог «ECONRUS» URL: <http://catalog.fmb.ru/kirghizia10.shtml> (дата обращения 08.04.13.)

регистрирован в Нарынской (84%) и Баткенской (70%) областях¹.

Не вызывает сомнения, что социально-экономические условия страны – спад уровня жизни населения, нищета, коррупция, обострение общественно-политической ситуации, родственно-клановый характер общественно-политических отношений в стране – все это способствовало крушению режима А. Акаева. И. Звягельская справедливо отмечает, что именно социально-экономические факторы подтолкнули традиционные родовые и региональные группировки к активизации политической борьбы².

Региональный фактор. Трайбализм. После окончания мартовской революции 2005 г., известный кыргызский писатель и дипломат Ч. Айтматов призвал общественность обратить внимание на соперничество регионов «север – юг». На тот момент, это была одна из актуальных и серьезных проблем Кыргызстана. Действительно государственная политика А. Акаева недостаточно внимания уделяла проблемам регионов республики, в особенности густонаселенной территории Ферганской долины. Представительство во властных структурах южного региона республики оказалось в значительном меньшинстве, что и обусловило крайне негативное отношение представителей этого региона к проводимым демократическим реформам президента.

Фактически, проблема регионов присутствует во всех государствах, в том числе и на постсоветском пространстве. Ре-

¹ Киргизия (2006 г.) Трудовая миграция в Киргизии // Страноведческий каталог «ECONRUS» URL: <http://catalog.fmb.ru/kirghizia10.shtml> (дата обращения 08.04.13.)

² Лузянин С. «Цветные революции» в Центральноазиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5 (41). – С.7–20; Бусыгина И. Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза: Концептуальные и прикладные аспекты. Автореф. дисс. ...докт.полит.наук. – М, 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-rol-regionov-v-strukture-evropeiskogo-soyuza-kontseptualnye-i-prikladnye-aspe>. (дата обращения 08.07.13.)

гионы характеризуются географической общностью, этнической и языковой спецификой, конфессиональной, историко-культурной общностью населения, общей хозяйственной культурой, внутренней целостностью, специфичностью или самобытностью.

Актуализация проблемы регионов в государствах связана со следующими причинами:

1. В связи с тем, что проблемы национальной идентификации не решаются государством, основными акторами действующей государственной политики, становятся регионы. В процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровнях появляются новые институциональные формы – регионы.

2. Ключевыми фигурами политического диалога, посредниками и стабилизаторами между государством и местным сообществом, городом и государством, центром и периферией выступают регионы. Именно они становятся выразителями интересов, нужд, культурной специфики местных сообществ. Для действующего гражданина с ярко выраженной региональной идентичностью, повышается значимость собственной субкультуры, истории. Повышается роль городов регионального значения.

3. Процессы глобализации, модернизации, вызовы современного мира, создают необходимые условия для выдвижения на главную роль региональных элит, увеличивают и подчеркивают их стержневую позицию в государственной политике. Важно подчеркнуть, что наблюдается высокая степень и выраженность региональной идентичности у населения. На фоне актуализации регионов выдвигаются вперед региональные властные институты, элиты с определенными компетенциями, происходит персонификация политических партий. В данном случае, мы извлекаем преимущества из административного деления страны. Таким образом, остроту вопроса надо рассматривать в геополитической плоскости: закономерность распределения и перераспределения сфер влияния, вплоть до

представительства региональных элит во властных структурах.

Отметим, что границы регионов не всегда могут совпадать с административно-территориальными границами государства. Процесс регионализма не тождественно сепаратизму, как феномену разрушительного, негативного характера. Важно понять, что регионализм в отличие от сепаратизма нейтрален и не несет в себе деструктивный потенциал. Достигая своих крайних проявлений регионализм может переходить в сепаратизм. Однако, зачастую региональные элиты, термину «регионализм» придают окраску политической, экономической децентрализации и сепаратизма.

Американский исследователь М. Китинг для устоев нашего общества отмечал консервативный тип регионализма (закрытый, уходящий корнями в традиционное общество, отрицающий модернизацию) и – этнический (национальный) регионализм, переходящий в сепаратизм. Существует и современный регионализм, воспринимающий регион как сообщество относительно автономного характера¹. Именно этот регионализм пытается не отделить, а связать глобальное с локальным.

В современный период существенный вклад в исследование проблем регионалистики постсоветского пространства, внесли российские и украинские исследователи, которые своевременно среагировали на результаты протестных движений современности².

¹ Китинг М. Новый регионализм // Логос. – 2003. – №6(40). – С. 110-113.

² Бусыгина И. Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза: Концептуальные и прикладные аспекты: Автореф... д-ра полит. наук. – М, 2001; Докучаев Д.С. Конструирование региональной идентичности в современных условиях глобального мира (системный подход в интерпретации) // Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения. – Бишкек, 2013. – С. 417-423; Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – №4. – С.40; Петров Н. О регионализме и географическом кретинизме.

Уровень региональной идентичности у кыргызов проходит по линии естественного географического разделения страны на север и юг. Сюда можно включить семь областей Кыргызстана (Иссык-Кульский, Чуйский, Таласский, Нарынский, Ошский, Джалалабадский, Баткенский) соответствующие историческому региональному размежеванию. Они отличаются друг от друга: по географическим, этническим, экономическим и даже историческим параметрам (южная часть Кыргызстана позднее вошла в состав России).

Север Кыргызстана (Иссык-Кульский, Чуйский, Таласский, Нарынский регионы) заселен неравномерно, преимущественно ориентирован на скотоводство и животноводческий тип хозяйства. Культурные типы хозяйства в государстве развиты неравномерно, преимущественно население занято земледелием – 72,5%, скотоводством – 57,3%, торговлей – 20%. Отдельно, в связи с усилившейся миграцией населения, появилась отдельная графа деятельности – «работа в странах зарубежья», которая в Кыргызстане на 2009 г. составила – 11,6%¹. Согласно итогам национальной переписи населения Кыргызстана 1999 г. на территории северной части Кыргызстана проживало 2395,2 тыс. человек, что составляет около 49% населения Кыргызстана. Плотность населения на севере составляет примерно 20 чел. на 1 кв.м. В 1999 г. на 1 км² плотность населения составляла в: Нарынской области – 5,8 чел, Иссык-Кульской – 9,9 чел., Таласской – 18,2 чел, Чуйской области – 37,4 чел². Большое количество учреждений высшего образования приходится на северную часть территории Кыргызстана. Из зарегистрированных 64 ВУЗов (данные

13.02.06. URL: <http://polit.ru/article/2006/02/13/petrov/> (дата обращения 20.04.12)

¹ Эркинбеков Т.Ж. Региональные особенности социального неравенства в современном Кыргызстане: дис. ...канд. соц. наук. – Бишкек, 2011. – С.83.

² Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/census.pdf> (дата обращения 08.04.13.)

на 2012 г.) – 51 на территории северной части (сюда входит столичный регион республики), 13 – на Юге¹.

В современном Кыргызстане кыргызы составляют 70,9 % населения. По численности этнические узбеки занимают второе место после кыргызов (14 %). Согласно переписи населения и жилищного фонда Кыргызстана на 2009 г. доля русскоязычного населения составила более 20% населения республики². Север регионально граничит с казахскими общинами (6,88%)³. Согласно историческим данным, север Кыргызстана принял российское подданство во второй половине XIX в. (1855 – 1867 гг.), ускоренно адаптировался в русское сообщество.

Южная часть Кыргызстана (Ошская, Джалал-Абадская, Баткенская области) – преимущественно сельскохозяйственный район, испытывает жесточайший дефицит земли и воды. Поэтому система ирригационных каналов остается актуальной проблемой.

Южная часть Кыргызстана присоединилось к царской России в 1876 г. под названием Ферганская область. Здесь проживает больше половины населения Кыргызстана – 2427,7 тыс. человек. Ферганская долина представляет собой одну из самых густонаселенных районов мира – свыше 360 человек на 1 кв.км⁴. В 1999 г. на 1 км² плотность населения составляла: в Баткенской области – 22,5 чел, Жалал-Абадской – 25 чел., Ош-

¹ Министерство образования и науки Кыргызской республики. 16.04.2012. URL: <http://edu.gov.kg/ru/obrazovanie/vysshee-obrazovanie-i-poslevuzovskoe-professionalnoe-obrazovanie.html> (дата обращения 09.04.13.)

² Жоошбекова А.Р. Этнические аспекты миграции населения юга Кыргызстана // Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения: Матер. межд. науч. конференции. – Бишкек, 2013. – С. 113–117.

³ Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/census.pdf> (дата обращения 08.04.13.)

⁴ Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С. 25–27.

ской – 40,3 чел.¹ На территории расположено около 200 спорных пунктов и участков. На Юге высока степень религиозной идентичности, поддерживаемая узбекскими и таджикскими этническими общинами. К примеру, в 2007 г. в Ошской и Джалал-Абадской областях уровень исполнения конфессиональных практик составил 100%, в Бишкеке – 90,5%, в Иссык-Кульской области – 88,5%². Межэтническое общение также оказывало большое воздействие и разграничивало национальную идентичность. На юге преобладает узбекское и таджикское население. Узбекская община на юге Кыргызстана составляет более 30% электората и образует ключевую этническую группу избирателей³. Влияние русской культуры ощущается значительно меньше, чем на севере.

Историко-культурное различие Севера и Юга имеет глубокие исторические корни. Территориально во второй половине XIX в. они были разделены между отдельными четырьмя областями Туркестанского края. Согласно мнению историков, административно-территориальная идентификация способствовала делению кыргызов по месту географического проживания – на джетысуйских и ферганских, то есть северных и южных⁴. После размежевания Средней Азии в 1924 г., большее значение приобрела региональная принадлежность, так как для освоения этого уровня требовалась широкая сфера клановой солидарности. В этот период, как отмечает исследователь

¹ Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/census.pdf> (дата обращения 08.04.13.)

² История и идентичность: Кыргызская Республика. (Авт. колл. А.К. Абылгазиева, В.Б. Богатырев, З.К. Курманов, Г.Л. Горборукова). – Бишкек, 2007. – С. 225.

³ Жоошбекова А.Р. Этнические аспекты миграции населения юга Кыргызстана // Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения: Матер. межд. науч. конференции. – Бишкек, 2013. – С. 113–117.

⁴ Бешембиев Э.Д., Болджурова И.С., Джунушалиев Дж. Введение в историю кыргызской государственности. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 71.

А. Джусупбеков, советская власть усугубила раздел и противопоставление Севера и Юга¹. Национальная идентификация была вторичной.

Региональное деление Кыргызстана отразил и национальный язык. В кыргызском языке исторически сложились различные диалекты и говоры, которые в целом соответствуют региональной, родоплеменной этнической структуре кыргызов. У каждого региона, района и даже аила имеется свой говор и подговор. Один из ведущих кыргызских филологов советского периода Б. Юнусалиев, несмотря на единый словарный фонд, выделил и принципиально отличал диалектические особенности регионов. Северный регион представлен таласскими, чуйскими, тяньшанскими, иссыккульскими, пограничными (смешанными) говорами. Южно-кыргызские диалекты представлены юго-восточными и юго-западными диалектами. К примеру, северный диалект имеет свою фонетическую и грамматическую специфику, отличающуюся от юго-восточного диалекта, в лексическом плане имеются слова монгольского происхождения². В целом, согласно утверждениям Б. Юнусалиева, господствующее положение в языковой жизни кыргызов, прочно занимает общелитературный кыргызский язык, созданный на основе диалекта и говоров северных кыргызов³. Как мы видим, внутренние диалекты кыргызского языка отражали специфичность регионов.

Региональную идентичность кыргызского народа также отражали архитектура, прикладное искусство, устное народное творчество, музыкальный фольклор, традиции и обычаи, обряды в религиозной сфере. По мере образования постсоветских республик, миграционного оттока некоренного населения за

¹ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность номадов. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 84-95, 147.

² Джусупбеков А. К. Этническая идентичность... – С. 187; Юнусалиев Б.М. Избранные труды (на кыргызском языке). – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 86-93.

³ Юнусалиев Б.М. Избранные труды (на кыргызском языке). – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 86-93.

пределы республик, естественного роста удельного веса коренного населения среди кыргызов усилились этнодифференционные процессы – ренессанс родоплеменной и региональной идентификации.

Приведенные выше данные свидетельствуют об огромных диспропорциях между регионами Кыргызстана. Объясняется это рядом объективных и субъективных причин. Во-первых, интенсивное социально-экономическое развитие Севера за годы Советской власти относительно Юга республики. Во-вторых, различия Севера и Юга по историко-культурному наследию (история, культура, быт, традиции и обычаи, региональная специфика языка, решение гендерных вопросов). В-третьих, столица республики географически, находится на Севере, что обеспечило благоприятное развитие северян (мегаполис, сосредоточение органов власти и управления, темпы урбанизации, учреждения, общественные организации, ВУЗы, творческие союзы государственного, национального масштаба). В-четвертых, превалирующее значение имело знание русского языка, что характерно для севера. Большая часть русской диаспоры, по исторически сложившимся обстоятельствам, сосредоточена на территории северного региона. В советский период это давало возможность карьерного роста, занятие высокого статуса в обществе, выход на международный уровень. В-пятых, различие родоплеменного состава регионов Севера и Юга. Оно выражается в неукоснительном соблюдении родственной близости, родоплеменной и региональной идентичности. Отчетливо проявляется региональная идентичность населения Кыргызстана в формате «северянин – южанин» (3,9% от общего числа опрошенных, жители юга указали на принадлежность к региону, в противовес к 0,8% жителям северного региона)¹. Отсюда проблема «Север - Юг», довольно часто рассматривается как одна из внутренних угроз национальной

¹ История и идентичность: Кыргызская Республика /Авт. колл. А.К. Абылгазиева, В.Б. Богатырев, З.К. Курманов, Г.Л. Горборукова. – Бишкек, 2007. – С. 212.

безопасности Кыргызстана. Идентификация регионов ведется в ракурсе северных и южных кланов.

Кыргызские исследователи считают, что в период правления А. Акаева, региональный принцип деления и представительства во властных структурах государства (что всегда отражалось на смене представительств в структурах власти) приобрел родоплеменную окраску, выражая больше ее негативную сторону – трайбализм¹. Он стал представлять собой источник политической нестабильности в государстве. Смещение центра актуальности с регионов на племена и роды ученые объясняют проявленной слабостью регионов, которые не смогли своевременно консолидироваться и решить поставленные вопросы на местах, главным образом, социально-экономические. Поэтому и смещение произошло «назад» – на более измельченные структуры кыргызского общества.

Политика региональной балансировки между Севером и Югом можно рассмотреть на схеме рокировки политических элит Кыргызстана в период правления А. Акаева. Особо были учтены интересы Иссык-Кульской области, второй по численности населения после Чуйской на севере. В ноябре 1991 г. премьер-министром Кыргызстана был назначен представитель южного региона Н. Исанов. После его смерти на эту должность был утвержден представитель Иссык-Кульского региона Т. Чынгышев (февраль 1992 – декабрь 1993 гг.) (см. таблицу 2.3.3). При этом вторую ступень в правительстве заняли представители южного региона - А. Матубраимов и А. Эркебаев. Вице-президентом в 1992 – 1993 гг. работал Ф. Кулов, спикером Законодательного Собрания Жогорку Кенеша в 1990–1994 гг. – М. Шеримкулов. Две высокопоставленные фигуры были вы-

¹ Усубалиев Э.Е. «Исламская идентичность» и политический процесс в Кыргызстане // Время Востока. Аналитика. 19.01.2008. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/1/3/381.html> (дата обращения 30.05.12). Молдалиев О. Основные источники напряженности и угрозы национальной безопасности Кыргызстана // Кыргызстан: некоторые аспекты социальной ситуации: Сб. ст. – Бишкек, 2000. – С. 33.

ходцами из северного региона (Чуйская область). Конечно, допускаем, что смена политических элит в 90-е гг. XX в. при правлении А. Акаева происходила и по другим причинам¹. Но, именно скрытность, негласность, непрозрачность данной смены политических региональных кланов в государственной власти вызывает предельное внимание общественности.

После правительственного кризиса под давлением парламента был утвержден новый состав руководства правительства: А. Джумагулов (декабрь 1993 г. – март 1998 гг.) – северянин, К. Жумалиев (март – декабрь 1998 г.) – южанин, Ж. Ибраимов (декабрь 1998 – апрель 1999 г.) – северянин, А. Муралиев (апрель 1999 – декабрь 2000 гг.) – северянин, К. Бакиев (декабрь 2000 – май 2002 гг.) – южанин. В марте 1995 г. был избран двухпалатный парламент Кыргызской Республики, палату Собрания народных представителей возглавил южанин А. Матубраимов (1995–1996 гг.). Законодательное собрание возглавил представитель северного региона (Иссык-Кульская область) – М. Чолпонбаев (март 1995 – ноябрь 1996 гг.) В 1996 гг. произошла ротация руководства. Торага СНП ЖК стал южанин А. Эркебаев (1997 г.), торага ЗС ЖК был избран иссыккулец У. Мукамбаев (1996 – 2000 гг.). В 2000 – 2005 гг. СНП ЖК возглавил северянин (Таласская область) – А. Борубаев, торага ЗС ЖК – южанин А. Эркебаев. В целом, региональный подход при выдвижении на высшие республиканские должности использовался президентом А. Акаевым довольно активно.

Как мы видим, регионализм, а вместе с ним и клановое представительство, стали негласным и неписанным законом при расстановке руководящих кадров в республике в период президентства А. Акаева. Представительство различных кланов во власти, еще в зародыше реформ, привел к изначальному искривлению сути кадровой политики в республике. Выбрав данный принцип назначения на вышестоящие органы власти,

¹ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность номадов. – Бишкек: Илим, 2009. – С.149.

президент тем самым, обнародовал традиционную историческую специфику представительства кланов. Но, преимущество оставалось сохраняться за представителями северного клана. Естественно, это вызывало недовольство среди населения южного Кыргызстана, отягощенное ухудшением социально-экономического положения. Не случайно, что катализатором кыргызской «революции» стали выступления недовольных масс в южных регионах республики. Пиком недовольства южного населения Кыргызстана проводимой политикой А. Акаева стали Аксы́йские события мая 2002 г. – расстрел мирного населения. После этих событий А. Акаев вынужден был назначить на должность главы правительства нейтральную политическую фигуру – А. Танаева, заместителями которого назначены южане К. Осмонов и К. Жумалиев¹.

Как мы видим, занимаясь «кадровой региональной политикой», А. Акаев фактически усилил диспропорцию в распределении властных ресурсов в пользу севера. Распределение всех ресурсов внутри одной элитной группы с допущением к нему двух – трех трайбовых, или, кланово-корпоративных сообществ, отсутствие открытой системы рекрутирования или циркуляции элит стали причинами противостояния внутри элитных групп республики. События мартовской революции 2005 г. подтвердили противостояние между северными и южными кланами. Основными лидерами революции были южане А. Бекназаров, А. Мадумаров, Д. Садырбаев, К. Бакиев, Б. Эркинбаев, У. Сыдыков, Т. Тургуналиев, Д. Чотонов, Д. Нур уулу, О. Текебаев, Ж. Жеенбеков, Б. Асанов. Основная масса северян, поддерживающих революцию, до последнего дня не выступали открыто против президента А. Акаева, кроме оппозиционеров власти А. Атамбаева, Р. Отунбаевой, И. Болджуровой, Дж. Назаралиева, Ф. Кулова. Северяне выражали недовольство только в связи с результатами выборов, которые были сфальсифициро-

¹ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность номадов. – Бишкек: Илим, 2009. – С.151.

ваны в интересах приближенных А. Акаева. Взвешивая и анализируя события 2005 г. в Кыргызстане, мы видим, что конфликт кланов вырос до уровня общенациональной проблемы. Южные кланы сумели мобилизовать в свою поддержку политическую оппозицию, нарастающий антагонизм перерос в беспорядки и восстание, сбросившее северную элиту с олимпа власти.

Большинство российских, центрально-азиатских, кыргызских экспертов справедливо полагают, что именно «кыргызская специфика» политики государства привела к политическому кризису 2005 г.¹ Как правило, кризис развивался в скрытых, теневых сферах жизни сообществ республики. Следовательно, неспособность государства выступить гарантом и защитником регионов, интересов влиятельных кланов, разрешить противоречия, отсутствие конструктивного диалога между государством и элитой привело к насильственной рокировке. На смену пришел представитель южного клана, бывший премьер-министр Кыргызстана (март 2005 – апрель 2010 гг.) К. Бакиев. Этнический баланс при смене высшего руководства Кыргызстана был продолжен.

Основанием для смены власти выступили и внутриклановые конфликты на местах. Повальная коррупция, семейственность, выделение богатой элиты на фоне нищеты основной массы населения также послужили причинами протестного выступления в 2005 г. В начале 2005 г. борьбу за место в парламенте вели экономически и политически связанные с кланом А. Акаева родственники. Кандидатами в депутаты ЖК в 2005 г. зарегистрировались родственники А. Акаева (дочь, сын президента, сестры М. Акаевой). Кроме того, в органы власти намеревались пройти близкие из его окружения, соратники,

¹Лузянин С. «Цветные революции» в Центральноазиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5 (41). – С. 20-21; Байматов Б. Специфические местные аспекты «гражданского общества» в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4(46). – С. 18 – 26.

коллеги (сын премьер-министра КР Н. Танаева, родственники губернаторов)¹. Возникшая борьба внутри кланов объясняется естественным природным отбором, борьбой за лидерство, преимущественностью поколений, доступом к власти, контролированием важных финансовых потоков страны.

Внешний фактор. Вопросы приоритета. В начале XXI столетия центр мирового интереса сместился на Восток. Процесс глобализации объективно обнажил мировые притязания крупных держав. Территории Центральной Азии, стран СНГ, северной Африки выступили объектами геополитических притязаний западных государств. Такого же мнения придерживалась французская газета «Фигаро», которая стремление США к мировому доминированию охарактеризовала как «демократический крестовый поход»². Российские исследователи объясняют данное обстоятельство геополитическим противоборством России и США за сферы влияния³. Исследователь Б. Рашидов акцентирует вызванный интерес западными государствами к Центральной Азии экономическим побуждениями (вклад инвестиций, рентабельность)⁴. Хотя некоторые специалисты не согласны с данным утверждением, подчеркивая лишь активность Запада в деятельности местных оппозиций и НПО⁵.

На наш взгляд, наиболее существенное объяснение геополитического противоборства стран России и США дал экс-президент КР А. Акаев. В данном случае он выделил две причины. Во-первых, деятельность НПО, зарубежных фондов, финансирование и тренинги оппозиции. Официально он выделил такие американские организации, поддержавшие оппозицию,

¹ Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А. Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С.9-14.

² Русский Newsweek, 2005. – №17. – С.12

³ Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С.27.

⁴ Рашидов Б. Россия в Центральной Азии: переход к позитивной внешней политике // Центральной Азии и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С.130.

⁵ Будкин В. Государства Центральной Азии... С. 26.

как «National Democratic Institute» и «Freedom House»¹. Во-вторых, отказ от размещения стратегически важных военных объектов США (самолеты дальнего радиолокационного обнаружения АВАКС) на территории Кыргызстана².

В Кыргызстане имеются 5 военных объектов Российской Федерации: 1999-я российская авиационная база в г.Кант, 954-я испытательная база противолодочного вооружения "Кой-Сары" ВМФ России в г. Каракол, 338-й узел связи ВМФ России в г.Кара-Балте, автоматическая сейсмическая станция №1 в с. Ичке-Суу (Иссык-Кульская обл.)³. 19 декабря 2001 г. вблизи аэропорта "Манас" был открыт американский Центр транзитных перевозок (ЦТП)⁴. Ежемесячно через ЦТП в Афганистан и обратно проходят 15 тыс. военнослужащих и 500 т. груза⁵. Площадь базы составляет 224 га. Арендная плата с каждым годом повышалась: в 2002 - 2005 гг. составила 8 млн. долл.; в 2009 г. – повысилась в 7,5 раза и составила 60 млн. долл.⁶.

¹Толитов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 31.

² Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.40; Кутнаева Н. Иностранные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 86.

³ О статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Кыргызской Республики. 22.09.03. URL: <http://bestpravo.ru/fed2003/data03/text14395.htm> (дата обращения 15.02.12.); Россия увеличила финансирование авиабазы в Кыргызстане в 2009 – 2010 гг. в два раза // АКИпресс. 05.12.08. URL: <http://kg.akipress.org/news/64758> (дата обращения 15.02.12); Ибралиев Ж. Носов В. За пять лет своего существования штат авиабазы увеличился в 10 раз // ИА "24kg". 24.10.08. URL: <http://www.24.kg/community/2008/10/24/96121.html> (дата обращения 15.02.12)

⁴ Джоробекова А.Э., Момошева Н.К. Хроника внешнеполитической деятельности Кыргызской Республики (1991 – 2002). – Бишкек, 2003. – С.181.

⁵ В "Манасе" опровергли приостановку транзита военнослужащих США в Афганистан // NEWSru.com. 13.04.10. URL: <http://txt.newsru.com/world/13apr2010/manasrenew.html> (дата обращения 20.02.12)

⁶ Касыбеков А. Миллионы для антитеррористов // Вечерний Бишкек. – 2005. – 15 ноября. – С.3; Транзитный центр США в Киргизии будет военным объ-

Таким образом, мы видим, что Кыргызстан оказался заложником внешнего манипулирования. На наш взгляд, произошло разногласие целевых установок стран Запада с внутренними субкультурными факторами Кыргызстана. На арене международной политики важными субъектами сосуществования стран выступают компоненты геополитики: географическая характеристика, исторический процесс и идентичность. Поэтому собственное позиционирование в мировом сообществе является одним из «основных человеческих потребностей»¹. Государству необходимо было контролировать, корректировать функцию внешних организаций, выбирая для нашего социума более приемлемую. При этом согласимся с утверждением российского исследователя И. Панарина, что государству необходимо укреплять чувство собственного достоинства на основе самоуважения, самоорганизации и самореализации².

Фактор советского наследия. В советский период существовала своя специфика элитоформирования: избавление от бывших советских лидеров с последующим чернением периода его правления. Достаточно вспомнить примеры ротации советских лидеров страны: В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, М. Горбачев, Б. Ельцин.

В современный период тенденция смены элит, как в советский период, в целом не изменилась, но приняла иную форму локализованных протестных выступлений масс. В этом случае российский политолог И. Лебедева правильно подчеркнула, что «терминология новая – идеи старые»³. В период техно-

ектом // РИА Новости. 25.06.09. URL: http://www.rian.ru/defense_safety/20090625/175378736.html (дата обращения 20.02.12)

¹ Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 38-40.

² Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. – М.: Издательство "Поколение", 2006. – С.6.

³ Лебедева И. Меметическое оружие. "Цветная революция" – это частный случай геополитического передела мира. 12.12.11. URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1323670020> (дата обращения 20.12.11.)

генной цивилизации средствами орудия выступили манипулирование и психологическое воздействие на массовое сознание: "когнитивные политехнологии", "меметические орудия", ангажированные СМИ, медиатеchnологии. Психологическое воздействие осуществляется так, что участники протестных акций и выступлений, при своей вере и убежденности выступают сами инициаторами народных выступлений. Причем сама масса убеждена, что с помощью акций и протестов осуществляет демократические преобразования страны¹. Достаточно вспомнить 2011 г., основным политическим лейтмотивом которого были «перманентные революции» в пяти Арабских странах, а также предвыборная ситуация в России². Поэтому единственным путем ограничения масс от психологического воздействия западных стран, технических возможностей цивилизации являются убеждения, идеология, открытость общества, образование, научные открытия.

Вторым фактором советского наследия ученые выделили историческую закономерность смены руководителей постсоветского пространства. Как отмечают исследователи, цикл правления, легитимность советских руководителей и партийных номенклатурных работников завершен – наступил период обновления старых режимов правления³. Фактически время

¹ Атанесян А. Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №6(42). – С.13-24.

² Иванов С.М. "Арабская весна" – год спустя. События начинают принимать форму "перманентной революции". 08.02.2012. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1328679180> (дата обращения 20.12.11.)

³ Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 38-39; Атанесян А. Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №6(42). – С.13-24; Лузянин С. «Цветные революции» в Центральноазиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5 (41). – С. 20 – 21.

пребывания президентов стран Центральной Азии исчисляется периодом более 15 лет. Можно проследить некоторую закономерность смены элит на постсоветском пространстве: 1) Россия. Президенты согласованно меняются постами. (Б. Ельцин, В. Путин, Д. Медведев); 2) Азербайджан. «Наследственная» передача власти в октябре 2003 г. (Г. Алиев, И. Алиев); 3) Грузия и Украина. Под давлением политической оппозиции в ноябре 2003 г. в Грузии и в декабре 2004 г. вынудили уйти в отставку действующих президентов. Победа оппозиции на президентских выборах привела к власти молодых амбициозных политиков - М. Саакашвили, В. Ющенко; 4) Кыргызстан. Объединение регионов республики в марте 2005 г., создав оппозицию различных политических сил, привело к насильственной смене президента А. Акаева.

Согласно мнению политологов, данная смена власти в постсоветских республиках связано: во-первых, наследием советской системы. Формационный переход систем не был решен, поскольку в странах Центральной Азии одновременно действуют законы натурального хозяйства, капиталистической системы и современной НТР. В результате, в странах Центральной Азии построение демократического государства был совмещен со старой советской системой. Правление постсоветских лидеров явилось ее продолжением. Отчасти в вину за падение режима, российский исследователь Л. Медведко, возлагает на государственные реформы советской власти (размежевание территорий, не учитывая внутренней специфики народов)¹. Во-вторых, смена ценностей. Личные качества лидеров страны, унаследованные от советской системы (к примеру, отмеченная культура и образованность А. Акаева) не адаптировались к современным условиям². Однако, исключение составили политики, которые сумели совместить стиль советского

¹ Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С. 25.

² Мадалиев М.М. Политическая элита Кыргызстана: генезис и эволюция: дис. ... канд. соц. наук. – Бишкек, 2002. – С.128-129.

номенклатурного работника, авторитаризм и быть востребованными в современном обществе. (Н. Назарбаев, В. Путин). Ценными качествами современных политиков послужили наличие четкой политической линии, волевые качества, мужественность, активность, энергичность, мобильность, способность к компромиссам. К сожалению, многое из данных качеств у А. Акаева отсутствовали.

Исламский фундаментализм. Фактор влияния наркотрафика. Часть исследователей считает, что смена власти в Кыргызстане в 2005 г. – результат исключительно деятельности исламского радикализма, которая неотъемлемо связана с наркомафиями Юга Кыргызстана¹.

Серьезным фактором, угрожающим политической стабильности не только Кыргызстана, но всего мирового сообщества становится исламский радикализм. Как отмечает исследователь С. Сейбол угроза исламского порабощения в Центральной Азии наиболее вероятна в постпереходный период, когда религиозные требования объединятся с политическими².

Причинами распространения ислама в кыргызском обществе являются: экономические трудности, снижение социального статуса целых общественных слоев, рост и влияние организационной преступности, разочарованность многими аспектами действительности. В результате это привело к возврату утраченных этноконфессиональных ценностей. Ислам становится важным элементом кыргызской этнокультурной идентичности.

Ислам, мечети и медресе становятся все большими центрами притяжения для этнических кыргызов и узбеков, и массовый доступ к ним очень трудно ограничить. Паломниче-

¹ Лузянин С. «Цветные революции» в Центральноазиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5 (41). – С. 12.

² Сейбол С. Международный терроризм и страны Центральной Азии: поспешные выводы // Центральной Азии и Кавказ. – 2008. – №5(59). – с.161-169.

ство (хадж), религиозная литература стали орудием агитации ислама. Так, в середине 1990 г. в Кыргызстане мусульманами считали себя 95% кыргызов¹. В 2001 г. в республике насчитывалось 1395 мечетей, в 2007 г. – свыше 2500 (по данным муфтия – 3000)². Согласно данным выборочного опроса населения в 2006 г. (две северные области, и две южные области) подавляющее большинство респондентов (90,7%) ответили, что верят в бога, при этом из них 87,9% имели высшее образование, 88,65% имеют дома Коран³. Связанные с исламом проблемы до сих пор наиболее остры в Узбекистане. Через Ферганскую долину религиозные учения и экстремизм проникают в Кыргызстан. Государство не может полностью регулировать компетентность религиозных учений и воздействие ислама на кыргызское общество. Отсюда и развитие «теневой экономики», включая наркобизнес. В целях предотвращения массового исламского экстремизма, а вместе с ним и деятельность наркомафии, руководству Кыргызстана и духовным организациям и объединениям мусульман необходимо разработать собственные альтернативные радикальные взгляды исламских фундаменталистов, проводить разъяснительные мероприятия о недопустимости использования ислама в политических целях в условиях многоконфессионального общества Кыргызстана. Режим А. Акаева фактически сокрушил преступный мир, представленный южными криминальными группировками.

Подведем итоги правления А.Акаева. Согласно социологическим исследованиям, проведенным после мартовской революции 2005 г. деятельность первого президента страны по-

¹ Слово Кыргызстана. – 1995. – 15 июля.

² Торогельдиева Б. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1(61). – С.148.

³ Торогельдиева Б. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1(61). – С.145-153.

ложительно оценили только 23% респондента, отрицательно – 68%. Генеральный прокурор республики А. Бекназаров инициировал до 79 уголовных дел против А. Акаева, его семьи и ближайшего окружения¹. Последствием правления А. Акаева стал глубокий и перманентный кризис, который характеризуется следующими причинами.

1. В результате правления А. Акаева произошло сращивание семейного клана с государственным управлением, что в итоге породило новую форму клана – политико-семейного. По мере усиления клановой солидарности А. Акаева, произошел внутренний конфликт между влиятельными родами политического клана за передел собственности и сфер влияния. Образованные патронажно-клиентельные связи, nepотизм, коррупция упрочили стабильность политических кланов.

2. Увеличение влияния семейного клана А. Акаева, привело к росту оппозиции, ядро которой составили видные представители региональной элиты. Ввиду того, что А. Акаев не учитывал интересы и требования региональных элит, поддерживаемых протестной массой, это привело к насильственному отстранению его от власти.

В период правления А. Акаева актуализировался региональный вопрос Севера и Юга страны. В условиях продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса роль регионов возросла. Этнорегиональная идентичность в сочетании с родоплеменной стала конкурировать с этнонациональной и гражданской идентичностью. Надо добавить, что раскол кыргызского общества на регионы был больше идентифицированный, чем субкультурный. Идентификация выступает больше как социальная классификация, характеризующаяся отношениями между ними. Поэтому кыргызский регионализм в разрезе Севера и Юга, следует воспринимать как лишь один из

¹ Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии. – Варшава, 2011. – С 254-255.

важнейших компонентов кыргызской идентичности и идеологии.

3. Социально-экономический упадок страны. В результате «рыночных реформ» основная часть населения Кыргызстана жила за чертой бедности. Вопросы социально-экономического характера не были решены окончательно.

4. Слабый контроль над деятельностью представителей иностранных зарубежных структур. Однако, внешнее влияние в Кыргызстане не носило определяющего характера.

5. Отсутствие четкого политического курса страны. Западные модели реформ, не учитывающие местные особенности и традиции, осложнили все внутренние проблемы страны. Наличие конституционного, социально-экономического кризиса в стране привело к всеобщей маргинализации населения, увеличению потока миграций, высокому уровню бедности. Страна оказалась в глубоком экономическом и политическом дефолте.

6. Существенную роль сыграл и личностный фактор президента. Не исключено, что проявленная решительность дала бы возможность сохранения власти.

Нереализованность ожиданий народа привели ко второй, апрельской революции 2010 г. в Кыргызстане.

3.3. Трансформация традиционного кыргызского общества в современный период

Трагические события апреля 2010 г. в Кыргызстане стали очередным напоминанием, что стабильность в обществе и единство народа – главное условие развития любого государства. Политические проблемы не должны решаться за счет дестабилизации государства, раскола общества, гражданского столкновения. Успешное развитие государства это последовательное и эффективное решение, прежде всего внутренних социально-экономических, политических вопросов.

Политическая ситуация в Кыргызстане накануне революции 2010 г. вновь характеризовалась трудностями в реализации политического курса страны: идейное столкновение привело к конфронтации власти и оппозиции. В итоге, политическая дестабилизация в Кыргызстане в апреле 2010 г. попала в фокус международного внимания. В связи с этим возник вопрос о необходимости анализа и оценки апрельских политических событий 2010 г.

Для более детального выявления динамики внутривнутриполитического процесса апрельских событий 2010 г. в Кыргызстане, на наш взгляд целесообразно сделать небольшой экскурс по социально-политическому и экономическому развитию Кыргызстана в 2005 – 2010 гг.

Социально-экономическое развитие страны. Смена государственной власти послужила новому переделу власти, формированию новой политической элиты, преимущественно с юга страны. В 2008 г. республика вступила в очередную полосу затяжного экономического и социального кризиса. Экономический рост страны достигался главным образом за счет увеличения таможенных и налоговых сборов. Период 2005 – 2007 гг. характеризовался относительным ростом номинального ВВП страны, однако в сопоставимых ценах его динамика была значительно скромнее. Годовой уровень инфляции увеличился с 5% в 2006 г. – до 20% в декабре 2007 и 25% в марте 2008 г.¹ Продолжалась зависимость экономики Кыргызстана от иностранной помощи. На 2010 г. 37% всех активов банковского сектора Кыргызстана принадлежало казахским банкам, и на их долю приходилось около 50% всех выданных займов.

В период правления К.Бакиева также обострились проблемы миграции местного населения². На 2010 г. по оценкам

¹ Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 26-27.

² Расул А., Эргешов З. Миграционные процессы в Кыргызской республике: вызовы и риски для страны // Международные исследования. Общество, политика, экономика (ИСПИ, Астана). – 2009. – № 1. – С. 186 – 190; Эсенбаев А.

специалистов более миллиона жителей Кыргызстана оказались мигрантами (около 11% активного населения (свыше 270 тыс. чел) не имели работы)¹. На 2010 г. численность кыргызских трудовых мигрантов, только в России, достигла 500 тыс. человек, большинство которых собираются остаться зарубежом. К 2010 г. гражданство России получило порядка 100 тысяч граждан Кыргызстана, причем 80% из них – этнические кыргызы². Значительную роль в обеспечении экономического роста республики играют денежные переводы трудовых мигрантов. По оценке Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), объем денежных переводов (трансферт) мигрантов достиг 25% ВВП Кыргызстана (около 1,5 млрд. долларов в год), что составляет половину бюджета республики.

Другим важным фактором оживления экономики страны стала благоприятная конъюнктура цен на золото. Стоимость тройской унции на мировых рынках поднялась с 420 долл. до 1030 долл. с октября 2006 г. до марта 2008 г. В 2010 г. составило около 1100 долларов США. Этот сектор экономики обеспечивает 8% ВВП (почти 40% экспорта). Однако ситуация изме-

Современные миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские миграции: отражение в миграциях / Под. ред. Ж.А.Зайончковского, Г.А. Зайончковского. – М.: Адамант, 2009. – С.377-403; Doolotkeldieva A. Kyrgyz Migrants Working in Russia and Kazakstan // Central Asian Survey. – 2008. – Vol. 27. Issue 2. – P.129–141; Schmidt M., Sagynbekova L. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2008. – Vol. 27. – Issue 2. – P.111 – 127; Zhaparov A. The Issue of Chinese Migrations in Kyrgyzstan // The China and Eurasia Forum Quarterly. – 2009. – Vol. 7. No. 1. – P. 79 – 92.

¹ Чернявский С. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 45.; Арзыматова А. Кыргызские революции и современный политический процесс в Кыргызстане // АКИpress. 09.04.12. URL: <http://akipress.org/comments/news:12211/> (дата обращения: 12.04.12.)

² Жалгас Б. Страшен бунт... Уроки кыргызской революции // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №15(279). – 23–29 апреля 2010. – С.7.

нилась в 2010 г., где добыча золота на основной золоторудной шахте Кумтор временно прекратилась¹.

К 2010 г. Кыргызстан из аграрно-промышленной республики стал государством, занимающимся продажей услуг (этот сектор занимает 44% в объеме ВВП). В структуре номинального ВВП доля сельского хозяйства была равна 25,8 %, промышленности – 14%, строительства – 3,1%, транспорта и связи – 8,4%, торговли и ремонта – 18,6%, услуг гостиниц и ресторанов – 8,4%. Рост в секторе торговли обеспечил увеличение доли услуг на 1%². Основной объем промышленной продукции (до 88%) производят пять отраслей: металлургическая (42%), пищевая перерабатывающая (13%), текстильно-швейная (7%), производство строительных материалов (10%), электроэнергетика (16%). Субъекты промышленности обеспечивают свыше 35% налоговых поступлений в республиканский бюджет и до 85% экспортных поставок. Снижение показателей объема промышленного производства связано с высокой степенью износа основных фондов, низкой технической оснащенностью, недостатком рабочих кадров и специалистов, дефицит оборотных средств. К острым проблемам следует отнести нехватку сельскохозяйственных угодий, особенно на юге страны, и снижение эффективности и культуры земледелия.

Острый экономический кризис усугубился энергетическим кризисом. Производство электроэнергии сконцентрировано на гидростанциях, которые в 1993 г. произвели порядка 76% электроэнергии, а в 2007 г. почти 92%³. Если в 2005 г. объем воды в Токтогульской ГЭС, которая на 60% обеспечивает республику электроэнергией, достигал 19 млрд. куб. м., то к осени 2008 г. он составил всего лишь 6,5 млрд. куб. м. Причи-

¹ Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.25-44.

² Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 26-27.

³ Баум Л. Электроэнергетика Кыргызстана: состояние, проблемы, реформы // Центральная Азия и Казахстан. – 2008. – №6 (60). – С. 113–124.

нами энергетического кризиса эксперты называют: неэффективность управления отраслью, высокий уровень коррупции, контрабанда электроэнергии в соседние страны в поливной период. На этом фоне этого правительство Кыргызской Республики, значительно повысило тарифы на электрическую и тепловую энергию, что послужило мощным катализатором повышения цен на основные товары потребления (хлеб, горюче-смазочные материалы и электроэнергия). Совокупное повышение стало детонатором роста недовольства населения.

Внешний контроль. Вопросы приоритета. Не исключено, что Кыргызстан, так же как и в марте 2005 г., выступил объектом переделов и геополитических притязаний крупных держав, таких как Россия, Китай и США. Версия о внешнем факторе при смене режимов в Кыргызстане сопровождала как события 2005 г., так и 2010 г. Серьезные подозрения вызывала роль России в событиях, приведших к отстранению К.Бакиева от власти. Реакция Российского государства о его причастности к апрельским событиям в Кыргызстане была незамедлительной. 8 апреля 2010 г. премьер-министр России В. Путин находясь с рабочим визитом в Смоленской области, отметил схожесть сценариев проведения революций 2005 г., 2010 г. в Кыргызстане. Основными причинами трагедии в Кыргызстане он обозначил клановость и коррупцию бывшей власти¹.

Общеизвестно, что главным объектом пересечения интересов России и США выступило разделение сфер геополитического доминирования над территорией Кыргызстана. Экспрезидент К. Бакиев придерживался политики лавирования между двумя государствами, поскольку на территории Кыргызстана присутствовали американские и российские базы. В итоге, политика К. Бакиева пыталась манипулировать интересами двух государств. В июне 2009 г. К. Бакиев заявил в Москве о предстоящем закрытии американской базы в «Манасе». В от-

¹ Какчекеев Т. Никто не хочет умирать // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №14(278). – 16-22 апреля 2010. – С.6–7.

вет Россия выделила Кыргызстану: 300 млн. дол. льготного кредита, 1,7 млрд. долл. на строительство Камбаратинской ГЭС. Это составило почти 40% ВВП страны. Кроме этого, предоставила безвозмездный грант на 150 млн. дол., списала внешний долг республики на 180 млн. дол.¹

Согласно соглашению по военно-стратегическому вопросу предполагалось: в 2009 г. создать второй российский военно-учебный центр на юге Кыргызстана (первый в г.Кант) в обмен на списание государственного долга. России должен был перейти контрольный пакет акций предприятия ОАО "Дастан", военный полигон на оз. Иссык-Куль. ОАО «Дастан» единственное в стране предприятие ВПК, которое производит оборудование для морских торпед ВА-111 "Шквал"². Долг был списан, однако кыргызские власти объявили, что контролируют всего 37% акций завода, а остальное находится в руках частных лиц. Вскоре акции "Дастан" были переданы финансовым структурам младшего сына президента М. Бакиева³. На 2010 - 2013 гг. была подписана программа экономического сотрудничества стран России и Кыргызстана, предусматривающая около 60 совместных проектов в сферах торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества. Однако, в результате в Кыргызстане был выявлен ряд финансовых нарушений: 1) нецелевое использование двух кредитов в размере 450 млн. долл. Инвестиционный фонд, предназначенный для кредитования коммерческих проектов, возглавлялся семейством К. Бакиева; 2) незаконный реэкспорт нефтепродуктов, предоставленный на льготных условиях, общим объемом 370 тыс. долл. Объемы реэкспорта топлива в 2009 г. достигли 298 тыс. т., бензина – 9 тыс., дизельного топлива – 47 тыс., топлив-

¹ Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13.– Вып.2. – С.40.

² Кутнаева Н. Иностранные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 86.

³ Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13.– Вып.2. – С.41.

ного мазута – 15 тыс. т. Поэтому с апреля 2010 г. Россия применила к Кыргызстану общие для всех экспортеров таможенные пошлины в 193,5 долл. за тонну и полностью прекратила поставки горюче-смазочных материалов¹. В этот период Бишкекская ТЭЦ испытывала острый дефицит нефтяного топлива; 3) не была реализована программа геологического изучения недр на площадях "Кугарт" и "Восточное Майли-Суу IV"². Несмотря на полученную финансовую поддержку со стороны России, американская база была оставлена в Бишкеке.

Как мы видим, руководство РФ не скрывало неудовлетворенность внешней политикой К. Бакиева. Поэтому, Москва оказывая поддержку Временному правительству в 2010 г., рассчитывала на плодотворные позитивные изменения политики кыргызского государства. Отметим, что американская сторона признала Временное правительство Кыргызстана в обмен на сохранение базы в "Манасе".

Политическое развитие страны. После мартовской революции 2005 г. к власти пришел один из сподвижников протестного движения, бывший премьер-министр страны К. Бакиев (2000 – 2002 гг.). Его первые мероприятия были направлены на искоренение допущенных ошибок прежнего режима: преодоление семейственности, коррупции, регионализма, социально-экономической отсталости страны, создание эффективных средств интеграции кыргызского общества в мировое сообщество, восстановление утраченных демократических ценностей.

В годы его правления (2005 – 2010 гг.) Конституция Кыргызстана менялась три раза. Последняя редакция закона в декабре 2009 г., провозгласившая президентско-парламентскую

¹ Чернявский С. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.51

² Чернявский С. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.51.

форму правления, существенно закрепила авторитарность режима президента К. Бакиева. К примеру, одна из главных поправок Конституции касалась деятельности Госсовета республики, куда вошли представители высшего руководства страны и члены администрации президента (в основном, представители южного региона). Конституционные реформы К.Бакиева создали механизм, позволяющий избежать доминирования исполнительной власти в лице президента. Неустойчивость избранной формы правления привела к авторитарности президента, политической напряженности во взаимоотношении с парламентом.

К 2007 – 2008 гг. К. Бакиев превратился в авторитарного правителя. В этот период начались реорганизация силовых структур, приватизация крупных государственных предприятий, проведенные в пользу президентского клана. Представители его семьи занимали ключевые должности в различных структурах власти, были широко представлены в различных сферах бизнеса, торговли и экономики. В результате это привело к резкому обострению противостояния нескольких элитных южных группировок, расколу в самой семье К. Бакиева (разногласие между старшим и младшим поколениями семьи Бакиевых). Со временем данный конфликт только обострился. Таким образом, клановость, трайбализм, регионализм в политике, а вместе с ними непотизм и коррупция, начатые А. Акаевым, продолжали оставаться преобладающими.

В период, когда страна находилась в перманентном состоянии борьбы за власть, А. Бакиевым был поднят вопрос народного курултая. Предполагалось, что в совещательный орган войдут 750 делегатов: из местных курултаев – по одному делегату от 441 аильного округа, 18 – из поселковых управ; по три делегата от каждого из 23 городов районного и областного значения, 10 – из г. Бишкек, 7 – из г.Ош. Кроме того, в делегаты курултая будет избрано 35 представителей трудовой миграции из-за рубежа; 20 делегатов – от религиозных конфессий; остальные 150 участников (1/5 часть посланцев курултая) бу-

дуг представлены на общенациональном форуме по квоте¹. Народный орган представительства – курултай – это данность традиционному кочевому обществу кыргызов. В Кыргызстане конституционно данная функция сосредоточена в руках законодательного органа Жогорку Кенеша. Поэтому создание института параллельной власти К. Бакиевым означает только слабость и невозможность президентской легитимной власти управлять страной, манипулирование общественным сознанием масс для отвлечения от основных проблем. Создавая дополнительный орган власти, президент решил усилить свои полномочия. Подобных примеров в мировой истории достаточно. Исследователь А. Арзыматова аргументировано проводит параллели с историей Франции XVIII – XIX вв.² Инициатива президента по созданию курултая послужила катализатором политического недовольства масс в апреле 2010 г.

К. Бакиев последовательно усиливал институт президентства. Данные мероприятия происходили на фоне замкнутого круга клановых отношений. Повысился уровень nepотизма, кумовства, патронажных отношений, а вместе с ними увеличилась доля коррупции, взяточничества, криминалитета во властных структурах. Дальнейшие события характеризовались проявлением крайнего регионализма, трайбализма в кадровом вопросе: за счет арифметических кадровых комбинаций назначения во власть фигурантов от различных землячеств.

Этнорегионализм политики К. Бакиева. Север и Юг. Президент К. Бакиев, придя к власти в результате революции 2005 г., не выполнил одно из ключевых требований оппозиции – искоренить клановость в системе управления страны. В годы его правления этнорегионализм, замаскированный трайбализм стали важнейшим принципом государственного управле-

¹ Лаумулин М. К. событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.32.

² Арзыматова А. Кыргызские революции и современный политический процесс в Кыргызстане // АКИpress. 09.04.12. URL: <http://akipress.org/comments/news:12211/> (дата обращения: 12.04.12.)

ния в Кыргызстане. После мартовской революции 2005 г. во власти усилились позиции южных кланов, а последовавшие за ними президентские выборы 23 июля 2009 г. (второй срок 2009 – 2014 гг.) со всей остротой обозначили как реальную проблему раскола страны на Север и Юг, окончательно укрепили власть правящего клана. Во все ведущие ключевые и политически значимые посты в органах государственной власти, включая Верховный суд, ГСНБ, армию, МИД, экономически эффективных производств, компаний были внедрены ближайшие родственники, сторонники и представители клана К. Бакиева. Основу составили выходцы южного региона, в особенности, из Джалалабадской области.

Ещё до назначения К.Бакиева на пост президента его близкие родственники занимали ряд должностей в органах местной и государственной власти. Так Каныбек, Жусуп, Марат и Жаныш Бакиевы занимали ряд государственных постов, Ахмат и Адыл Бакиевы были заняты в бизнесе. Позднее Жусуп Бакиев – председатель Джалал-Абадского городского совета депутатов, президент Госфонда при МЧС; Каныбек Бакиев возглавлял сельскую управу в Сузакском районе. Жаныш Бакиев – с марта по сентябрь 2006 г. – заместитель председателя Службы национальной безопасности Кыргызстана (курировал контрразведку). Параллельно он был постоянным представителем республики в ШОС. С июня 2008 г. – начальник Службы государственной охраны президента. Марат Бакиев – с 2005 г. посол Кыргызстана в Германии¹. Старший сын К. Бакиева – Марат с апреля 2010 г. помощник председателя ГСНБ государства.

Осенью 2009 г. К. Бакиевым было сформировано Центральное Агентство по развитию, инновациям и инвестициям (ЦАРИИ), которое возглавил его младший сын Максим Бакиев.

¹ Победимов А. Большая семейка // Коммерсантъ. Власть. – №27(630). –11.04.05. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/589685> (дата обращения: 23.07.12)

Фактически, он контролировал всю исполнительную финансово-промышленную сферу бюджета страны: курировал наиболее прибыльные экономические проекты Кыргызстана, занимался финансированием строительства Камбаратинской ГЭС, приватизировал сотовую компанию "Бител", Кыргызское общественное образовательное радио и телевидение (КООРТ), а также стал организатором сделок по продаже принадлежавших государству учреждений. Это были представители семьи К. Бакиева только первых двух уровней. Третий уровень родственных отношений был в основном представлен высокими должностями в экономических и военно-силовых структурах. Они были распределены следующим образом¹. А. Мадумаров занимал посты Торага Жогорку Кенеша (2007 – 2008 гг.), секретарь Совета безопасности (2008 – 2009 гг.), вице-премьер-министр (2005 – 2006 гг.). В период суверенитета М. Султанов занимал ведущие посты: от Председателя НБ КР (июль 1994 – декабрь 1998) до министра финансов (январь 1999 – июль 1999 гг.; январь 2009 – апрель 2010 гг.). Э. Сатывалдиев занимал пост государственного советника президента по вопросам обороны, безопасности и правопорядка (ноябрь 2009 – апрель 2010 гг.). В апреле 2010 г. он возглавил Генпрокуратуру. В октябре 2006 – мае 2008 гг. занимал должность начальника Службы государственной охраны. Б. Калыев с мая 2008 – апрель 2010 гг. был министром обороны. Камбаралы Конгантиев (ноябрь 2005 – март 2007 гг.) был утвержден Жогорку Кенешем Генеральным прокурором, младший брат Молдомуса Конгантиев в январе 2008 – апреле 2010 гг. занимал должность министра МВД. М. Кайыпов в период правления А. Акаева занимал должность судьи Конституционного суда КР (1999 – 2005 гг.), с сентября 2005 по 2008 гг. – министр юстиции. С июля 2006 по сентябрь 2008 гг. военным прокурором, заместителем генерального прокурора республики был Н. Турсункулов. С сентяб-

¹ Кто есть кто. Статистика // ЦентрАзия. ru URL: <http://www.centrasia.ru/person.php>

ря 2008 по ноябрь 2009 гг. был министром юстиции. Министром МЧС в 2007 – 2009 гг. был К. Ташиев. Председателем государственной налоговой службы при Правительстве Кыргызстана (октябрь 2008 – ноябрь 2009 гг.) был А. Кельдибеков. Основная часть президентской администрации была выходцами из южного региона и сотрудничала с семьей первого лица.

Указанный регионально-родовой баланс периода К. Бакиева показывает частичное вытеснение с политического олимпа северного клана. К примеру, из северного региона Кыргызстана были: премьер-министр правительства Кыргызстана – Д. Усенов (октябрь 2009 – апрель 2010 гг.), спикер ЖК – З. Курманов (декабрь 2009 – апрель 2010 гг.), министр образования и науки – А. Мусаев (февраль 2009 – июнь 2010 гг.), министр здравоохранения – М. Мамбетов (декабрь 2007 – апрель 2010 гг.), министр сельского хозяйства – И. Айдаралиев (октябрь 2009 – апрель 2010 гг.), министр государственного имущества – Т. Турдумамбетов (октябрь 2009 – апрель 2010 гг.), министр труда, занятости и миграции населения – А. Рыскулова (октябрь 2009 – апрель 2010 гг.). Если вычленить только ключевые посты, доставшиеся представителям южного региона, то гегемония южного клана станет очевидной.

Данные политической номенклатуры на 2009 – 2010 гг. свидетельствуют о завершении процесса укрепления преимущества клановой элиты южного региона. Благодаря президентским выборам 2009 г. правящая элита в этническом и клановом аспектах достигла зенита своего могущества. Элитарный клановый принцип формирования власти и собственности исчерпал свой консолидирующий и стабилизирующий потенциал. Конечно, мы можем допустить, что кадровые ротации определялись не одной только этнорегионализацией, многое зависело от конкретных качеств человека, его организационных способностей, личных связей, родства, дружбы. Как отмечает исследователь А. Джусупбеков, именно в период правления К. Бакиева всплыло так называемое явление, как «дрейф идентичности», согласно которому возрастает престижность

принадлежности к южным кланам¹. Были факты, когда у некоторой части политической элиты Кыргызстана, вдруг обнаруживалась «южная родословная».

Не преувеличивая роль кланового фактора, хотелось бы предостеречь и от его недооценки. Соперничество племен, родов и регионов на уровне элиты играло и играет чрезвычайно важную роль в жизни кыргызского общества. При этом не стоит забывать о том, что ни один из регионов или родов не являются монолитными: среди кыргызов широко было распространено внутриплеменное и внутриродовое соперничество. Многое зависело от конкретного региона и людей. Подобный стиль руководства страной имеет место во всех Центральноазиатских странах.

В апреле 2005 года в борьбу за кресло президента Кыргызстана вступили фигуранты от северных и южных элит Ф. Кулов, К. Бакиев, Дж. Назаралиев². В итоге, был выработан компромиссный вариант тандема: президентом страны стал южанин К. Бакиев, должность премьер-министра по этому соглашению получил северянин Ф. Кулов.

По нашему мнению, сепаратизм, региональная разбросанность актуализировались в период политических и экономических кризисов в стране. К. Бакиев, так же как и А. Акаев, нарушил баланс представленных региональных элит. В результате это спровоцировало массовое недовольство элиты северного региона, которая практически была отстранена от занятия высших и «рентабельных» должностей, доступа к сферам влияния и накопления капитала. В течение 2006 – 2007 гг. в Кыргызстане наблюдалось резкое обострение региональной

¹ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность номадов. – Бишкек: Илим, 2009. – С.201.

² Бакиев К. "Мы с Куловым не ссорились... Возможно союз еще сложится" (Стенограмма пресс-конференции и.о.президента Кыргызстана К. Бакиева в Москве). 10.05.05 // ЦентрАзия.ru URL: <http://www.centrasia.org/newsA.php4?st=1115699520> (дата обращения: 20.08.07.); Назаралиев Дж. О самовывдвижении. URL: <http://www.svoboda.org/programs/tw/2005/tw.042705.asp> (дата обращения: 20.08.07.).

проблемы, организованное северной оппозицией¹. Жесткая борьба между клановыми элитами и группами вышла на поверхность. Было ясно, что определенные политические круги, преследующие свои узкие интересы, принесли в жертву интересы национальные. Было очевидно, что северная оппозиция подверглась резкой критике деятельность южного президента.

Протестное народное движение. Действия оппозиционных сил. Другой фактор, непосредственно влиявший на обострение политической жизни в стране – реакция власти на выступления оппозиции. Действуя формально в рамках правового поля, власть взяла курс на запугивание и построение полицейского государства. Вела борьбу с активным преследованием отдельных оппозиционеров. В среднем в эти годы правления каждый день в стране происходило по два протестных мероприятия. В течении 2005 г. в Кыргызстане состоялось около 2,5 тыс. акций гражданского неповиновения². Самой масштабной была политическая акция 29 апреля 2006 г., в ходе которой политическая оппозиция вывела на площадь страны около 20 тыс. демонстрантов³. Наиболее критическим стал апрель 2007 г., когда оппозицию возглавил экс-премьер-министр Ф. Кулов. В начале 2008 г. оппозиционное движение усилилось.

Движущими силами революции 2010 г. были – партии и криминализируемая молодежь. Вес политических партий

¹ Омаров М. Трайбализм как зеркало кыргызской политики, или Феномен трайбализма у кыргызов // ЦентрАзия.ru. 04.04.07. URL : <http://www.easttime.ru/analitic/1/4/202.html> (дата обращения: 09.05.09.)

² Курманов З. Закон об оппозиции как фактор формирования демократической политической системы в Кыргызстане: необходимость, угрозы, риски... // Аналитический центр «Разумные решения». 28.06.06. URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-gov/1441-20060628234337894.html> (дата обращения: 08.02.10.)

³ Курманов З. Закон об оппозиции как фактор формирования демократической политической системы в Кыргызстане: необходимость, угрозы, риски... // Аналитический центр «Разумные решения». 28.06.06. URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-gov/1441-20060628234337894.html> (дата обращения: 08.02.10.)

был весьма незначителен при численности населения Кыргызстана на 2011 г. 5477,6 тыс. чел¹. На эту небольшую электоральную массу приходилось 57 зарегистрированных политических партий и еще столько же движений и объединений². Из 57 партий, более 20 оппозиционных, которые находились в жесткой конфронтации между собой³. К наиболее крупным и влиятельным относились СДПК (лидер А. Атамбаев), «Ата – Мекен» (О. Текебаев), «Ар-Намыс» (Ф. Кулов), партия коммунистов Кыргызстана (И. Масалиев).

Слабость политических партий Кыргызстана выражается: в отсутствии политико-идеологических доктрин, в незрелости партийной системы, в персонифицированности ведущих политических сил. По содержанию и структуре программ, в целом, у них не было различий. Особенность политической оппозиции 2010 г., пришедшей к власти, была в том, что все они были выходцами из старой политической элиты: бывшие соратники и политические союзники, как А. Акаева, так и К. Бакиева. В силу объективных и субъективных причин оказались репрессированы и подвергнуты прессингу со стороны властей за инакомыслие, что в итоге составили действующую оппозицию. К примеру, Р. Отунбаева дважды была министром иностранных дел при двух президентах; О. Текебаев – депутат четырех созывов, бывший спикер парламента; А. Атамбаев – министр промышленности, торговли и туризма, исполнял обязанности премьер-министра в правительстве К. Бакиева; Т. Сариев – бывший депутат и кандидат в спикеры парламента; А. Бекназаров – бывший генеральный прокурор КР; К. Дуйшеев — глава службы национальной безопасности, бывший министр внутренних дел. В первые дни революции в апреле 2010 г., на

¹ Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2007 – 2011. – Бишкек: Нацстатком КР, 2012. – С.18.

² Базарбаев К., Жумагулов Б. Политические партии Кыргызстана: теория и практика. – Бишкек, 2012. – С.98.

³ Политические партии Кыргызстана // Акипресс. URL: http://www.akipress.org/_htm/part.htm (дата обращения: 12.12.11.)

наш взгляд, кыргызская оппозиция была менее консолидирована, и по своей активности уступала народному движению.

Следует отметить, что состав участников апрельской революции 2010 г. был разнообразен: от модернистов, требующих демократических изменений в стране до криминализированной молодежи. Однако в апреле 2010 г. все социальные прослойки населения объединились с одной общей целью – свергнуть режим президента К. Бакиева.

Исламский фундаментализм. Фактор влияния наркотрафика. Сложным вопросом для современного Кыргызстана остается высокая доля теневого сектора в экономике, в частности, с транзитом наркотиков. Это очень острая, но в то же время актуальная проблема страны. По данным экспертов Всемирного банка, Кыргызстан стал одним из ключевых пунктов хранения и транзита афганского героина в Россию и занимает второе место в Азии по темпам распространения и потребления опиатов (2,3% взрослого населения в возрасте выше 15 лет). Из десяти наиболее известных маршрутов транспортировки афганского героина, шесть проходят через южный г. Ош¹.

Отметим, что налаженные пути наркотрафика, отток и отмывание денежных средств «черного» бизнеса, прямо связаны с криминалитетом, коррупцией и исламским фундаментализмом. Хотелось бы заметить, что отношение к исламскому фундаментализму в региональном сегменте представляет некоторую особенность. На севере страны его распространение и воздействие сталкивается с серьезными препятствиями. Факторами, удерживающими социальные слои местного населения от участия в фундаменталистском движении, являются проживание этнических меньшинств, высокий уровень образованно-

¹ Лаумулин М. К событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 27; Чернявский С. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 52.

сти, существенное влияние славянской, западной культуры, развитие рыночной экономики. В южных регионах страны, наоборот, заметно влияние фундаменталистской идеологии, прежде всего в городах Ош, Джалал-Абад и Баткен. В данном случае, активность нелегальной религиозно-политической партии "Хизб ут-Тахрир" трансформировалась из идеологической пропаганды и культивирования идей среди населения в практические действия. В период правления К. Бакиева адепты религиозной партии усилили активность в столице и ее окрестностях. Не исключено, что в проведении революции 2010 г. исламский фундаментализм сыграл не последнюю роль.

В результате взаимосвязи политического и социально-экономического развития страны с клановостью и регионализмом, активного протестного выступления масс, продуманной внешней политики, высокой степени активности исламских фундаменталистов и коррумпированности режима К. Бакиева возникла революционная ситуация. Оппозиция инициировала очередной политический кризис. Протестные выступления 2010 г. неизбежно вывели общество за рамки конституционного управления.

6 апреля 2010 г. начались массовые выступления в г.Талас. Колонны протестующих направились на главную площадь столицы – «Ала-Тоо». Толпа штурмовала главные государственные учреждения, дома и торговые объекты Семьи¹. Связующим посредником выступил местный криминалитет. Армия и милиция перешла на сторону восставшего народа. Количество убитых составило около 90 человек, более тысячи получили ранения. 8 апреля 2010 г. победившая оппозиция образовала Временное правительство в составе 13 человек во главе с Р. Отунбаевой. Неожиданное бегство К. Бакиева из страны вызвало серьезную озабоченность сотрудничавших

¹ Хоперская Л.Л. Политический кризис в Киргизии: основные акторы. 15.04.10 // Евразийский дом. URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/default.xml?lang=ru>. (дата обращения: 12.11.12)

стран: Казахстан и Узбекистан перекрыли свои границы, КНР усилила пограничный режим (общая граница с Китаем более 800 км), США отменили дипломатические консультации с Кыргызстаном, временно приостановили использование военной базы в "Манасе".

События в Кыргызстане в 2005 г., 2010 г., которые привели к политическому кризису, объясняются следующими причинами. Во-первых, Основой протестного движения явилось резкое падение экономического уровня жизни, монополизация власти, всеобщая маргинализация населения. Трансформации части народа в толпу родил феномен т.н. «монстра-власти», описанного до этого в социологии поведения целенаправленно обезличенных масс, бездумно разрушающих свое настоящее и будущее. Объективные биологические потребности чувствовать, ощущать, идентифицировать себя с той или иной общностью или группой механически спровоцировали пути выхода из кризиса. Усилиями политики двух президентов была проведена целенаправленная политика дегуманизации населения Кыргызстана. Определенная часть населения страны превратилась в конгломерат индивидуумов, в массовую толпу.

Во-вторых, культивирование в государственно-властных отношениях клановости, которая на протяжении всего суверенитета страны стала играть ключевую роль в государственном управлении Кыргызстана. Личная клановая преданность, привязанность олигархическим интересам, при этом закрытость, отчужденность, дистанцированность от основной массы общества. Интегрированная вокруг кланов крупная номенклатурная политическая элита, бизнес-элита составляли главные опоры семей президентов. Усиление клана привело к внутренним конфликтам: разрушению клана изнутри. Борьба за передел собственности и сфер влияния способствовали разъединительной политике внутренних влиятельных кланов, что естественно это отразилось и на народной массе.

В-третьих, продвижение кадров естественным образом совпало с регионально-родовой конфигурацией страны. При

правлении первых двух президентов нарушение баланса северных и южных элит во властной структуре привел к свержению президентов. Для сохранения власти активно использовались этнорегиональная и родоплеменная идентичности кыргызов, трансформируя их в этнорегионализм, трайбализм, наполненный сепаратистским содержанием. Региональная сегрегация страны нашла свое завершение. Существенно важно отметить, что данная ошибка проявилась дважды.

В-четвертых. Наличие конституционного кризиса. Положения Конституции Кыргызской Республики были направлены на защиту и укрепление режима личной власти глав государства, противоречили мнению народа. Законодательная, исполнительная и судебная власти были сконцентрированы в руках одного человека, что было использовано в коррупционных целях.

В-пятых. В ходе политических событий 2005 г. и 2010 г. сыграл личностный фактор бывших президентов. Проявленная безответственность, низкий культурный и политический уровень, а также агрессивность действий К. Бакиева и его окружения, привели к массовой гибели граждан республики. Использование военного ресурса для умирения толпы, спровоцировало вооруженное столкновение массы с представителями государства, привело к трагическим последствиям в столице, национальной розни на юге Кыргызстана. Президент, как гарант государства, полностью дискредитировал себя. Поэтому, правовая, моральная ответственность за беспорядки, мародерство, физические и материальные потери народа полностью лежат на первых двух президентах.

В событиях Кыргызстана в 2005 г. и 2010 г. можно выделить и существенные различия. Во-первых, в характере протестного оппозиционного движения. Действия оппозиции 2005 г. носили преимущественно мирный характер: она была максимально заинтересована в стабилизации ситуации в стране и контролировала массовое выступление. Принципиально иной характер носило протестное движение 2010 г.: инициатором и ведущей силой выступила стихийная народная масса, не было

целенаправленного руководства со стороны оппозиции, лидеры оппозиции присоединились на последнем этапе выступления. Агрессивное поведение масс в период правления К. Бакиева объясняется тем, что, во-первых, политико-семейный клан, в отличие от периода правления А. Акаева, стремительно за короткий срок достиг своего апогея. Во-вторых, окружение бывшего президента К. Бакиева, по сравнению с его предшественником, было более сплочено, консолидировано и мобильно. Личная преданность и патронатно-клиентельная система окружения К. Бакиева, способствовали жесткому сопротивлению в борьбе за сохранение власти.

В целом, причины революций 2005 г. и 2010 г. в Кыргызстане заключались, прежде всего, во внутренних конфликтах государства: семейственность и клановость, экономический кризис, неудачно выбранная форма правления, единоличная власть президента, отсутствие полного народовластия, недееспособность исполнительных ветвей власти, чрезмерная бюрократизация (интересы бюрократии как класса стояли выше интересов общества) и повальная коррупция. Политический и экономический кризис государства способствовал пробуждению традиционализма: региональной идентичности народа по принципу «Север-Юг», что поставило под угрозу сохранение целостности страны. Влияние западных государств на события в Кыргызстане не были определяющими. Надо понять, что смена политических элит в государстве это закономерная, объективная необходимость. Различие состоит только в том, что механизмы смены власти были специфичны: по тенденции силового свержения¹. Резонанс выступлений масс заключался в использовании современных политтехнологий по осуществлению переворотов на постсоветском пространстве. Для стран СНГ это послужило переходным периодом постсоветского пе-

¹ Политические процессы в Кыргызстане: итоги и перспективы. Материалы межд. конф. /Под общ. ред. Е.В.Тукумова. – Алматы: Центральноазиатский фонд развития демократии, 2005. – С. 124-125.

риода¹. Можно констатировать, что апрельская революция 2010 г. в Кыргызстане была прямым продолжением мартовской 2005 г., поскольку нерешенные проблемы 2005 г. вновь всплыли и были обнародованы в 2010 г.

В Кыргызстане после революции 2010 г. предполагалось наладить и стабилизировать социально-экономическое, политическое развитие страны, внешнюю политику государства. Лидеры революции инициировали коренные политические реформы по демонтажу прежней политической структуры власти и политического режима. Однако, сложность проведенных реформ привела к некоторым недостаткам.

1. Социально-экономическое развитие. Учитывая, что революция была осуществлена в весенний сезон народными силами, в стране было засеяно не более трети посевных площадей. Это грозило большими перебоями с продовольствием и голодом. Перспективы экономического кризиса усугубились внешним изолированием приграничных соседей, что прервало торговлю. В результате только внешней поддержки стран ОДКБ (финансовая и продовольственная) социально-экономическое состояние страны внешне стабилизировалось.

2. Политическая стабилизация. Длительный срок переходного периода до легитимных выборов (шесть месяцев – с апреля по октябрь 2010 гг.) не дало возможности принимать легитимные решения относительно глубоких реформ. Все решения требовали подтверждения будущим правительством. Президент переходного периода Р. Отунбаева за короткий период не успела заложить основу для будущего – организовать или начать процесс формирования лица новой власти, сломать фундамент старой кадровой системы. На смену ей пришел ее сподвижник А. Атамбаев.

3. Реформа Конституции 2010 г. изменила форму правления государства – от президентской к парламентской. Пар-

¹Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 38.

ламентская форма правления заметно расширила полномочия кыргызского парламента. Но, фактически, это привело к постоянной смене правительства, партий и политических движений. Ход и результаты парламентских выборов 10 октября 2010 г. показали, что в процессе перехода к новому парламентскому типу политического режима Кыргызстан испытал много трудностей. Кыргызские политические лидеры постреволюционного 2010 г. представляли из себя амбициозных лидеров, отражающих сугубо региональные, клановые, трайбалистские, семейные, личные, корыстные интересы.

4. Внешняя политика. Важнейшим приоритетом во внешней политике Временного правительства осталась многовекторность. Временное правительство продлило договора о нахождении военных баз на территории государства, подтвердило другие международные обязательства Кыргызстана, предоставило широкий формат международного участия в организации и проведении выборов.

5. Действие Временного правительства было направлено на выявление преступников в управленческом аппарате К. Бакиева. Военный суд Кыргызстана 12 февраля 2013 г. в связи с событиями, произошедшими 7 апреля 2010 г. приговорил экс-президента республики К. Бакиева заочно к 24 годам колонии усиленного режима с конфискацией имущества. Жаныша (Жаныбека) Бакиева, признанного виновным по шести статьям УК республики, в том числе о массовом убийстве, лишенного всех воинских заслуг и званий – к пожизненному лишению свободы. Ж.Бакиев Приговор К. Бакиеву и Ж. Бакиеву вынесен в рамках дела о тройном убийстве в марте 2009 г. руководителя администрации президента, влиятельного политика М. Садыркулова, директора института стратегических исследований С. Слепченко, водителя К. Сулайманова¹. Первомайский районный суд Бишкека заочно приговорил М. Бакиева к 25 го-

¹ Экс-глава Киргизии заочно приговорен на родине к 24 годам колонии. 12.02.2013 // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20130212/922461140.html#ixzz2QJoSoBNg> (дата обращения: 04.04.13.)

дам тюремного заключения с конфискацией имущества и лишением права занимать определенные должности сроком до 3-х лет. Его признали виновным в коррупции и заключении госконтракта вопреки интересам республики. В результате только двух операций, государству был нанесен ущерб в 2,6 и 135,7 миллиона долларов¹. Судебные разбирательства, международный розыск других виновников апрельских событий продолжаются до сих пор.

6. Допущенная неуправляемость масс, разгул преступности и безнаказанности превратили народную массу в охлократию. Масса спроецировала свою злобу на исполнителей власти, на их богатство и достаток.

Любой исход истории может определить время. Учитывая историческую преемственность, после IX века кыргызы не имели своей государственности, это продолжалось вплоть до середины XIX века. Кыргызы входили в состав других государств, при этом они смогли сохранить первичные формы демократии - советы старейшин, курултай. Все это мы относим к внутреннему традиционному развитию страны. Но в истории кыргызов не мало примеров внешних, навязанных извне факторов (Кокандское ханство, Российская империя, СССР). Вековая история кыргызов показала, что у нас исторически не прижился институт правителя с широкими полномочиями. Кроме того, политическая история кыргызов переполнена бесконечными войнами с деспотическими режимами. Свержение личной власти А. Акаева, К. Бакиева последние примеры за 20 лет существования независимого государства.

Ближайшей стратегической задачей Кыргызстана является построение демократического правления, при котором только грамотные решения могут оказать фундаментальное влияние на будущее граждан Кыргызстана. Главное в том, какая система больше подходит к условиям нашего государства, с

¹ Лисовский М. Максима Бакиева заочно приговорили к 25 годам тюрьмы 27 марта. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_03_27/Maksima-Bakieva-prigovorili-k-25-godam-tjurmj/ (дата обращения: 04.04.13.)

учетом его исторического прошлого, социальной структуры и политической культуры, которая может быть модернизирована посредством усиления в ней роли гражданского сектора, как наиболее надежного заслона на пути возможного «перерождения» правящей политической элиты.

После обретения независимости перед Кыргызстаном стояли три задачи: строительство государства, демократизация, введение рыночной экономики и достижение экономического развития. Но, к сожалению, ни одна из этих задач не была выполнена до конца. Процесс идет очень медленно, до сих пор идет формирование государственности как таковой. Страна испытывает дефицит государственного мышления.

Для преодоления трудностей стране потребуется придерживаться следующих аспектов: формирование национальной общегражданской идентичности, наладить эффективность государственных институтов. Во-первых, в Кыргызстане нет единства, еще сильны племенные, родовые и региональные идентичности кыргызов. Имея общие ценности и идеологию, культурную общность, процесс консолидации кыргызского народа был бы намного облегчен. В нашем государстве этот процесс только набирает силу. Во-вторых, государство обязано предоставить минимальные общественные блага, социальные услуги и инфраструктуру. Правительство должно заботиться о дорогах, энергоснабжении, медицинском обслуживании, социальных гарантиях и обеспечении безопасности граждан республики. Если государство не в состоянии предоставить минимальный пакет гарантий, то народ начинает искать альтернативу через неформальные способы решения этих проблем. Отсюда развивается коррупция, криминализация взаимоотношений, клановость, землячество и кумовство. Все эти неформальные институты полностью парализовали государственную сферу. В связи с этим нашему государству необходим психологический мощный прорыв, культурный и экономический шок в сознании населения. Для этого нужна сильная политическая воля. Надо мобилизовать весь потенциал и интеллект нации, использовать исторический опыт избранной политической

элиты, собрать талантливое поколение нации – молодежь. Необходимо мобилизовать политическую элиту страны, в таком случае обновление страны и сознания народной массы будет обеспечено. Появилась возможность извлечения определенного урока для будущего поколения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате политической эволюции постсоветского Кыргызстана сложившаяся ситуация на апрель 2010 года в конечном итоге привела к политическому, социально-экономическому, идеологическому кризису и конфликту. Кыргызстан превратился в одно из нестабильных государств на постсоветском пространстве. Важным источником политической нестабильности кыргызского общества стала присутствующая клановая система кыргызского общества.

В современный период данный социальный феномен выступил как объединение, основанное на системе непосредственно личностных (дружеских, родственных, этнических, земляческих) или опосредованных (деловых, профессиональных, административных и т.д.) взаимоотношений, имеющие общую хозяйственную основу для функционирования. Клановость является неотъемлемым признаком существующей политической системы. Кыргызские племена и роды выступили социальной основой и внутренним регулятором родовых отношений. Изучение и анализ межплеменных и межклановых противоречий в политической истории Кыргызстана XIX – XXI в. показало, что их объем, глубина и накал усугублялся политикой, проводимой руководством страны прошлого и нынешнего столетия.

В современном кыргызском обществе родовая и племенная идентификации трансформировались, стали рядиться в демократические одежды, активно манипулировать политическими процессами, происходящими в стране. Объективно трайбализм с «демократическим» лицом стал реальностью в политике государства, получил возможность открыто влиять на государственное строительство современного Кыргызстана. Основная масса акторов политической жизни, выступили но-

сителями родовой и региональной идентичности. В политической элите Кыргызстана сформировались региональные и трайбалистские группировки. Современная политическая жизнь Кыргызстана стала определяться родоплеменными и кланово-семейными отношениями.

С периодом суверенизации в кыргызском обществе выработалась установка крайнего недоверия к власти, что неизбежно породило ярко выраженный индивидуализм. В отличие от советского периода, современные люди не готовы сознательно жертвовать во имя общего блага. В этой ситуации экономический кризис породил борьбу определенных кланов за передел собственности, борьбу номенклатурных, политических и бизнес-элит, действия которых зачастую были нелегитимными и аморальными. Естественным образом общество трансформировалось в безвольную асоциальную массу, отвечающую на реформы апатией и равнодушием. Появилось общество подавленных людей, приземленных заботами о выживании, не видящих и боящихся перспективы. Наблюдается феномен так называемого «черного сознания» – резко негативной оценки всего проходящего в обществе. Этот феномен способствовал возрождению трайбализма в современных условиях общественной жизни страны.

Клановость и трайбализм в кыргызском обществе выступают как некий каркас, структура построения родственных взаимоотношений, «руководящей нитью» в построении генеалогических связей кыргызского общества. Родоплеменная дифференциация кыргызского общества, их погруженность в небольшую общину, является отличительным признаком нашего этноса, ее основным зерном, создающим кыргызское общество и государство.

Традиционное общество – это образ жизни кыргызов. Родовая идентификация выступила, как способ мышления и интерпретации происходящих процессов и явлений сквозь призму генеалогического происхождения, объяснения и аргументации, регламентации и регулирования процессов социальной

мобилизации и консолидации общества. Родоплеменное деление глубоко укоренилось в национальном менталитете, став составной частью "коллективного бессознательного" кыргызского народа. Трайбализм способствовал сплочению людей на основе кровнородственной общности, что в итоге привело к появлению клановых объединений. Клановость же обязывала их в постоянном сохранении благополучия, целостности и самостоятельности своего рода и племени, выступила как реальное политическое явление, определяющее все сферы общественной жизни кыргызского государства.

На протяжении всего эволюционного развития, традиционный кыргызский трайбализм смог удержаться и приспособиться к изменяющимся условиям. Именно многочисленные исторические катаклизмы последних лет и веков, политический, социально-экономический кризис переходного периода возродили у наших граждан естественный природный инстинкт – борьбу за выживание, как защитную реакцию против вестернизации кыргызского общества. Приспосабливаясь к постоянным переменам и условиям в обществе, трайбализм трансформировался, при этом не изменяя основных принципов существования трайбового и кланового кыргызского общества. Такое последовательное сохранение принципов трайбализма, позволило кыргызскому народу сохранить этническую самостоятельность и целостность, стало орудием выживания в трудные времена.

На протяжении всего исторического развития государства пытались бороться, уничтожить и искоренить центральный остов взаимоотношений нашего общества. В результате, в особенности за последние десятилетия, процессы формирования национального единства и общенационального сознания, государственной национальной политики на основе политических и гражданских ценностей развиваются по нисходящей линии. Следовательно, вполне целесообразно, не разрушая нашей структуры, традиций и культуры, корректировать, трансформировать, а в некоторых случаях насаждать новые по-

строения, в зависимости от запроса времени, с учетом внутренних и внешних обстоятельств. Только в таком случае, мы можем сохранить стабильность в кыргызском обществе, историческую преемственность традиционного кыргызского общества с учетом современных запросов и реалий. Поэтому, ближайшей стратегической задачей нашего государства является возрождение демократического правления государства, активное привлечение народных масс к государственному управлению. Обдуманное и правильное принятие решений может оказать существенное влияние на будущее Кыргызстана.

Фундаментальную роль в раскрытии понятий клановости и трайбализма сыграла мононациональная кочевая традиционная община страны. На основе изучения научных концепций о возникновении родоплеменного деления кыргызов, отметим, что формирование родовых объединений объясняется природно-климатическими, экономическими и геополитическими причинами.

Принципы родовой структуры кыргызского общества сложились до возникновения институтов государства. Родовая дифференциация общества была порождена у кыргызов особенностями передачи информации и собственности в кочевой среде. Объективный ход исторических процессов, социально-экономическое развитие и генезис общества позволяет сделать выводы, что главная причина появления трайбализма заключалась в особенности экологической ниши, которая детерминировала способ адаптации человека к природно-климатическим условиям, в результате чего возникает особая специфическая система материального производства – кочевое скотоводство. Именно особенность кочевого скотоводства, его закрытость для проникновения оседло-земледельческих структур, в условиях отсутствия общей государственности, создало постоянную потребность в сохранении благополучия, самобытности, целостности и самостоятельности этнического образования. Необходимая для адаптации информация цирку-

лировала по патрилинейным каналам. Естественно утвердившийся порядок передачи знаний и собственности обеспечил преобладание генеалогической системы родства и генеалогической организации в общей системе социального агрегирования кочевых сообществ. Такого рода государственные образования среди кочевников функционировали, начиная с момента генезиса номадизма.

В результате этой естественной интеграции возникли такие крупные территориальные конфедерации как крылья (союз племен), послужившие важной ступенью общественного устройства. К XV в. создалась дуальная этнополитическая организация – он канат и сол канат, оказавшая существенное влияние на дальнейшее социально-политическое развитие кыргызов. Дуальная система кочевников стала наиболее оптимальной организацией для регулирования территории и населения. Название родов и племен дуальной системы кыргызского общества следует понимать исключительно в категории геополитического фактора. При этом высокая устойчивость генеалогического принципа не вызывала сомнений. Для каждой зоны была характерна своя специфика культурно-исторического процесса. Первое упоминания родов в источниках относится к XVI в.

Следует отметить, что до XV в. государственные структуры возникали в среде кочевых народов, главным образом, с целью организации внешней экспансии, тогда как в новое время государственные структуры кочевников возникали обычно в маргинальных зонах на стыке кочевого и оседло-земледельческих миров с целью урегулирования отношений. В мирное время роль государственно-потестонарных образований была сведена до минимума и не играла существенной роли в жизни социума. Именно поэтому государственные структуры кыргызов носили аморфный характер. В этой связи, военные традиции осуществляли максимальную централизацию кыргызов, кочевой же образ жизни, в свою очередь требовал их сегментации. В масштабе народа, кыргызский трайбализм ст-

личает внутриплеменная, чаще внутриродовая объединительная способность. Однако, если оценивать в целом, эта способность начинает носить отрицательный характер, если узкоплеменные, родовые интересы и потребности не совпадают с общенародными и общенациональными.

В период русской колонизации Кыргызстана, взамен традиционной системы племенной организации потестонарных структур была создана территориально-государственная административная система. Одновременно, русский царизм, используя социально-экономическое, сословно-правовое противопоставление различных групп населения, опирался на традиционные социальные институты местной власти, придавая им надгрупповое значение. В результате были созданы институты власти, базирующиеся на формировании элитарной прослойки общества, аристократической знати по сословно-классовым признакам. Таким образом, возникла иная система координат власти и государственного доминирования: произошло сращение традиционной кочевой и российской (колонизальной) систем управления. Традиционная родоплеменная организация кыргызов довольно успешно адаптировала новации русского царизма. Фактически в центральноазиатских землях было осуществлено косвенное управление, не затронувшее социальной структуры общества. Индивид по-прежнему ассоциировал себя с той или иной родоплеменной группой, т.е. традиционную кочевую общину царизм не смог преобразовать, но использовал и эксплуатировал ее как целостный организм. Все попытки царского правительства реформировать традиционную систему управления, потестонарно-политическую систему кыргызского общества в дореволюционный период оказались малопродуктивными.

Советская власть, тоталитарная система и господствующая идеология также стремились оттеснить на второй план клановую лояльность. Как свидетельствует исторический опыт Кыргызстана, все попытки Советского государства в 20-30-е гг. XX в. распространить властные функции на каждого

индивида не увенчались успехом, поскольку он по-прежнему ассоциировал себя с той или иной родоплеменной группой. Коренная ломка традиционных представлений о власти в 30-х гг. XX в. при проведении кампании по насильственному переводу кочевников на оседлость, коллективизации, ликвидации частной собственности на скот, общинной собственности на землю, предания анафеме родоплеменной структуры общества, установления государственных форм собственности на средства производства, формирования колхозно-совхозных форм хозяйства закончились безрезультатно, поскольку традиционная родоплеменная организация успешно адаптировала все новации. Причина высокой степени устойчивости и противостояния трайбализма и клановости в советский период объясняется тем, что они объективно воспроизводились естественными природно-климатическим факторами – кочевым способом производства, что являлось его необходимым атрибутом. Сфера общественного сознания и идеология – были основным полем его функционирования. Вследствие этого «кочевой менталитет» совершенно естественно пережил любые субъективные новации советских государственных структур в 20 – 30-е гг. XX в., так как они были нежизнеспособны и носили надуманный характер.

В рамках тоталитарного режима, основанного на противопоставлении классов и народов, имела место идеологизация групповых форм общественного сознания, в результате родоплеменная организация получила новые импульсы в своем развитии и стала важнейшим атрибутом государственной системы управления в Кыргызстане. Следует отметить, что соперничество кланов на уровне элиты играло чрезвычайно важную роль в жизни кыргызского общества. Ни один из родовых объединений не является монолитным: среди кыргызов было широко распространено и внутриродовое соперничество. Многие зависят от конкретного региона и конкретных людей. Родоплеменная организация в очередной раз продемонстрировала способность к адаптации очередных новаций и реформирова-

ния властных органов. Кыргызское общество, сохраняя традиционную культуру, показало высокую степень выживаемости и адаптивный потенциал.

На протяжении всего советского периода в процессе становления кыргызской государственности, в политике Кыргызстана главенствующую роль играло внешнее вмешательство советской метрополии. Совмещение партийной власти внешнего управления с традицией племенного гегемонизма было одним из главных результатов советского правления. На высших уровнях власти сложился тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно высшие государственные посты закреплялись за представителями определенных этно-региональных или родо-племенных элит. Систему "двойных стандартов" следует считать системообразующим признаком государственной жизни в этническом обществе. Такая система способствовала сосредоточению власти у достаточно узкого круга национальной элиты. Таким образом, сформировался новый номенклатурный клан – евронационалов. Внешним, и внутренним условием карьерного роста номенклатурной элиты было расширение прав этнорегиональных элит.

Таким образом, клановость и трайбализм в Кыргызстане благополучно, хотя и с некоторыми потерями, пережили все кампании, организуемые с целью их ликвидации, а в годы независимости произошла фактическая их реабилитация и легализация, создавшая благоприятные условия для усиления региональных клановых элит. В суверенном Кыргызстане функции институтов политической самоидентификации стали выполнять институты родовой самоидентификации. Поиски «собственного пути» привели к возрождению архаических институтов средневековья, появлению феодальных уделов, семейственности, коррупции и обнищанию народа. Региональная и клановая элита кыргызского общества, сохранив не только свою сущность и традиции, но и массовую базу, превратив в доминанту политических процессов в стране, получили возможность открыто влиять на процессы государственного

строительства. Укреплению позиций клановости способствовали рыночная экономика, процесс модернизации в условиях формирующейся демократии. Экономические трудности, борьба за выживание способствовали сплочению людей на основе кровнородственной общности.

Одной из причин актуализации клановой системы в кыргызском обществе явилась защитная реакция против влияния Запада, глобализация, наносящая непоправимый ущерб, прежде всего нравственным устоям общества, вековым традициям коллективизма, внутриобщинной демократии и взаимовыручки. Однако, многие принципы и правила трайбализма перестали соответствовать реалиям и интересам современности, выражая и защищая интересы только рода или племени, а не народа в целом, они вступили в противоречие по многим позициям с общенациональными интересами. Переходный период развития кыргызского общества нанес ущерб нравственным устоям общества, вековым традициям коллективизма, внутриобщинной демократии и взаимовыручки, ограничению авторитета и роли старшего поколения. Более того, многие проявления набирающего силу трайбализма несут серьезную угрозу стабильности и целостности государства, способствуют росту проявлений сепаратизма и регионализма, которые в любой момент могут выйти на поверхность, взорвав национально-территориальное единство страны. Возникла угроза всеобщей маргинализации, где в условиях формирующейся демократии и рыночной экономики родовые структуры и институты взаимопомощи помогают выжить в тяжелых и непривычных для индивида условиях. Родоплеменные отношения, создавшие формы социально-экономических связей, закрепивших их в традициях и обычаях, идеологии, не могут исчезнуть даже в течение жизни нескольких поколений и еще долгое время будут влиять на политику и экономику Кыргызстана.

Гражданское понимание нации – нелегкий процесс. Очевидно, что потребуется не мало времени, чтобы эта идея овладела не только умами отдельных интеллектуалов, представи-

телей политических элит, а всего общества. Без преодоления «культы крови» Кыргызстан будет обречен на постоянную ситуацию гражданской войны и деления на «своих» и «чужих». Формирование новой государственной и национальной политики будет проходить в условиях общемирового кризиса национального государства, размываемого с двух сторон – глобализацией и этническим сепаратизмом.

На современном этапе для динамичного развития Кыргызстана, усиления институтов гражданских прав, свободы и демократии, необходимо всецело сконцентрироваться на проведении глобальных реформ. При этом необходимы реформы конструктивного характера, требующие в корне изменить кыргызское общество, направить его в позитивное русло развития. Возможно сочетание восточного деспотизма (позитивные стороны) с особенностями историко-культурного развития страны.

Сегодня, как никогда ранее, настало время задуматься о собственной модели демократии для стран СНГ, как способ решения проблемы. Кыргызстану необходимо выбрать свою модель государственного устройства, учитывая национальную, историческую и культурную особенность государства. В современном информационном обществе модель государственного устройства сыграет системообразующую роль, она поможет выработать совокупность стратегических приоритетных парадигм для осуществления и сохранения гражданского мира, согласия, целостности, обеспечения положительного имиджа страны.

В ближайшее время государству требуется решение проблем политической стабильности страны, его экономического развития, а также трансформации национальной идентичности в наднациональную. Для политического развития страны необходимо поддерживать политическую конкуренцию, независимость ветвей власти, обеспечить конституционные гарантии деятельности оппозиции. Анализ социально-экономической ситуации в Кыргызстане показал, что главная

преграда на пути реформ – нерациональное государственное управление, слияние клановости, семейственности с государством, возникновение nepотизма, институтов кумовства. В экономической области необходимо создать максимально благоприятный инвестиционный климат посредством ликвидации административных барьеров для инвесторов. Возможно временное и постепенное снижение налогов, что создало бы условия для развития малого и среднего бизнеса. Необходимо также противодействовать коррупции в стране: внедрение действующих механизмов мониторинга, оценки и системы мер по борьбе с ней.

В социальной области необходимо достижение общегражданской идентичности, расширения состава и компонентов гражданской национальной идентичности, включив в него национальные элементы: язык, культуру, традиции, обычаи, историческую память населяющих данное государственное образование национальных меньшинств. Можно снять противоречия между гражданским и этнонациональным подходом в нациостроительстве в Кыргызстане.

В идеологической области. В условиях глобализации национальная культура сопровождается возрождением этнонациональных мифов, локальной истории и культуры. Взрыв коллективной памяти и интереса к прошлому объясняется ответной реакцией на вызовы, порождаемые глобализирующим миром. Все это препятствует образованию наднациональной идентичности. Необходимо выработать идеологическое наднациональное направление, которое бы объединило и сплотило бы кыргызский народ. Воссоздать из исторической коллективной памяти образ, который связал бы прошлое, настоящее и будущее кыргызского народа – идеология, опирающаяся на сакральные символы и образы. В качестве альтернативы можно предложить тенгрианство. В конце прошлого столетия А. Акаев предлагал образ мифического героя Манаса. В целом, на наш взгляд для более содержательного наполнения идеологии страны необходимо сочетать позитивные стороны традиций и

обычаев тенгрианства, эпоса «Манас», применительно к изменившимся условиям современности.

Однако для реализации вышеуказанных мероприятий по выходу из политической и социально-экономической стагнации нужен авторитарный харизматичный лидер с сильной политической волей. Лидер должен быть способным провести демократические реформы, проявить политическую волю, силу, предоставлять права и свободы личностям. Существенную роль для создания противовеса политическому лидеру государства, а также для создания систем сдержек и противовесов может оказать политическая элита.

Формирование кыргызской гражданской политической нации первостепенный для государства политический проект. Его осуществление – это сложный, многоэтапный комплексный процесс. Основополагающими направлениями для реализации данного проекта, по нашему мнению являются:

- выработка и пропаганда нового принципа национальной политики на основе общей системы политических и гражданских ценностей – кыргызской гражданской политической идеологии (демократический гражданский национализм);

- оптимизация региональной политики Центр – Регионы, Север – Юг для завершения процессов формирования национального единства и общенационального сознания. Для этого целесообразно реформировать административно-территориальное деление государства, ликвидировать областные структуры.

- обеспечение строгой системы кадровой государственной политики, учитывающей специфические особенности регионов и этнических традиций;

- обеспечение подготовки и воспитания политической элиты Кыргызстана. Целесообразно создать государственный консультативный орган, где опыт и практика политиков послужит ценным вкладом для последующего политического развития и интеграции государства;

- новой концепции и унификация образовательного пространства, вплоть до изменений в информационной политике государственных СМИ;

- изучение социальных и моральных кодексов родства и родоплеменного единства, как эти кодексы пересекаются и взаимодействуют с гендерными проблемами и проблемами бедности;

- оптимизация и регулирование миграционных процессов страны, придав им управляемость;

- актуализация изучения истории, во избежание фальсификации и мифологизации культурного наследия кыргызского народа;

- в силу многоаспектности поднятой проблемы, выявления в ней новых содержательных сторон, требующих специального исследования, продолжать изучение проблем традиционного кыргызского общества смежными дисциплинами.

Таким образом, на основе изучения внутренней архитектуры родоплеменного объединения, особенностей политических и культурных традиций кыргызского кочевого общества, можем констатировать, что научное изучение феномена «клана» станет основой дальнейшего демократического развития государства, формирования национального патриотизма. Поэтому проблема выработки общих для всех кыргызстанцев ценностей идеологии должна стать предметом внимания политической элиты кыргызского государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монографии, диссертации, авторефераты

- 1.1. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи / Авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с.
- 1.2. Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930-е гг.) – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 240 с.
- 1.3. Айтбаев А.А. Менталитет кыргызского народа: теория и практика. – Бишкек, 2006. – 249 с.
- 1.4. Акеров Т. Древний Кыргызстан и великая степь (по следам древнекыргызской цивилизации). – Бишкек, 2005. – 252 с.
- 1.5. Амрекулов Н. Тюркское возрождение. – Алматы, 2006. – 536 с.
- 1.6. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001. – 582 с.
- 1.7. Асанканов А. Кыргызы: рост национального самосознания. – Бишкек, 1997. – 228 с.
- 1.8. Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Бишкек: «Кыргызстан», 1995 – 216 б.
- 1.9. Аширалиев Дж.А. Проблемы исследования номадической культуры. – Бишкек, 2010.
- 1.10. Байтур А. Кыргыз тарыхынын лекциялары. –1-2 кн. – Б.: Учкун, 1992.
- 1.11. Бактыгулов Дж.С. Из истории перехода киргизского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. – Ф.,1971. – 112 с.
- 1.12. Бактыгулов Дж.С. Социалистическое преобразование киргизского аила (1918–1940 гг.). Фрунзе: Илим, 1978 – 274 с.
- 1.13. Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана / Составление, доп. О.Караева. – Б.: Шам, 1996. – 608 с.

- 1.14. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. – В 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1. – С.167–433.
- 1.15. Бартольд В.В. Киргизы: Исторический очерк // Сочинения. – В 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1. – С.471–543.
- 1.16. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. – В 9-ти тт. – М., 1963. – Т. II. – Ч.1. – С.21-106.
- 1.17. Бейшембаева А. Менталитет кыргызского народа в условиях модернизации: дисс. ...канд. филос. наук. - Бишкек, 2005. – 181 с.
- 1.18. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
- 1.19. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). / Перевод О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998.
- 1.20. Бичурин Н.Я. [Иакинф]Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – В 3-х т. – М.-Л.: АН СССР им. Миклухо-Маклая, 1950–1953.
- 1.21. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). – М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1992.
- 1.22. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР в поисках новых подходов. – Москва, 1988.
- 1.23. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – Москва, 1981.
- 1.24. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – Москва, 1973.
- 1.25. Бусыгина И. Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза: Концептуальные и прикладные аспекты: Автореф... д-ра. полит. наук. – Москва, 2001. – 39 с.
- 1.26. Бутенко А.П. Власть народа посредством самого народа: О социалистическом самоуправлении. - Москва: Мысль, 1988. -203 с.
- 1.27. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- 1.28. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. – Уфа, 1994.
- 1.29. Валиханов Ч.Ч.Записки о киргизах // Сочинения в 5-ти тт. – 2-е изд. – Алма-Ата, 1985. – Т.II. – С.40-50.
- 1.30. Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину // Сочинения в 5-ти тт. – 2-е изд. – Алма-Ата, 1985. – Т.I. – С.167-168.

- 1.31. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – Москва, 1991. – 291 с.
- 1.32. Горбачев М. Декабрь – 91. Моя позиция. – М.: Изд-во "Новости", 1992. – 224 с.
- 1.33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли / Сост. Н.В. Гумилева. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.
- 1.34. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку, 1991.
- 1.35. Гродеков Н.И. Кыргызы и кара-кыргызы Сырдарьинской области. Юридический быт. – Т. 1. – Ташкент, 1889. – 544 с.
- 1.36. Грум-Гризмайло Г.Е. Антропология и этнография // Западная Монголия и Урянхайский край. – В 3-х тт. – Т. III. – Вып. I. – Ленинград, 1926. – 425 с.
- 1.37. Джилиас М. Лицо тоталитаризма /Переводы с сербохорватского: П. А. Щетинин, Е. А. Полак, О. А. Кириллова. – М.: Издательство "Новости", 1992. – 540 с.
- 1.38. Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920-1930-е годы). – 2-е изд. испр. – Бишкек, 2005. – 399с.
- 1.39. Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20–30-е годы XX в. – Бишкек: Илим, 2003. – 248 с.
- 1.40. Джусупбеков А. К. Этническая идентичность кочевников. – Бишкек: Илим, 2009. – 265 с.
- 1.41. Джусупбеков А. К. Основные уровни этнической идентичности кочевников: социально-философский анализ: Автореф. ...д-ра. филос. наук. – Бишкек, 2010. – 50 с.
- 1.42. Ельцин Б.Н. Президентский марафон. – Москва, 2000. – 259 с.
- 1.43. Жусупов К. Кыргыздар. – В 2-х тт. – Бишкек, 1993.
- 1.44. Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии (на польск. яз.) – Варшава, 2011. – 480 с.
- 1.45. Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX в. – начале XX века. – Фрунзе, 1963.
- 1.46. Ибраимов А.И. Кыргызы и их генофонд. – Бишкек: Кыргызстан, 1992. – 99 с.
- 1.47. Исмаилов А.И. Философия духа кыргызского народа. – Бишкек, 2002.
- 1.48. Исраилова-Харьехузен Ч. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во втор. пол. XIX – нач. XX и система их родства. – Бишкек: «Илим», – 1999. – 213 с.

- 1.49. Каратаев О. К. Этнокультурные связи кыргызов (по материалам родоплеменных тамг, этнонимов, топонимов, этнографических данных): Автореф... д-ра истор. наук. – Бишкек, 2003. – 15 с.
- 1.50. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Бишкек, 2007. – 272 с.
- 1.51. Кожемякин С. В. Особенности модернизации традиционных обществ в условиях глобализации: Автореф... канд. полит. наук. – Бишкек, 2009. – 24 с.
- 1.52. Койчиев А. Осмонаалы Сыдык уулу жана анын "тарыхтары". – Б., 1992. – 46 б.
- 1.53. Койчуев Т. Постсоветская Центральная Азия: Состояние. Поиск пути, возможности. – Алматы: КИСИ, 1994. – 27 с.
- 1.54. Кулматов Н. Уруучулук (трайбализм). – Бишкек: Илим, 1994. – 52 с.
- 1.55. Курманов З. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992. – 192 с.
- 1.56. Курманов З.К. Всекиргизские съезды Советов: подготовка, состав, работа (1925-1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Бишкек, 1991.
- 1.57. Курманов З.К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа (1917-1927 гг.): дис. ...д-ра ист. наук. – Бишкек, 1997. – 364 с.
- 1.58. Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Бишкек: Илим, 1997. – 290 с.
- 1.59. Кушнер (Кнышев) П.И. Горная Киргизия (социалистическая разведка). – М., 1929.
- 1.60. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): Автореф... д-ра филос. наук. – Москва, 2011. – 41 с.
- 1.61. Ленин В. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М, 1967. – Т. 1. – С. 153-154.
- 1.62. Ленин В. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М, 1967. – Т. 1., С.136; Т. 13, С.14; Т.25, С. 266-267; Т. 26, С.57.
- 1.63. Мадалиев М.М. Политическая элита Кыргызстана: генезис и эволюция: дисс. ...канд. соц. наук. – Бишкек, 2002. – 182 с.
- 1.64. Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М., 1976. – 319 с.
- 1.65. Маркс К., Энгельс Ф. Вынужденная эмиграция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1967. – Т. 9. – СС. 98-100, 278.

- 1.66. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1948. – С. 74-75.
- 1.67. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М, 1961. – Т.21. – С. 23-178.
- 1.68. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. – 2-е изд. – М, 1961. – Т. 28. – С. 174-267.
- 1.69. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. – М., 1940.
- 1.70. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 9. – С.130-136.
- 1.71. Маркс К. К критике политической экономии (1859) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М, 1961. – Т. 13. – С. 1-167.
- 1.72. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества. – Алматы, 1995. – 320 с.
- 1.73. Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе. – Алматы, 1997.
- 1.74. Мокеев А. Этапы этнической истории кыргызского народа во второй половине IX первой половине XVIII вв: Автор... д-ра ист. наук. – Бишкек, 2010. – 24 с.
- 1.75. Незихоглу Х. Место и роль национальной идентификации постсоветской Кыргызской республики в политических процессах: Автореф... канд. полит. наук. – Бишкек, 2012. – 26 с.
- 1.76. Нурбеков К. Возникновение киргизской советской национальной государственности. – Фрунзе: Кыргызстан, 1964. – 150 с.
- 1.77. Нуоров К.И. Правовая и экономическая модернизация традиционной структуры Казахстана (XIX - XX вв.). – Алматы: Гылым, 1995. – 201 с.
- 1.78. Ожукеева, Д.А. Этнонациональная политика современного Кыргызского государства: Автореф... д-ра. полит. наук. – Москва, 2003. - 31 с.
- 1.79. Павловский Г. Киргизский переворот. Март – апрель 2005. – Москва, 2005. – 40 с.
- 1.80. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. – М.: Издательство "Поколение", 2006. – 560 с.
- 1.81. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе, 1963.
- 1.82. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. – М., 1930.

- 1.83. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. – В 5-ти тт. – Т.2. – М., 1956, – С. 300–334.
- 1.84. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе: «Илим», 1977. – 367 с.
- 1.85. Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи (1784 – 1827 гг.) – Фрунзе, 1970.
- 1.86. Сааданбеков Ж. Нурсултан Назарбаев. Законы лидерства. Научно-популярное издание. – Астана: «Культегин», 2005. – 608 с.
- 1.87. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, анын уулу Нурмухаммед. Тарыхтардын жыйнагы («Мажму атуттаворих»)/ Котор: М. Досболов, О. Сооронов. – Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996. –128 б.
- 1.88. Сапаралиев Д.Б. Взаимоотношения кыргызского народа и соседних народов в XVIII в. – Бишкек, 1995. –150 с.
- 1.89. Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с до XVIII до XIXвв. – Бишкек, 1999.
- 1.90. Саякбаев Ж. Древние кыргызы и их истоки. – Бишкек, 2003. – 82 с.
- 1.91. Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы: Тарыхый очерктер. – Б.: Учкун, 1993. – Т.1–2.
- 1.92. Сыдыков А.С. Родовое деление киргиз. – Ташкент, 1927 – 31 с.
- 1.93. Сыдыков О. Тарых кыргыз Шадмания: Кыргыз санжырасы. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 112 б.
- 1.94. Табышалиев С. Присхождение кыргызского народа. Кыргызстан на Великом шелковом пути. – Бишкек, 2001. – 64 с.
- 1.95. Тишков В.А. Этнология и политика. – М., 2001.
- 1.96. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). – Алма-Ата, «Наука» АН КазССР, 1971. – 633 с.
- 1.97. Тойнби А. Постигжение истории / Пер. с англ. Огурцов А.П. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- 1.98. Токтогонов С. Из истории прошлого Кыргызстана. – Ош, 1995.
- 1.99. Троцкий Л. Бонапартистская философия государства // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 77–78. – 1929 – 1941. (Избранное). URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm467.htm>

- 1.100. Тукешева Н. М. Эволюция представлений о верховной власти в обществах тюркского периода (VI – XII вв.): Автор... канд. истор. наук. – Уральск, 2007. – 26 с.
- 1.101. Турдалиева Ч. Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина – XIX – начало XX вв.). – Бишкек, 2008. – 270 с.
- 1.102. Умбеталиева Т.Б. Развитие представительной власти Казахстана в условиях унитарного государства: дисс. ...канд. полит. наук. – Алматы, 1999. – 129 с.
- 1.103. Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. – Фрунзе, 1961.
- 1.104. Усенбаев К.У. Ормон хан. – Бишкек: АЛЛ-Пресс, 1999.
- 1.105. Фуко М. Интеллектуалы и власть / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Практикс, 2002. – 384 с.
- 1.106. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 588 с.
- 1.107. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002.
- 1.108. Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А.Башкирова. – М.: ООО «Транзит-книга», 2004. – 635 [5] с.
- 1.109. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т.Велимеева, Ю.Новикова. – М.: «Издательство АСТ», 2003. – 603[5] с.
- 1.110. Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50–70 гг. XX в. – Ф.: Киргизучпедиздат, 1961. – 183 с.
- 1.111. Худяков Ю. Вооружение енисейских кыргызов VI – VII вв. – Новосибирск, 1983. – 157 с.
- 1.112. Чотоева Ч.Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – 248 с.
- 1.113. Чоротегин Т. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени: по мусульманским источникам IX – XIII вв. – Бишкек, 1995. – 72 с.
- 1.114. Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924. – 294 с.

- 1.115. Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Издательство АН КазССР. – 1964. – 207 с.
- 1.116. Эванс-Причард Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. – М: "Наука", 1985 – 237 с.
- 1.117. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В.Гордона под ред. Б.С.Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
- 1.118. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М, 1961. – Т. 21. – С.119-120.
- 1.119. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М, 1996.
- 1.120. Эркинбеков Т.Ж. Региональные особенности социального неравенства в современном Кыргызстане: дисс. ...канд. соц. наук. – Бишкек, 2011. – 184 с.
- 1.121. Юнусалиев Б.М. Избранные труды (на кыргызском языке). – Фрунзе: Илим, 1985.

2. Документальные публикации. Сборники материалов из конференций, коллективных трудов. Учебные пособия

- 2.122. Абдрахманов Ю. Избранные труды / Сост. Дж. Джунушалиев и др. – Бишкек, 2001. – 300 с.
- 2.123. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. – Москва: Издательство АН СССР. – 1951. – С.132-156.
- 2.124. Аденов С.Т., Мамбетов А.К. Истоки «Перестройки» и ее бюрократическое извращение: Сб. стат. – Алматы, 2005. – 108 с.
- 2.125. Альтернативные пути к цивилизации. - М.: Логос. - 2000. -386 с.
- 2.126. Аристов Н.А. К этнической истории кыргызов // Кыргызы: источники, история, этнография / Сост. О.Караев, К.Жусупов/. – Бишкек, 1996. – 523 с.
- 2.127. Асанов Т.И. Политическая конфедерация и структура власти северных кыргызов в XVIII веке. // "Жизнь, отданная народу": Мат. респ. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Ю. Абдрахманова 25-26 декабря. – Бишкек, 2002. – С.70-75.

- 2.128. Асанов Т.И. Этнополитическая структура кыргызов в XV-XVI вв. // Диалог цивилизаций на великом шелковом пути: Мат. Межд. науч. конф. 26-27 сентября 2001 г. – Б., 2002. – С. 32-37.
- 2.129. Ачылова Р. Регионализм и политика // Стабильность в Киргизстане и региональные проблемы. – Бишкек, 1999.
- 2.130. Бессмертный Ю.Л. Кризис «Анналов»? // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993. – С.45-50.
- 2.131. Бешембиев Э.Д., Болджурова И.С., Джунушалиев Дж. Введение в историю кыргызской государственности. – Бишкек: Илим, 2004.
- 2.132. Базарбаев К., Жумагулов Б. Политические партии Кыргызстана: теория и практика. – Бишкек, 2012. – 140 с.
- 2.133. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / Сост. К. Ташбаева, Л. Ведутова. – Бишкек: «Айбек», 1998. – Т. II. – 704 с.
- 2.134. Брусина О. И. Социально-правовые системы новых среднеазиатских государств в контексте теории правового плюрализма // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – Москва, 2000. – С. 141-154.
- 2.135. Выбор Центральной Азии в цивилизационном пространстве. Курс лекций. – Бишкек: Илим, 1996. – 348 с.
- 2.136. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции // Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 г. – М., 2006. – 86 с.
- 2.137. Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993. – С.16-29.
- 2.138. Джагерчинов Б. Из генеалогии киргизов // Белек. Сборник статей, посвященные С.Е.Малову. – Фрунзе, 1946.
- 2.139. Джоробекова А.Э., Момошева Н.К. Хроника внешнеполитической деятельности Кыргызской Республики (1991–2002 гг.). – Бишкек, 2003.
- 2.140. Джунушалиев Д. Д. Исторические истоки современной нестабильности // 24 марта 2005 г.: «Народная революция»? / Под ред. В.М. Плоских. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 110–128.
- 2.141. Докучаев Д.С. Конструирование региональной идентичности в современных условиях глобального мира (системный подход в

- интерпретации) // Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения: Матер. межд. научн. конф., посвященные 75-летию К.Мамбеталиевой. – Бишкек, 2013. – С. 417–423.
- 2.142. Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 71–84.
- 2.143. Жоошбекова А.Р. Этнические аспекты миграции населения юга Кыргызстана // Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения: Мат. межд. научн. конф. – Бишкек, 2013. – С. 113–117.
- 2.144. История и идентичность: Кыргызская Республика /Авт. колл. А.К. Абылгазиева, В.Б. Богатырев, З.К. Курманов, Г.Л. Горборукова/. – Бишкек, 2007. – 272 с.
- 2.145. История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1995.
- 2.146. Кадыров Ш. Институт президентства в клановом постколониальном обществе // Люди и мифы: Сборник статей «Вестника Евразии». Сост. С.А. Панарин. –М., «Наталис». – 2003. – С. 337–364.
- 2.147. Киргизия при Караханидах: Сб. стат. – Ф: Илим, 1983. – 235 с.
- 2.148. Киргизская лексикология: Учеб. пособие. / Юнусалиев Б.М. – Фрунзе, 1959. – Ч.1. (Развитие корневых слов). – 248 с.
- 2.149. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 35–58.
- 2.150. Крадин Н.Н. Политическая антропология. Учебное пособие. – М.: «Ладомир», 2001.
- 2.151. Курманов З., Сыдыков Э. Сыдыков А. Личность и история. – Бишкек: Шам, 2002.
- 2.152. Кыргызская государственность: История и современность: Сб. мат. науч.-практ. конф. посв. 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек, 2005. – 133 с.
- 2.153. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат. – в 2-х кн. – Б., 2000.
- 2.154. Кыргызы и Кыргызстан: опыт исторического осмысления. – Бишкек: Илим, 1994.

- 2.155. Кыргызы: источники, история, этнография / Сост. О. Караев, К. Жусупов. – Бишкек, 1996. – 524 с.
- 2.156. Кыргыздар: Санжыра, тарых, мурас, салт / Түзүүчү К. Жусупов. – Бишкек: Кыргызстан, 1991. – Т. 1. – 624 б; Т.2. – 576 б.
- 2.157. Мамытова Э. Особенности формирования «новых элит» в Центральной Азии (на примере Кыргызстана и Казахстана) // История и культура Центральной Азии и Казахстана: Исследования молодых. – Алматы: «Аль-Фараби», 1998. – С. 30-35.
- 2.158. Масанов Н. Казахская политическая интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Евразия. Люди и мифы. (Сб. статей «Вестника Евразии») / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. – М.: Наталис, 2003. – 607 с.
- 2.159. Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. – 441 с.
- 2.160. Молдалиев О. Основные источники напряженности и угрозы национальной безопасности Кыргызстана // Кыргызстан: некоторые аспекты социальной ситуации: Сб. ст. – Бишкек, 2000.
- 2.161. «Нам нельзя терять время!» Исхак Раззаков: Документы, страницы жизни / Сост.: С. Джумабаев, А. Бедельбаев, Дж. Джунушалиев. – Бишкек: КНУ, 2005. – 298 с.
- 2.162. Нарбекова Б. К исследованию проблемы «трайбализма» в казахском обществе // Современный мир: исследования молодых. Материалы летних университетов Фонда Сорос – Казахстан. – Алматы: Каржы – Каражат, 1999. – С. 166-174.
- 2.163. Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой аильной (аульной) общине у кыргызов // Тезисы докладов годичной научной сессии. – Фрунзе, 1969.
- 2.164. Плеханов Г. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. – В 5 тт. – Т. 2. – М., 1956. – С. 300-331.
- 2.165. Подкуйко Ю.В. Основные проблемы истории кыргызов: Учеб. пособие. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2005. – 73 с.
- 2.166. Политические процессы в Кыргызстане: итоги и перспективы: Материалы межд. конф. / Под общ. ред. Е.В. Тукумова. – Алматы: Центральноазиатский фонд развития демократии, 2005. – 140 с.

- 2.167. Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925 – 1937 гг.) – Фрунзе: Кыргызстан, 1973. – 263 с.
- 2.168. Сапаралиев Д.Б. Баатыр, востребованный эпохой // Шабдан баатыр. Эпоха и личность: Документы и материалы - Бишкек: Шам, 1999. – С. 6-14.
- 2.169. Сапаралиев Д.Б. Из истории кыргызско-казахских взаимоотношений (втор. пол. XVIII в.) // Советский Кыргызстан: страницы истории и современность. – Фрунзе, 1984.
- 2.170. Суверенный Кыргызстан. Проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1997. – 177 с.
- 2.171. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 9-34.
- 2.172. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Москва, 1956 –1959. – Т.1–3.
- 2.173. Хасанов Б. Духовное состояние интеллигенции Туркестана, Узбекистана 1917–1920-х гг. и ее отношение к социальным переменам. // «Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования»: Межд. конфер. 22-23 октября. – Баку, 2012 г.; 25-26 октября. – Тбилиси, 2012 г.[Электронный ресурс] URL: <http://www.ca-c.org/datarus/xasanov.shtml>
- 2.174. Хлюпин В. Казахстанская политическая элита: между модернизацией и трайбализмом // Доклад на 2-м Всероссийском конгрессе политологов 22 апреля 2000 г. – Москва, 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iicas.org/page.php?id=105>.
- 2.175. Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сб. матер. межд. науч. конференции / Под рук. И.В.Ерофеевой и Л.Е.Масановой. – Алматы: Дайк – Пресс, 2007. – 204 с.
- 2.176. Фурман Д.И., Шерматова С.А. Киргизские циклы. – М.: Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2010. – 82 с.
- 2.177. Цивилизация и история (Введение к дисциплине «История новейшего времени стран Европы и Америки») / Сост. Оморов М. – Бишкек, 1994. – Ч.1. – 75 с.
- 2.178. Эсенбаев А. Современные миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские миграции: отражение в миграциях / Под. ред. Ж.А.Зайончковского, Г.А. Зайончковского. – М.: Адамант, 2009. – С.377-403.

- 2.179. Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат. межд. конференций 1993 г. – М.: Наука, 1994. – 320 с.
- 2.180. Яковец Ю.В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века: Доклад к IV Международной Кондратьевской конференции и XV Междисциплинарной дискуссии 2001г. – М.: МФК, 2001. – 68 с.

3. Архивные источники

- 3.181. Всем окружкомам ВКП(б) // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.71, л.26-27.
- 3.182. Орготдел Киробкома ВКП(б)/ КАО от 02.10.1926 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.65, л.16-20.
- 3.183. Отчет Кир. Облпартбюро за период 12.11.1924 г.-01.03.1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 16, л.109-110.
- 3.184. Протокол №41 заседания Киробкома ВКП(б) от 20.07.1926 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.51, л.85.
- 3.185. Протокол заседания комиссии по созыву беспартийных конференций по ККАО от 5 мая 1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.17, л. 47.
- 3.186. Отчет Кир. Облпартбюро за период 12.11.1924 г.-01.03.1925 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп. 1, д. 16, л.109.
- 3.187. Протоколом №10 Исполбюро Кара-Киргизского обкома РКП(б) от 21 апреля 1925 г ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.17, л.37.
- 3.188. Протокол №39 заседания Киробкома ВКП(б) от 06.07.1926 г. // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.51, л.7.
- 3.189. Предписание члену ВКП(б) тов. Шикалову // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.70, л.18.
- 3.190. Протокол №62 заседания Исполбюро Киробкома ВКП(б) от 21 ноября 1926 г // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.55, л.96.
- 3.191. Узюков Н. Приблизительная схема доклада о манапах в Киргизстане // ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.70, л.66.
- 3.192. ЦГА КР, ф.20, оп.1, д.329, л.161–162.
- 3.193. ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.190, л.338–340;
- 3.194. ЦГА ПД КР, ф.10, оп.1, д.191, л.53.

4. Периодическая печать. Журналы

- 4.195. Абашин С. «Ок-суяк» - мусульманская элита Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - №4(12). - С. 73-82.
- 4.196. Абдувалиева Р. Проблемы безопасности Кыргызстана на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. - 2009. - №2 (62). - С. 84-94.
- 4.197. Абрамзон С.М. Современное манапство в Киргизии // Советская этнография. - 1931. - № 3-4. - С. 43-59.
- 4.198. Абуева Н.А. Политическая элита: общие подходы и специфика // Аль Фараби. - 2007. - №1. - С. 45-51.
- 4.199. Акаев А. Об уроках мартовских событий в Киргизии // Политический класс. - 2005. - №4. - С. 62-70.
- 4.200. Акаева Б. Горький опыт Кыргызстана и неизбежность собственного пути демократических реформ в Центральной Азии // Политический класс. - 2006. - №1. - С. 76-81.
- 4.201. Алимов М. "В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии" // Восток". - 1991. - № 5. - С.162 -167.
- 4.202. Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - №3 (9). - С. 131-145.
- 4.203. Амрекулов Н. К устойчивому безопасному развитию Казахстана. - 2002. - №1(7). [Электронный ресурс]. URL: http://www.cac.org/datarus/st_02_amrekul.shtml#up (дата обращения: 18.12.11.)
- 4.204. Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. - 1992. - Т. 1. - № 2. - С. 24-31.
- 4.205. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. -1896. - Вып. III-IV. - С. 277-456.
- 4.206. Арзыматова А.А. Особенности аграрной политики царизма в Северном Кыргызстане // Вестник КГНУ. - Бишкек, 2003. - Серия 1. - Вып. 3. - С. 34-36.
- 4.207. Атанесян А. Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. - 2005. - №6(42). - С.13-24.
- 4.208. Бабич И. Клановая структура общества и ее влияние на современную политическую ситуацию (на примере Северо-

- Западного и Центрального Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №1(425). – С. 36-43.
- 4.209. Байматов Б. Специфические местные аспекты «гражданского общества» в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4 (46). – С. 17-30.
- 4.210. Баум Л. Электроэнергетика Кыргызстана: состояние, проблемы, реформы // Центральная Азия и Казахстан. – 2008. – №6 (60). – С. 113–124.
- 4.211. Бейшембаева А. Кыргызстан: менталитет общества и модернизация // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №5(35). – С.156-130.
- 4.212. Бернштам А.Н. Источники по истории киргизов XVIII в. // Вопросы истории. – 1946. – № 11–12. – С.126–131.
- 4.213. Бернштам А.Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // Советская этнография – 1955 – №2 – С.16–26.
- 4.214. Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии // Советская этнография. – 1934. – № 6. – С. 86–115.
- 4.215. Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5(47). – С. 115-129.
- 4.216. Воропаева В. Кыргызстан – Россия: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №9.[Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/04.Voropaev.shtml> (дата обращения: 06.05.10.)
- 4.217. Гейсс П.Г. Правовая культура и политические реформы в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 (18). – С. 126-138.
- 4.218. Гуллетт Д. Трайбализм в Кыргызстане: точка зрения // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – № 2(20). – С. 35-43.
- 4.219. Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению.// Социс. – 1992.– №1. – С. 50-57.
- 4.220. Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения института этнографии. – Вып. 24. – М., 1955. – С.19-29.

- 4.221. Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.) // Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР. – Вып. 1. – Фрунзе, 1944. – С.111-130.
- 4.222. Джумагулов А. О термине «манап» // Известия АН Республики Кыргызстан. Обществ. науки. – 1991. – №4. – С.61-68.
- 4.223. Джунушалиев Дж. Истоки «белых пятен» истории // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – №5. – С.60-66.
- 4.224. Джунушалиев Д.Д. Политика коренизации: опыт и проблемы // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – №1. – С.69-78.
- 4.225. Джунушалиев Д. Уроки прошлого. Взгляд через призму особенностей сознания // Пропагандист и агитатор Киргизстана. – 1989. – №21. – С.3-7; №22. – С.12-15; №23. – С.18-21.
- 4.226. Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9). – С.146-155.
- 4.227. Ерофеева И. Политическая организация кочевого общества // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №6.[Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/journal/14-1998/st_15_erofeeva.shtml (дата обращения: 01.05.13.)
- 4.228. Ерофеева И. Титул и власть: к проблеме типологии института ханской власти в Казахстане в XVIII – начале XIX вв. // Казахстан и мировое сообщество. – Алматы, 1996. – № 4. – С. 37-46.
- 4.229. Жильцов С. «Революционные волны» на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №6(42). – С. 7-13.
- 4.230. Ильясов С.И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации // Труды ИЯЛИ КиргФАН СССР. – Вып. 1. – 1945. – С. 131-146.
- 4.231. Кабулов Э. К итогам президентских выборов в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 4-5(64-65). – С. 210-217.
- 4.232. Кадыров Ш. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе // Вестник Евразии». – М. 2001. – №2. – С.5-32.
- 4.233. Кадыров Ш. Этнос и политика, этнические истоки, эволюция и перспективы Туркменской государственности // Восток. Аф-роазиатские общества: История и современность. – 2003. – №10(31). – С. 110-124

- 4.234. Каракезов Р. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – Т. 3. – Вып.1. – С. 113-124.
- 4.235. Кененсариев Т.К. К вопросу о политике царизма в отношении кочевников дореволюционного Киргизстана // Известия Академии наук Кир.ССР. – Общественные науки. – 1990. – № 3. – С. 32-39.
- 4.236. Кененсариев Т.К. О некоторых методологических аспектах исследования истории Кыргызстана второй половины XIX – начала XX вв. // Известия АН Республики Кыргызстан. – 1991. – №2. – С. 35-40.
- 4.237. Кененсариев Т.К. Переселенческий вопрос в политике царского правительства второй половины XIX-начала XX вв. (на материалах Киргизии) // Известия АН Кир.ССР. – Общественные науки. – 1989. – № 1. – С. 50-55.
- 4.238. Китинг М. Новый регионализм // Логос. – 2003. – №6(40). – С. 67-116.
- 4.239. Кодар А. Истоки Степного Знания (опыт философии казахской истории) // Тамыр. Альманах. – 2000. – №1. – С.34–44.
- 4.240. Кокасайл П. Демократия в постсоветском Кыргызстане и Туркменистане // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №6 (60). – С.173 – 184.
- 4.241. Коллинз К. Логика клановой политики в Центральной Азии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9.: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. – М., 2005. – №3. – С. 34 – 40.
- 4.242. Крадин Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альманах "Восток». – 2005. – №11/12(35/36). – ноябрь-декабрь. – С.314 – 335.
- 4.243. Кронгардт Г.К. Классовый состав переселенческого населения Киргизии в конце XIX в. (По данным массовых опубликованных источников) // Известия Академии наук Кир. ССР. – Общ. науки. – 1988. – № 2. – С. 50–56.
- 4.244. Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – №4. – С.38-51.

- 4.245. Коровин В. Сетевые войны: сражения эпохи (пост) современности // Политический класс. – 2009. – № 2(50). – февраль. – С.69-84.
- 4.246. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – № 3.
- 4.247. Курманов З.К. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. И крах политического режима А.Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3(39). – С. 7-16.
- 4.248. Кутнаева Н. Иностраннные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.82-93.
- 4.249. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – №3. – С. 13-23.
- 4.250. Ламажаа Ч. К. «Клан»: понятие в социальных науках // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С.121-131.
- 4.251. Лаумулин М. К событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.25-44.
- 4.252. Лузянин С. «Цветные революции» в Центральноазиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5 (41). – С. 7-20.
- 4.253. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 108-113.
- 4.254. Мамытова Э. Проблемы становления политической оппозиции в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №4(10). – С. 49-53.
- 4.255. Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. – Москва, 1999. – №1 – С. 46-61.
- 4.256. Мацаберидзе М. «Революция роз» и страны Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С. 7-16.
- 4.257. Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – №5(41). – 2005. – С.21-30.
- 4.258. Мокеев А. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызов на Тянь-Шане в XVI – XVIII вв. // Известия АН

- Республики Кыргызстан. – Общественные науки. – 1991. – №4. – С.43-54.
- 4.259. Мурзалин Ж. Корпоративность как политическая традиция в Казахстане // Мысль. – 1998. – № 8. – С. 24-25.
- 4.260. Ногойбаева Э. Кыргызстан: формирование и взаимодействие политических элит // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №1 (49). – С. 118-127.
- 4.261. Омаров Н. Эволюция политической системы в Кыргызстане в 90-е годы XX – нач. XXI века: итоги и перспективы демократического строительства. // Политический класс. – 2005. – №6. – С. 26-38.
- 4.262. Омаров Н., Орлов Д. Основные итоги внутривнутриполитического развития Кыргызстана в 2009 г. // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 33-40.
- 4.263. Омаров Н. Этническая ситуация и миграционные процессы в постсоветском Кыргызстане // Этнографическое обозрение. – 2005 – №3. – С.74-82.
- 4.264. Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. – М., 2000. – №1(8). – С.90-132.
- 4.265. Петров К.И. Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII – XVвв // Известия АН КиргССР. – Общественные науки. – Т.II. – Вып. 3. (История). – Фрунзе, 1960.
- 4.266. Потапов А. П. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. – 1954. – № 6. – С.73-89.
- 4.267. Расул А., Эргешов З. Миграционные процессы в Кыргызской республике: вызовы и риски для страны // Международные исследования. Общество, политика, экономика (ИСПИ, Астана). – 2009. – № 1. – С. 186 – 190.
- 4.268. Рашидов Б. Россия в Центральной Азии: переход к позитивной внешней политике // Центральная Азии и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С.130.
- 4.269. Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян: на примере Переславля-Залеского // Этнографическое обозрение. – 2005. – №3. – С. 58-73.

- 4.270. Светоховский Т. Становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. – Вып. 4. – Москва, 2001. – С. 12–13.
- 4.271. Сейбол С. Международный терроризм и страны Центральной Азии: поспешные выводы// Центральной Азии и Кавказ. – 2008. – №5(59). – с.161-169.
- 4.272. Селунская Н.Б. Методологические знания и профессионализм историка // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4(июль-август). – С. 24-41.
- 4.273. Семенов И. Трайбализм. 20–е годы // Литературный Кыргызстан. – 1988. – №5.
- 4.274. Тастенов А., Устименко А. Концептуальные основы феномена «бархатной революции» на постсоветском пространстве // Analitic. – 2005. – №2. – С.20-24.
- 4.275. Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4 (46). – С. 16-26.
- 4.276. Толипов Ф. Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №4(10). – С. 7– 18.
- 4.277. Толипов Ф. Центральная Азия как пространство, полития, народ и судьба // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №2(38). – С. 119–127.
- 4.278. Толипов Ф. Центральная Азия: региональный ответ на глобальный вызов.// Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 4–5 (64-65). – С. 132–142.
- 4.279. Толипов Ф. Момент истины: конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №5(41). – С. 30–41.
- 4.280. Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. – М., 1938. – № 1. – С.72-82.
- 4.281. Торогельдиева Б. К вопросу о политическом поведении кыргызского народа на современном этапе// Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С. 7-24.
- 4.282. Торогельдиева Б. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1(61). – С.145-153.

- 4.283. Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования – 1999. – №11. – С.123-133.
- 4.284. Ханин В. Кыргызстан: этнический плюрализм и политические конфликты // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9) – С.155-163.
- 4.285. Фурман Д. Несостоявшаяся революция. Политическая борьба в Азербайджане (1988–1993 гг.) // Дружба народов. – 1994. – № 4. – С. 148-169.
- 4.286. Хелимский Е.И. Вопросы социально-экономического развития крестьян-переселенцев Средней Азии в конце XIX – начале XX в. в дореволюционной историографии (на материалах Семиреченской области) // Известия АН Республики Кыргызстан. – Общественные науки. – 1992. №1. – С.20-31.
- 4.287. Хлюпин В., Грозин А. "Кочевые элиты" постсоветской Азии // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 4. – С.7-12.
- 4.288. Чернявский С. Киргизская революция 2010 г.: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т.13. – Вып.2. – С.44-53.
- 4.289. Эсенов М. Центральная Азия на пороге XXI века. – 2008. – №1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cas-c.org/datarus/esenov3.shtml#up>
- 4.290. Юнусалиев Б.М. Проблема формирования общенародного киргизского языка // Вопросы языкознания. – 1955. -№ 2.

5. Газеты

- 5.291. Аттокуров С. Санжыра жана санжырачылар // Кыргыз маданияты. – 1989. – 21 декабря.
- 5.292. Балакина С. Будущее Кыргызстана: вопросов больше, чем ответов // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №14(278). – 16-22 апреля 2010. – С. 7.
- 5.293. Балакина С. Дежа вю по-кыргызски // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №13(277). – 9-15 апреля 2010. – С. 1-2.
- 5.294. Джуманалиев Т. Один за всех, и все за одного // Вечерний Бишкек. – 2010. – 18 июня.

- 5.295. Жалгас Б. Страшен бунт... Уроки кыргызской революции // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №15(279). – 23–29 апреля 2010. – С.7.
- 5.296. Какчекеев Т. Никто не хочет умирать // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №14(278). – 16–22 апреля 2010.
- 5.297. Карабаев Э. Мерка головы для кресла власти // Слово Кыргызстана. – 2005. – 13 мая.
- 5.298. Касыбеков А. Миллионы для антитеррористов // Вечерний Бишкек. – 2005. – 15 ноября. – С.3
- 5.299. Курманов З. Как избежать неизбежности? // Слово Кыргызстана. – 2005. – 27 мая.
- 5.300. Малеев С. Новый казахстанский трайбализм // Литер (неделя). – 2008. – 4 декабря.
- 5.301. Масанов Н. Реноме кочевников. Две профессии // Мир Евразии. – 2006. – № 9 (34). – сентябрь – октябрь.
- 5.302. Молдалиев Б. Своим путем. «Может попробовать что-нибудь под эгидой ООН?» // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №14(278). – 16–22 апреля.
- 5.303. Наумкин В. «Я верю в кыргызское чудо...» // Вечерний Бишкек. – 2005. – 25 мая.
- 5.304. Ночевкин В. Нереальная политика в Кыргызстане: все решают сородичи...// Дело №. – 2010. – 4 февраля.
- 5.305. Новый кабинет // Мегapolis. – 2009. – № 84(496). – 23 декабря.
- 5.306. Нурмухамбетов М. Родология – еще не забытое старое // Свобода слова. – 2008. – 31 января.
- 5.307. Павлович Л. Уроки «цветных революций»: взгляд из России // Слово Кыргызстана. – 2005. – 13 мая.
- 5.308. Русский Newsweek, 2005. – №17. – С.12
- 5.309. Сатпаев Д. Революцию придумывают романтики, реализуют фанатики, а ее плодами пользуются проходимцы // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №13(277). – 9–15 апреля 2010.
- 5.310. Слово Кыргызстана. – 1995. – 15 июля.
- 5.311. Снова по партийному сценарию? // Советская Киргизия. – 1990. – 4 октября.
- 5.312. Снять перестройку с якоря. Заявление депутатской группы «За демократическое обновление, гражданское согласие в Киргизии» // Советская Киргизия. – 1990. – 18 сентября.

- 5.313. Татиля К. Стране грозит перспектива ввода войск ОДКБ (События последних дней – глазами очевидца) // Мониторинг Центральной Азии. – 2010. – №15(279). – 23-29 апреля 2010.
- 5.314. Шепеленко А. Вена как зеркало кыргызской революции. После-словие к визиту // Слово Кыргызстана. – 2005. – 3 июня
- 5.315. Эркетанов О. Чала молдо «диң бузат»// Кыргыз маданияты. – 1991. – 18 июль.

6. Интернет ресурсы

- 6.316. Абашин С.Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов. 09.05.05. URL: <http://www.centrasia.org/> (дата обращения: 12.07.08.)
- 6.317. Андреева В. Миф об узбекском государстве // Номад. Аналитика. Ч.1–3. 04.08.03. URL: <http://www.nomad.su/?a=2-200308040007> (дата обращения: 24.07.10.)
- 6.318. Арзыматова А. Кыргызские революции и современный политический процесс в Кыргызстане // АКИpress. 09.04.12. URL: <http://akipress.org/comments/news:12211/> (дата обращения: 12.04.12.)
- 6.319. Асанканов А. Цивилизация кочевников: не мифы, а реальность URL: http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=111&Itemid=38 (дата обращения: 27.04.12.)
- 6.320. Асанов Т. Политическая структура кыргызов в XV-XVI вв. URL: http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=267&Itemid=56 (дата обращения: 27.04.12.)
- 6.321. Бакиев К. "Мы с Куловым не ссорились... Возможно союз еще сложится" (Стенограмма пресс-конференции и.о.президента Кыргызстана К. Бакиева в Москве). 10.05.05 URL: <http://www.centrasia.org/newsA.php4?st=1115699520> (дата обращения: 20.08.07.)
- 6.322. Белковский С. Рейтинг претендентов на революцию // Агентство политических новостей. 17.05.05 URL: <http://www.apn.ru/news/print6755.htm> (дата обращения: 28.08.05)
- 6.323. Бородин Г. США готовят в Азербайджане и Средней Азии "эскадроны смерти". 04.12.11. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1323072780> (дата обращения: 05.12.11.)

- 6.324. Веретенникова Ю. Интервью с Мирославом Поповичем «Когда слово «интеллигенция» оказалось ругательным, – это стало подлинным крахом социальных устоев общества». 09.11.09. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/11/09/popovich/> (дата обращения: 08.12.11.)
- 6.325. В "Манасе" опровергли приостановку транзита военнослужащих США в Афганистан. 13.04.10. URL: <http://txt.newsru.com/world/13apr2010/manasrenew.html> (дата обращения: 20.02.12)
- 6.326. Горак С. Трансформация идентичности среднеазиатских элит. Традиция и современность // Доклад круглого стола «Проблемы трансформации идентичности общества и личности на постсоветском пространстве». – Пермь, 4-5 июля 2005. URL: <http://slavomirhorak.euweb.cz/bibliography-ru.htm> (дата обращения: 15.05.13)
- 6.327. Ибралиев Ж. Носов В. За пять лет своего существования штат авиабазы увеличился в 10 раз. 24.10.08. URL: <http://www.24.kg/community/2008/10/24/96121.html> (дата обращения: 15.02.12)
- 6.328. Иванов В. Дуальные структуры в обществах. 06.09.05. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/09/06/ivanov/> (дата обращения: 20.04.2012)
- 6.329. Иванов С. "Арабская весна" – год спустя. События начинают принимать форму "перманентной революции". 08.02.2012. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1328679180> (дата обращения: 20.12.11.)
- 6.330. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Международный институт гуманитарно-политических исследований. 06.06.05. URL: www.IGPI.RU (дата обращения 24.07.07.)
- 6.331. Кариби М. Авторитаризм ведет к дестабилизации (интервью). 20.05.05. URL: www.centrasia.org. (дата обращения: 06.08.08.)
- 6.332. Колеров М. Что мы знаем о постсоветских странах // Курс лекций. 04.07.06. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/07/04/kolеров/> (дата обращения: 8 декабря 2011 г.)
- 6.333. Курманов З. Закон об оппозиции как фактор формирования демократической политической системы в Кыргызстане: необходимость, угрозы, риски... // Аналитический центр «Разумные решения». 28.06.06. URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-gov/1441-20060628234337894.html> (дата обращения: 08.02.10.)

- 6.334. Кыргызстан до и после «тюльпановой революции»: выборы Жогорку Кенеш 2005 г. и события 24-25 марта 2005. 25.10.05. URL: <http://www.stratagema.org/publications/political-technology/?curPos=30> (дата обращения: 27.07.08.)
- 6.335. Лебедева И. Меметическое оружие. "Цветная революция" – это частный случай геополитического передела мира. 12.12.11. URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1323670020> (дата обращения: 20.12.11.)
- 6.336. Лисовский М. Максима Бакиева заочно приговорили к 25 годам тюрьмы 27 марта. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_03_27/Maksima-Bakieva-prigovorili-k-25-godam-tjurni/ (дата обращения: 04.04.13.)
- 6.337. Михеев С. Киргизия – жертва дурно поднятой демократии // Политком. ру. Центр политических технологий. 30.03.05 URL: <http://www.politcom.ru/260.html> (дата обращения: 31.03.05.)
- 6.338. Назаралиев Дж. О самовыдвижении. URL: <http://www.svoboda.org/programs/tw/2005/tw.042705.asp> (дата обращения: 20.08.07.)
- 6.339. Омаров Н. Перспективы демократического Кыргызстана. 27.10.06. URL: <http://www.apn.kz/authors/author299.htm>. (дата обращения: 15.05.10.)
- 6.340. Омаров М. Трайбализм как зеркало кыргызской политики, или Феномен трайбализма у кыргызов // ЦентрАзия.ру. 04.04.07. URL : <http://www.easttime.ru/analitic/1/4/202.html> (дата обращения: 09.05.09.)
- 6.341. Омаров М. Побежденные победители. О некоторых "долгоиграющих" итогах референдума в Кыргызстане. 01.11.07. URL: www.centrasia.ru/news2.php?st=1193913600 (дата обращения: 09.05.09.)
- 6.342. Омаров М.Н. Кыргызстан: дыма без огня не бывает (О некоторых больших проблемах маленькой страны). 04.04.07. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1030653720> (дата обращения: 08.10.07.)
- 6.343. О статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Кыргызской Республики. 22.09.03. URL: <http://bestpravo.ru/fed2003/data03/text14395.htm> (дата обращения: 15.02.12.)
- 6.344. Палмера Т. Либерализм, глобализация и проблема национального суверенитета. 09.12.05. 2005 г. // Полит.ру. Курс лекций.

- URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer/> (дата обращения: 08.12.11.)
- 6.345. Панов В. Оранжевое наваждение. 30.11.2011. // stoletie.ru URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1322809860> (дата обращения: 02.12.2011)
- 6.346. Петров Н. О регионализме и географическом кренинизме. 13.02.06. URL: <http://polit.ru/article/2006/02/13/petrov/> (дата обращения: 20.04.12)
- 6.347. Плеханов Г.В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории (1895г.) URL: <http://www.marxists.org/russkij/plekhano/1895/tierry.htm> (дата обращения: 08.12.11.)
- 6.348. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма 1908. URL: <http://www.1917.com/Marxism/Plehanov/Marxism/Main.html>. (дата обращения: 08.12.11.)
- 6.349. Победимов А. Большая семейка // Коммерсантъ. Власть. №27(630). – 11.04.05. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/589685> (дата обращения: 23.07.12)
- 6.350. Политические партии Кыргызстана // Акипресс. URL: http://www.akipress.org/_htm/part.htm (дата обращения: 12.12.11.)
- 6.351. Пономарева Е. Механизмы уничтожения СССР и "принцип домино". – Часть II-я. 04.12.2011. // Фонд стратегической культуры. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1323260040> (дата обращения: 07.12.2011)
- 6.352. Попович М. Проблема ментальности / Полит.ру. Курс лекций. 14.04.10. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/14/mentality/> (дата обращения: 08.12.11.)
- 6.353. Рахимбай уулу Н. Кыргызские политические кланы. – Ч. 1-2. – 29.08.05.–12.09.05. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1126501380> (дата обращения: 09.06.10)
- 6.354. Расов С. Конституция Кыргызстана: плюсы и минусы // Информационный сайт политических комментариев. 04.05.10. URL: <http://www.politcom.ru/10045.html> (дата обращения: 08.04.12.)
- 6.355. Ремнев А. Азиатские окраины Российской империи: география политическая и ментальная./ Курс лекций. 27.12.08. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/11/27/remnev/> (дата обращения: 15.01.12.)
- 6.356. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. – Москва, Изд. АН СССР, 1958. // Восточная литература. Средне-

- вековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Abulgazi/vved/frame.html> (дата обращения: 26.04.12.)
- 6.357. Россия увеличила финансирование авиабазы в Кыргызстане в 2009 – 2010 гг. в два раза // АКИpress. 05.12.08. URL: <http://kg.akipress.org/news/64758> (дата обращения: 15.02.12).
- 6.358. Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций // Полит.ру. Курс лекций. 12.08.10. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/08/12/riabov/> (дата обращения: 18.12.11.)
- 6.359. Солозобов Ю. Невидимая власть кланов // «Агентство политических новостей - Казахстан». 10.05.06. URL: <http://www.apn.kz/opinions/article6214.htm> (дата обращения: 29.10.12.)
- 6.360. Таткало Н. Демократия versus охлократия или проблемы демократического строительства в Кыргызстане // Время Востока. 28.11.2011 URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1322425800> (дата обращения: 01.12.11.)
- 6.361. Транзитный центр США в Киргизии будет военным объектом. 25.06.09. URL: http://www.rian.ru/defense_safety/20090625/175378736.html (дата обращения: 20.02.12)
- 6.362. Троцкий Л. Еще к вопросу о банапартизме. (Справка из области марксистской терминологии). URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm383.htm> (дата обращения: 19.12.11.)
- 6.363. Турдалиева Ч. Родоплеменное деление кыргызов по материалам Ч.Ч.Валиханова. 30.03.11// Акиpress. Аналитика. URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-history/1687-20060330060304921.html> (дата обращения: 12.07.11)
- 6.364. Умбеталиева Т. Трайбализм в Казахстане. Родоплеменная дифференциация – основа политической системы. 03.01.2003. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (дата обращения: 18.01.08)
- 6.365. Усубалиев Э. «Исламская идентичность» и политический процесс в Кыргызстане // Время Востока. Аналитика. 19.01.2008. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/1/3/381.html> (дата обращения: 30.05.12.).
- 6.366. Усубалиев Э. Перспективы участия мусульман Кыргызстана в политике. 27.12.08. URL: <http://analitika.org/142-20081227101724533.html>. (дата обращения: 30.05.12.)

- 6.367. Усубалиев Э. Термины и образы самоидентификации. 21.11.07. URL: <http://analitika.org/ca/national/256-20071109230318435.html> (дата обращения: 30.05.12.)
- 6.368. Фурман Д. Неизбежное взросление (Интервью об Украине, России и выборной демократии вообще.) 26.12.04. URL: <http://www.polit.ru/article/2004/12/26/furman/> (дата обращения: 29.04.13.)
- 6.369. Хамидов А. Волнения в Кыргызстане с точки зрения соперничества кланов. 06.06.02. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1023431340> (дата обращения: 08.08.10.)
- 6.370. Хоперская Л.Л. Политический кризис в Киргизии: основные акторы. 15.04.10 // Евразийский дом. URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/default.xml?lang=ru> (дата обращения: 12.11.12)
- 6.371. Хлюпин В. Казахские жузы: «демократический» трайбализм XXI в. 22.04.02. URL: <http://eurasia.org.ru/book/sbornik23.html> (дата обращения: 02.06.12.)
- 6.372. Чериков С. Истоки кыргызского регионализма. Восток – дело тонкое, грубостей не прощает 03.11.11 URL: Polit.kg <http://www.polit.kg/news/74> (дата обращения: 01.12.11.)
- 6.373. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России. // Полит.ру. 09.08.05. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/08/09/shanin/> (дата обращения: 28.10.08.)
- 6.374. Шевцова Л. Власть в обмен на бюрократию. // Коммерсант. 19.12.11. <http://www.kommersant.ru/doc/1836773> (дата обращения: 12.07.12.)
- 6.375. Экс-глава Киргизии заочно приговорен на родине к 24 годам колонии. 12.02.2013 // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20130212/922461140.html#ixzz2QJoSoBNg> (дата обращения: 04.04.13.)
- 6.376. Эсенов М. Центральная Азия на пороге XXI века. – 2008. – №1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ca-c.org/datarus/esenov3.shtml#up>
- 6.377. Этингер Я. Трайбализм подрывает Африку. Роль племенного фактора на Черном континенте 04.04.11. URL: http://www.ng.ru/world/2001-04-04/6_africa.html (дата обращения: 01.12.11..)

7. Словари, справочники, энциклопедии, данные статкомитета Кыргызской Республики

- 7.378. Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2007 – 2011. – Бишкек: Нацстатком КР, 2012. – 319 с.
- 7.379. Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. URL: <http://www.stat.kg/stat.files/census.pdf> (дата обращения: 08.04.13.)
- 7.380. Киргизия (2006 г.) Трудовая миграция в Киргизии // Страноведческий каталог «ECONRUS» URL: <http://catalog.fmb.ru/kirghizia10.shtml> (дата обращения 08.04.13.)
- 7.381. Кто есть кто. Статистика // ЦентрАзия.ru URL: <http://www.centrasia.ru/person.php>
- 7.382. Население мира: Демографический справочник Составитель В.А. Борисов, М.: «Мысль», 1989. – С. 10. URL: www.geocities.com/Athens/5246/History.html. (дата обращения: 24.07.07)
- 7.383. Министерство образования и науки Кыргызской республики. 16.04.2012 URL: <http://edu.gov.kg/ru/obrazovanie/vysshe-obrazovanie-i-poslevuzovskoe-professionalnoe-obrazovanie.html> (дата обращения 09.04.13.)
- 7.384. Национальный статистический комитет КР. «Независимый Кыргызстан за 10 лет». Цифры и факты. – Бишкек. 2001.
- 7.385. Олшанский Д.В. Политико-психологический словарь. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 576 с.
- 7.386. Парламенты зарубежных стран. Справочник. – М., Политиздат, 1968. – 384 с.
- 7.387. Справочник юридических терминов. URL: <http://www.assured.ru/dictionary/index.php?l=18&id=206> (дата обращения: 12.06.09)
- 7.388. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в 1995 г. – Бишкек: Национальный статистический комитет КР. Бишкек, 1996.

8. Иностранная литература

- 8.389. Countries at the Crossroads 2004. Country Reports. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/countries-crossroads-2004/kyrgyzstan> (дата обращения: 12.11.12.)
- 8.390. Doolotkeldieva A. Kyrgyz Migrants Working in Russia and Kazakstan // Central Asian Survey. – 2008. – Vol. 27. Issue 2. – P.129–141.

- 8.391. Freedom in the World 2009. Kyrgyzstan. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2009/kyrgyzstan> (дата обращения: 12.11.12).
- 8.392. Freedom in the World 2011. Kyrgyzstan. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2011/kyrgyzstan> (дата обращения: 12.11.12).
- 8.393. Olcott M. B. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. – Wahington, 1996. – P.9-10.
- 8.394. Schmidt M., Sagynbekova L. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2008. – Vol. 27. – Issue 2. – P.111 – 127.
- 8.395. Zhaparov A. The Issue of Chinese Migrations in Kyrgyzstan // The China and Eurasia Forum Quarterly. – 2009. – Vol. 7. No. 1. – P. 79 – 92.

Подписано в печать 25.07.2013.
Формат 60х 90 1/16. Гарнитура Cambria .
Бумага офсетная. Объем 17,75 п.л.

г. Бишкек, ул. Курманджан Датки, 207.
Типография «Maxprint»
Тел.: 0312 48 31 85